

63.3(2-2с178)

К 93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

• Выпуск 10 •

ВОЗРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

ки». Март 2015 г.

63.3(2-2СП8)
К 93

УДК 908(470.23-23)
ББК 26.99(2-2) С 001-1
— 803

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Выпуск 10

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

173495 / 2

ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга

АБОНЕМЕНТ

ОСТРОВ

Санкт-Петербург
2015

УДК 908(470.23–25)
ББК 26.89(2–2 Санкт-Петербург)
К93

К93 Курортный район. Страницы истории. Выпуск 10. – СПб.:
ООО «ИЦ «ОСТРОВ». 2015. – 160 с., илл.

Большая часть статей десятого выпуска посвящена истории Сестрорецка, который в этом году отметил своё 300-летие.

ISBN 978-8-94500-091-9

УДК 908(470.23–25)
ББК 26.89(2–2 Санкт-Петербург)

На 1-й стр. обложки: Так выглядел дом купца Леонтьева, расположенный в центре Сестрорецка, на рубеже XIX–XX веков. Фото В.М. Фёдорова

**Издательский центр «ОСТРОВ» благодарит А.А. Браво
(создателя сайта terijoki.spb.ru)
и сотрудников музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты»
за помощь подготовке этого издания**

© Авторы. 2015 г.
© Библиотека им. М.М. Зощенко. 2015 г.
© ООО «Издательский центр «ОСТРОВ». 2015 г.

А. Орфеев, М. Неклюдов

СЕСТРОРЕЦК¹

Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта

Возникновение Сестрорецка

Сестрорецк – большое селение – получило свое название от р. Сестры, на которой оно расположено в 26 верстах от Петербурга и в 2 верстах от Финского залива против Кронштадта. Река Сестра с ее извилистыми, местами возвышенными и отлогими берегами, вытекая из Финляндских болот, разделяется на два рукава, из которых один впадает в р. Вуоксу, а другой под именем р. Сестры от впадения в него реки Черной, постепенно увеличиваясь, делает крутой поворот с юго-востока на северо-запад и в 4 верстах ниже оружейного завода впадает в Финский залив. Длина реки 60 верст. Несмотря на свою незначительную глубину и ширину, р. Сестра с самого основания Новгородского княжества играла важную роль в истории нашего отечества. По заключенному в г. Новгороде договору² с 1326 г. до Столбовского мира³ (1617) она составляла границу между Швецией и Россией; после Нейстадского

¹ Печатается по изданию А. Орфеев и М. Неклюдов. Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта. СПб. 1900. Для удобства читателей текст дан в современной орфографии.

² Первый письменный договор «о вечном мире сроком на 10 лет», заключённый между Новгородской республикой и шведско-норвежским королем Магнусом VIII. Договор закрепил реально сложившуюся границу между двумя государствами. Здесь и далее прим. ред.

³ Заключен в деревне Столбово близ Тихвина. Положил конец русско-шведской войне, начатой шведами в 1611 г.

СЕСТРОРЪЦКЪ.

Краткій историческій и современный очеркъ съ описаніемъ курорта.

Требования: планы, виды историческихъ мѣстъ и другіе рисунки.

составили:

А. Орфеевъ и М. Неклюдовъ.

—ЗНАКЪ—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Сиб. акад. общ. Е. Еддаковъ. Троицкал, 16.
1900.

Титульный лист книги А. Орфеева и М. Неклюдова

заинтересовали его во время похода в Выборг, остановил свое внимание на крутом ее повороте с юго-востока на северо-запад в 4 верстах от впадения в Финский залив. На этом повороте он

договора⁴ (1721) отделяла Выборгскую губернию от России; в настоящее время служит границей между Финляндией и Петербургской губернией. Во время Великой Северной войны (1700–1721) историческое значение р. Сестры благодаря впадению в Финский залив и первобытным ее лесам, защищавшим русские войска от шведов, увеличилось. В 1710 г. для осмотра этих лесов Петр I снарядил команду офицеров, которые предоставили ему подробные сведения о результатах своей командировки.⁵

В 1714 г.⁶ Петр Великий сам, обозревая окрестности р. Сестры, которые

⁴ Договор об окончании Северной войны был заключен в Ништаде (Nystad).

⁵ Кроме осмотра лесов офицерам следовало «изыскать железные руды и составить карту местности». Карта эта могла сгореть в огне пожара 1868 г. Орфеев же в 1890 г. высказал предположение, что именно тогда «в голове Петра возникла мысль о постройке завода на этом месте». См. Орфеев А. Сестрорецкий завод // Оружейный сборник № 1. 1890. С. 5. Но еще 26 мая 1710 года Адмиралтейский советник А.В. Кикин писал К. Крюйсу об объявлении указа Петра, в котором говорилось о необходимости отправить порох из Нарвы в Кроншлот и к р. Сестре. А 8 июня он же писал Крюйсу о необходимости доставить на р. Сестру муку.

⁶ В одном из Походных журналов 1714 г. (их было три за этот год) говорится «20 сентября 1720 года царь на буере выехал из Санкт-Питерхбурга, исследовал устье реки Сестры. А затем отправился на остров Котлин». То есть высказываний о постройке завода на Сестре в тот день никто от него не слышал. См. Походный журнал. 1714. СПб. 1913. С. 132. В то же время есть сведения, что в июне 1714 года для постройки сестрорецких заводов «...приписано две кирки крестьян с лесами. Ныне (то есть в 1860-х гг. — Л.А.) одна стоит. Для рабочих людей построили казармы. С того времени первое строение завелось...» См РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 501. Л. 5.

приказал построить плотину для образования запруды и при ней завод, который снабжал бы разными предметами снаряжения флот и сухопутные войска, расположенные в Петербурге. Строителем завода Петр назначил полковника артиллерии Де-Геннина⁷. Плотники и мастера были вызваны с Петровских Олоонецких заводов. Постройка завода была закончена летом 1723 г.⁸ Он состоял из 20 фабрик (мастерских), на которых изготовлялись: большие якоря, чугуны, уклад, гвозди, пилы, проволока, солдатские и офицерские фузею, пистолеты, мушкетоны, шпаги, кортики и др. Машины, станки и другие технические приспособления, необходимые для приведения завода в действие, были доставлены морем на больших лодках с Петровских Олоонецких заводов и Ладожской якорной кузницы. Одновременно с этими машинами прибыли мастера и мастеровые, в количестве 564 человека, вместе с женами и детьми. Для обучения мастеровых оружейному делу, по приказанию Петра, были вызваны из Пруссии, Швеции и Польши опытные оружейники. Со времени открытия заводом своих действий металл на изготовление оружия получался из разных мест, преимущественно из Сибири, но с 1732 г. он доставлялся с Чернорецких или Дыбунских чугуно-плавительных заводов, находившихся при болоте Дыбун, в 6 верстах от Сестрорецкого завода.⁹ О существовании этих заводов в настоящее время не осталось никаких признаков.

В 1719 г. на основании именных указов Петра Великого, к заводу были приписаны леса, занимавшие пространство в окружности около 200 верст. Они простирались от Петербурга до Большой Выборгской дороги и кончались около Выборга. В 1779 г. большую часть этих лесов Екатерина II раздала разным приближенным к ней лицам: Потемкину, Брюсу и другим.

В 1723 г. по приказанию Петра I при Сестрорецком оружейном заводе были построены пороховые заводы, которые в среднем

⁷ Вилим Иванович (по рождению Георг Вильгельм) Геннин (1676–1750). Голландец по происхождению, он был принят на русскую службу в 1697 году во время «великого посольства» в Амстердаме. Он принимал участие в Северной войне, сражался в 1710 году под Выборгом, Кексгольмом, достраивал в 1712-м Пушечный литейный двор и пороховые заводы в Петербурге.

⁸ Официальное открытие завода состоялось в 1724 г.

⁹ Болотные железные руды были найдены на Черной речке при Меднозаводском разливе в 1728 г.

В.И. Геннин. 1676–1750

ежегодно изготавливали до 3500 пуд. пороха.

В 1735 г. Сестрорецкий завод вместе с пороховыми заводами¹⁰ был изъят из ведения морского ведомства и передан в артиллерийское ведомство, в распоряжении которого он находится до настоящего времени.

В 1756 г. при заводе была учреждена монетная экспедиция для переделки старых медных пушек в монету. Действие этой экспедиции продолжалось с 1756 по 1766 г. В этот период времени медных монет разной стоимости было начеканено на 2 000 000 руб.¹¹

В 1786 г. при заводе был учрежден пушечный завод для изготовления орудий. Но вследствие дорогой выделки этих орудий завод в 1789 г. был упразднен.

В данное время он выделяет винтовки обр. 1891 г. Кроме изготовления этих винтовок с 1901 г. он будет принимать частные заказы на разные изделия и главным образом на охотничьи ружья.

Дубковская роща Петра Великого и Канонерка

Из всех окрестных мест, принадлежащих Сестрорецку, в историческом отношении заслуживают особенного внимания Дубковская роща или Дубки Петра Великого и Канонирка.¹²

Дубки расположены на мысе, вдающемся в Финский залив, занимая пространство в 48 десятин. Часть дубов была насажена Петром I, которые служили украшением парка, расположенного

¹⁰ Производство пороха в Сестрорецке было прекращено в 1740 г.

¹¹ Монетная экспедиция просуществовала до 1766 г.

¹² До сих пор в разных изданиях имеют место оба варианта написания этого слова: Канонерка и Канонирка

вокруг дворца. Это любимый лес Петра, который он приказал хранить «как око». Дубковская роща в то же время служила увеселительным местом, куда приезжали для осмотра Сестрорецкого завода и его окрестностей сотрудники Петра, в честь которых в беседке, построенной на большом камне, находившемся в 100 с[аженьях] от дворца, он делал пиршества. Здесь, под сенью раскинувшихся дубов, в часы досуга от многочисленных и сложных государственных забот Петр любил отдыхать и заниматься посадкой фруктовых деревьев, плоды с которых собирала дочь его Императрица Елизавета Петровна при посещении в 1748 г. Дубков. Плоды настолько ей понравились, что она приказала их доставлять ко дворцу.

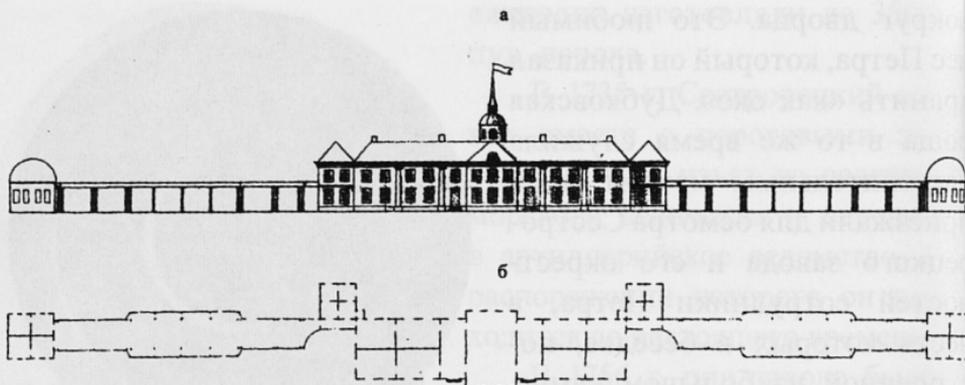
В 1719 г. Петр приказал в Дубках,¹³ которые ему понравились еще до возникновения Сестрорецкого завода, построить по составленному им самим плану¹⁴ трехэтажный каменный дворец с домовою церковью во имя Св. Апостолов Петра и Павла. Постройка дворца была окончена в 1720 г. Он был красив с внешней стороны и богат по тогдашнему времени внутренней отделкой. При освящении дворца и завода Петру была поднесена епископом Феофаном икона Св. Николая. Эта икона в настоя-

Знаменитый сестрорецкий рубль весом 1,049 кг. Изготовление таких монет было связано «...с надеждой начать выкуп ассигнаций, а тем временем обеспечивать их эмиссию, складывая в подвалы Ассигнационного банка не пятаки, а рублевые кружки, чеканка которых представлялась более выгодной». Спасский И.Г. Русская монетная система. Л. 1976. С. 202

¹³ Эти Дубки назывались Дальними в отличие от Старых (Средних) в Лисьем Носу и Новых (Ближних) в Лахте.

¹⁴ Исследования, проведенные известным сестрорецким краеведом Ольгой Григорьевной Растворовой, показали, что автором проекта Дубковского дворца был голландец С. ван Звитен.

*Дворец в Дальних Дубках.
Фиксационный чертеж и план. 1748 г.*

щее время находится в Петропавловской церкви, перед которой по воскресным дням после литургии, служатся молебны.¹⁵ При дворце Петр развел фруктовый сад, окаймленный со всех сторон канавой, наполнявшейся водой из Финского залива посредством двух искусственных канав. Против дворца были выстроены две каменные круглые вышки. Остатки одной из них сохранились до настоящего времени. С этих вышек Петр наблюдал за ходом шведских кораблей во время Великой Северной войны.¹⁶ После смерти Петра дворец стал приходить в упадок. Комиссия от строений, в ведении которой находились дворцы, от производства необходимого для поддержания его ремонта, отказалась. В 1726 г. внутренне украшение дворца было отправлено в Петербургские дворцы, а сам дворец был передан в распоряжение Сестрорецкого завода.

В 1762 г. дворец был приспособлен для заводского провиантского магазина. Наконец, в 1781 г. по распоряжению начальника Сестрорецкого оружейного завода дворец был разрушен, и из кирпича его была построена в Сестрорецке церковь Апостолов Петра и Павла. Эта церковь в 1868 г. сгорела.

Дубковская роща от Сестрорецка отделена земляным валом, возведенным в 1788 г. для защиты Сестрорецкого оружейного за-

¹⁵ Церковь Петра и Павла разрушена в 1932–1933 гг.

¹⁶ Петр не мог наблюдать за ходом шведских кораблей, потому что в 1720 годах шведские корабли в Финском заливе не появлялись.

Остатки каменных башен в Дубках. Начало XIX в.

вода от нападения шведского короля Густава III, который хотел отнять у России завоеванную Петром I Финляндию. Одновременно с устройством вала в Дубках были возведены земляные насыпи, которые в виде высоких курганов существуют до настоящего времени.¹⁷ На этих насыпях находились артиллерийские орудия. В настоящее время Дубки как для постоянных жителей Сестрорецка, так и для его дачников, составляют единственное место для прогулок.

Кроме Дубковского дворца в 1722 г. по приказанию Петра был построен деревянный дворец на том месте, где в настоящее время находится дом начальника завода. Этот дворец в 1771 г. был разрушен, а имевшиеся в нем дорогие обои, занавеси были пожертвованы в Петропавловскую Сестрорецкую церковь.

Канонирка – местность, расположенная между р. Сестрой и Финским заливом до Дубковского шоссе, получила свое название при следующих обстоятельствах. Одновременно с постройкой оружейного завода Петр I в 1719 г. приказал построить при устье р. Сестры, недалеко от настоящего курорта, гавань.¹⁸ Посредст-

¹⁷ Сохранился лишь один вал, который тянется вдоль главной аллеи парка Дубки.

¹⁸ Подробнее см. *Растворова О.Г.* Старинные гавани Сестрорецка // Курортный район.

вом этой гавани Сестрорецк имел дешевое и удобное сообщение с Петербургом и Кронштадтом, откуда приходили с разными материалами военные и коммерческие суда. Р. Сестра в то время была настолько глубока и обширна, что по ней из гавани доставлялись материалы на судах прямо в завод. Около гавани стояли постоянные часовые при пушках – канониры, от которых Канонирка и получила свое название. Для наблюдения канонирами за появлением иностранных судов в ночное время при гавани находился каменный высокий маяк с фонарем, освящавшим на значительном расстоянии вход в гавань.

Поверхность, почва и климат

Поверхность Сестрорецка на востоке и юго-востоке представляет низменную равнину, покрытую болотами и изрезанную двумя реками: Сестрой и Черной, образующими разлив площадью более 18 кв. верст; на западе и северо-западе – возвышенность, где господствуют пески и песчаные холмы (дюны), расположенные грядами, параллельно Финскому заливу, замечательные в геологическом отношении. Как пески, так и холмы своим происхождением обязаны морскому дну. С устройством Сестрорецкого оружейного завода, окружавшие его первобытные леса быстро уничтожались по берегу Финского залива для надобностей завода. Западные порывистые ветры, поднимая песок, выбрасываемый волнами на берег, заносили им вырубленные места. Благодаря своей подвижности, песок, свободно кочуя по воле ветра с одного места на другое, при встрече с природными препятствиями группировался, создавая холмы разнообразных очертаний. Песок холмов в свою очередь подхватываемый ветром, при встрече также с препятствиями, образовывал новые холмы, которые сливались вместе, достигая значительной высоты, или исчезали, как призрачные явления.¹⁹

В настоящее время как в самом Сестрорецке, так и в окрестностях его, особенно по берегу Финского залива при впадении

Страницы истории. Выпуск 5. СПб. 2010. С. 3–27.

¹⁹ См. подробнее статью Л.И. Амирханова Песок в Сестрорецке, опубликованную в настоящем сборнике.

в него р. Сестры, песок представляет целый ряд поразительных произведений ветра, из которых заслуживает особенного внимания гора, называемая Томина.²⁰ С вершины этой горы окрестности Сестрорецка представляют одно из живописных и красивых местностей северной окраины нашего обширного отечества.

Почва Сестрорецка по составу бедна и сыра. Верхние ее слои везде песчаные, а нижние – глинисто-иловаты, среди которых в большом количестве встречаются разных размеров камни (булыжник). Толщина песчаного слоя в некоторых местах достигает 30 фут. На глубине 70 фут лежит твердый пласт красной глины. В низких и прибрежных местах попадает железная руда, в виде небольших гнезд первоначального образования, от которой почвенная вода имеет красноватый цвет, похожий на чайный настой. Однако жители употребляют ее как для питья, так и для пищи. Колодцев с хорошей водой в Сестрорецке встречается очень мало, преимущественно в тех местах, где песчаный верхний слой достигает до 30 фут толщины.

Климат Сестрорецка подходит к Петербургскому. Средняя температура года по Реомюру – 4,5+, весны – 2+, лета – 13,2+, осени – 3,5+, зимы – 4-, самого жаркого месяца – 14+ и самого холодного – 7,5-.²¹ Самые лучшие месяцы – июнь и июль. Грозы редки. Наибольшая продолжительность дня равняется 18 час. 5 мин. В течение года холодных дней гораздо больше, чем теплых. Отличительная черта Сестрорецкого климата – внезапные и резкие переходы от тепла к холоду и от холода к теплу; так зимой после сильных морозов сразу наступает оттепель; летом по утрам холодно, а в полдень жарко. Однако, несмотря на все эти явления, климат Сестрорецка благодаря безукоризненной чистоте морского воздуха, песчаным возвышенностям и хвойным лесам, защищающим его от резких ветров, в общем – здоровый. Почему эпидемиологических болезней в нем не бывает. Самая большая смертность, вследствие губительных действий предшествовавших месяцев, бывает в апреле и мае, наименьшая же смертность – в летнее время.

²⁰ По данным С.В. Ренни – это дюна, располагавшаяся у Ржавой канавы. Была срыта при строительстве Приморской железной дороги.

²¹ Французский естествоиспытатель Р.А. Реомюр (1683–1757) в 1730 г. описал изобретенный им спиртовой термометр, шкала которого определялась точками кипения и замерзания воды и была разделена на 80 градусов.

Между ветрами, господствующими в Сестрорецке, первенствующее место занимают южный и юго-западный. Летом преобладают преимущественно западные и северо-западные ветры, которые делают воздух Сестрорецка чистым и здоровым.

Между временами года осень – самое дождливое, за ней по количеству выпадающих осадков следуют лето, весна и зима. Количество выпадающих осадков вполне обеспечивает влагой растительную жизнь, хотя распределение ее по месяцам не вполне благоприятствует растительности; так май и июнь месяцы, в течение которых растительность больше всего нуждается во влажности, бывают самые сухие. Напротив того, в июле месяце, когда растительность требует солнечных лучей, бывают частые дожди.

Из всех вод, имеющих влияние на климат Сестрорецка, Финский залив занимает первое место. Время вскрытия его: начало 2 мая, конец 16 мая, среднее 9 мая, время замерзания: начало 17 ноября, конец 7 декабря, среднее число 29 ноября. Позднее таяние льда, находящегося на этом заливе, замедляет растительную жизнь.

Население и промыслы

Всех жителей в Сестрорецке около 11 тысяч, в том числе постоянных 7 тысяч и пришлых 4 тысячи. Население с каждым годом увеличивается, так как число рождений превышает число смертей. Коренных жителей Сестрорецка составляют мастеровые и оружейники, переселенные в 1724 г. по приказанию Петра I с Петровских Олонецких заводов. Со времени возникновения Сестрорецка до 1868 г. каждый мастеровой был наделен по 6 десятин земли для сенокоса и пастбища скота с правом бесплатной рубки в заводских лесах дров и бревен на постройку себе изб. Провиант как для мастеровых, так и для их семейств доставлялся из Петербургского провиантского магазина. Все мастеровые подчинялись заводскому начальству и считались поселянами с правами военных служителей. Мастеровые, имевшие дома, хозяйство, удалялись из Сестрорецка по распоряжению заводского начальства только по суду и за выдающиеся преступления. В число жителей Сестрорецка могли вступать рекруты со всеми правами, предоставленными поселянам. Дети оружейников с 14-летнего возраста служили на заводе и числились

кантонистами.²² Мастеровые, в заводе и вне завода, «состояли в заводском ведении, как и остальные жители и повинвались во всем заводским учреждениям и никто не мог поселиться, построить, продать, отдать в наем дом без ведения заводского начальства».

Для сохранения порядка в селении мастеровые из своей среды выбирали старосту и десятника, чрез которых им объявлялись приказания заводского начальства при барабанном бое. Кроме заводских работ мастеровым заниматься побочными ремеслами строго запрещалось.

Одновременно с населением в Сестрорецке мастеровых Петр Великий разрешил селиться между ними лавочникам, маркитантам и рыбакам для продажи съестных припасов и других предметов жизненной потребности. Торговцы так же, как и мастеровые находились в ведении заводского начальства, которое имело право подвергать их наказаниям и выселять.

В 1867 г. оружейники были уволены на свободу с переименованием их в сельских обывателей со всеми правами и преимуществами государственных крестьян.

Кроме русских, в Сестрорецке числятся обывателями небольшое количество евреев и финнов.

Промыслов в Сестрорецке за исключением рыболовства почти совсем не существует, так как большинство его жителей — оружейники, все работают на оружейном заводе, который достаточно обеспечивает их существование. Что же касается рыболовства, то этот промысел благодаря обилию вод ведет свое начало с самого возникновения Сестрорецка. Рыбаки в Сестрорецке, как было уже сказано, поселились в царствование Петра I.

Рыбную ловлю они производили бесплатно. На основании указа Императрицы Екатерины I для них командиром завода, в ведении которого находились все окрестные воды, в 1726 г. были составлены следующие правила.

«Рыбаки, которые ловят рыбу, чтобы им продавать самим на рынке или на своих лодках охочим людям про себя, а откупщикам на продажу до половины дня, отнюдь никому не продавать, а по-

²² В Словотолкователе Бурдона и Михельсона, изданном в Петербурге в 1904 г., кантонист от фр. сапопег — жить на кантонир-квартирах — солдатский сын, воспитываемый для военной службы, или еврей, назначенный для приготовления в рекруты.

сле полудня продавать всем, а буде который в том пойман будет, и тот потому же наказан быть имеет».

В 1746 г. рыбаки обязаны были за рыбную ловлю вносить установленную плату.

При посещении в 1748 г. (4 августа) оружейного завода императрица Елизавета Петровна, покушав ухи, приготовленной из ершей и корюшки сестрорецких рыболовных мест, нашла ее настолько вкусной, что приказала таковую доставлять во дворец к ее обеденному столу. Почему для содержания постоянного запаса живой рыбы по распоряжению заводского начальства при устье р. Сестры, где в настоящее время находится курорт, был построен садок, куда иногда приезжали придворные повара для варения ухи, которая по приготовлении доставлялась ко двору Императрицы. При этом садке постоянно находилось несколько рыбаков, на обязанности которых лежало постоянно иметь живую рыбу, кроме удовлетворения царского стола, для приготовления кушаний для высших лиц, посещавших завод.

В настоящее время рыбная ловля главным образом производится в Финском заливе неводами и мережами. Пойманная рыба преимущественно отправляется в Петербург в живом виде, в бочках, налитых водой. Жители Сестрорецка большей частью снабжаются рыбой из заводского разлива и р.р. Сестры и Черной. Рыбным промыслом занимается до 50 человек. Всего рыбы продается в год на 25 тысяч руб. Самый большой поставщик рыбы в Петербург и на Сестрорецкий рынок считается здешний обыватель Смолкин, прадед которого для рыбной ловли переселился в Сестрорецк в 1745 г. из села Красного, вотчины Императрицы Марии Федоровны.

Церковь и духовенство

До 1725 г. для удовлетворения религиозного чувства мастеровых и служащих, а также для исполнения церковной службы в Сестрорецке, кроме церкви, выстроенной в Дубковском дворце, имелась только одна небольшая деревянная часовня. В 1725 г. была выстроена деревянная церковь во имя Апостолов Петра и Павла.

Но так как эта церковь была холодной и не могла вмещать всех молящихся, то в 1734 г. была выстроена другая деревянная теплая кладбищенская церковь Николая Чудотворца. До 1734 г. кладбище находилось на берегу заводского разлива, где в настоящее время соединяются Задняя и Староникольская улицы.²³

В 1781 г. по распоряжению заводского начальства вместо деревянной Петропавловской церкви была построена из кирпича разрушенного Дубковского дворца каменная церковь во имя тех же Апостолов. Как Петропавловская, так и Никольская церкви 15 июня 1868 г. сгорели. До 1871 г. служба совершалась в деревянном бараке, устроенном из уцелевшей от пожара каменной часовни, обращенной в алтарь.

Нынешняя церковь Петра и Павла, каменная, освящена в 1874 г.

Кладбищенская Никольская церковь деревянная была освящена в 1871 г. Часовен в Сестрорецке – две; одна находится в Дубковской роще, а другая в центре завода.²⁴ Обе каменные. Первая построена в 1858 г. местным священником Петром Лабеевским, в память освобождения Сестрорецка от нападения 1856 г. англо-французов;²⁵ вторая же в 1881 г. в память Императора Александра II.

К Дубковской часовне ежегодно в ближайший к 14 июня воскресный день совершается особый крестный ход, где служатся молебны с провозглашением «вечной памяти» основателю Сестрорецка Петру I. Причт состоит из двух священников, одного диакона и двух псаломщиков.

Так как в Сестрорецке со времени (1807–1820 и 1825 гг.) приобретения для завода правительством в Финляндии имений стали селиться для работы финны, то для них была построена деревянная Петропавловская лютеранская кирха. Эта кирха существует до настоящего времени.²⁶ Она находится на Выборгской дороге,

²³ Сейчас это место занимает сквер перед зданием ПТУ № 120.

²⁴ В начале XX в. в связи с реконструкцией завода часовню перенесли ближе к Управлению завода.

²⁵ Имеется в виду обстрел Сестрорецка англо-французскими кораблями 14 июня 1856 г. См. *Рудакова Л.И.* Часовня в Дубовой роще // Курортный район. Страницы истории. Выпуск 7. СПб. 2012. С. 88–90.

В 2014 г. часовня в Дубках была восстановлена.

²⁶ Закрыта в конце 1920-х гг. Разрушена в годы Великой Отечественной войны.

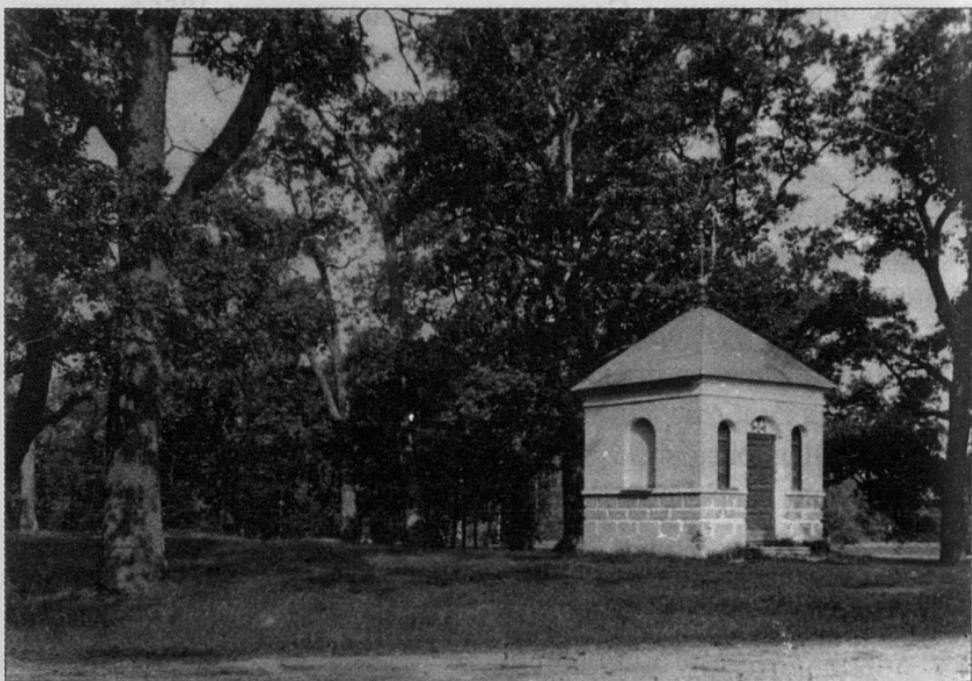

230. Сестрор. Оружейный заводъ — Внутр. дворъ.

Usine d'armes à Sestroretzk.

Заводской двор.

Вдали видна часовня в память императора Александра II

Часовня в Дубковском парке

проходящей из деревни Белоостров в Сестрорецк. Постоянного пастора кирка не имеет. Обязанности его исполняет пастор Александровской кирки.²⁷

Евреи для моления имеют синагогу. Раввинские обязанности исполняет избранный из среды евреев сельский обыватель, строго соблюдавший ветхозаветные законы.

Казенные, общественные, частные учреждения и заведения

К казенным учреждениям и заведениям относятся: 1) Сестрорецкий оружейный завод с ремесленной технической школой, отделением С.-Петербургской сберегательной кассы государственного банка, офицерским собранием и местным лазаретом. Начальником завода с 1894 г. состоит генерал-майор С.М. Мосин, известный изобретатель 3-линейной винтовки, которой в настоящее время вооружена русская армия;²⁸ 2) Сестрорецкая местная артиллерийская команда; 3) почтово-телеграфная контора со сберегательной кассой; 4) управление станového пристава, в распоряжении которого находятся полицейский надзиратель, урядники и городовые. Кроме того, имеются десятские и выборные из обывателей, действующие под надзором полицейских урядников, и 5) две винные лавки. К общественным учреждениям и заведениям относятся: 1) две школы, из них одна земская, выстроенная бывшим начальником завода Болониным,²⁹ а другая церковно-приходская. Учащихся в этих школах до 450 человек мальчиков и девочек; 2) волостное правление; 3) земская больница с аптекой; 4) благотворительное общество; 5) народная читальня; 6) пожарное общество; 7) общество спасания на водах; 8) две похоронные кассы; 9) общество трезвости; 10) ссудо-сберегательная касса и 11) общество потребителей.

²⁷ Авторы кирку Александровской, видимо, по небольшой деревушке Александровская, располагавшейся когда-то рядом с Белоостровом, где была лютеранская церковь Св. апостолов Петра и Павла.

²⁸ Подробно о С.И. Мосине и его винтовке будет рассказано в книге Л.И. Амиранова «Сестрорецкий оружейный завод. 1714–1917 гг.», которая выйдет в 2016 г.

²⁹ Болонин Николай Егорович был начальником (командиром) завода в 1880–1894 гг.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
«Сестрорецкий оружейный завод» Санкт-Петербурга
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157 17

173495/2

Из частных заведений наиболее значительны: 1) гостиница купца Калачева, прекрасно обставленная с номерами для приезжающих, на Петропавловской площади³⁰ и 2) две мануфактурных лавки, из которых одна купца Горшкова находится на Петропавловской площади, а другая купца Смирнова – на углу Большой Канонирки³¹ и Дубковского шоссе.

Курорт

В 1898 г. министерство государственных имуществ отвело обществу Приморской С.-Петербургско-Сестрорецкой железной дороги³² участок земли в 54 дес[ятины], находящийся на берегу Финского залива в 28 верстах от Петербурга и в 3-х верст[ах] от Сестрорецка с тем условием, чтобы оно на этом участке построило для столицы курорт. В том же году общество приступило к его постройке, и 10 июня 1900 г. он открыл свои действия. Местность, на которой расположен курорт, прекрасная. Она состоит из сухой песчаной почвы, постепенно возвышающейся от морского берега до берега р. Сестры.³³ Густой сосновый лес, представляющий чудный природный парк курорта со здоровым смолистым запахом, защищает его от зноя и резких воздушных течений, обуславливая равномерность температуры.

Сестрорецкий курорт по своей обширности превосходит не

*Почтальон на Дубковском шоссе.
Начало 1900 гг.*

³⁰ Здание сохранилось. Сейчас здесь военкомат Курортного района.

³¹ Ныне улица Коммунаров.

³² Создателем Сестрорецкого курорта и Приморской железной дороги был Петр Александрович Авенариус (1843–1909).

³³ С севера территорию парка ограничивает отводной канал, прорытый в 1833 г.

только русские, но и заграничные курорты. В настоящее время он состоит из трех отдельных обширных зданий: а) курзала, б) лечебницы и в) гостиницы.

Курзал красив, как с наружной, так и с внутренней стороны, в нем находятся следующие обширные и комфортабельно-обставленные комнаты: а) концертный зал с эстрадой для оркестра; во втором этаже этой залы находятся по правой и левой стороне ложи с отдельными бесплатными для посетителей меблированными кабинетами. Зала освещается тремя большими люстрами; в ней может поместиться до 1 ½ тыс. человек; б) буфетная; в) библиотечная, г) для игры в карты; д) бильярдная и е) две гостиных.

Фасадом курзал выходит на море, пред которым возвышается на 10 ф[ут] над уровнем моря гранитная эспланада с небольшими столиками для кушанья и питья посетителей. Параллельно курзалу и парку тянется освещающаяся электрическими фонарями набережная длиной свыше 300 саж. и шириной 2 саж. На ней расставлены чугунные скамейки с подвижными спинками. За набережной идет прекрасный чистый пляж с желтым мелким морским песком, на котором стоят купальни на колесах. Справа находится гавань курорта с павильоном для рыбной ловли, а слева Дубковская заповедная роща Петра Великого.

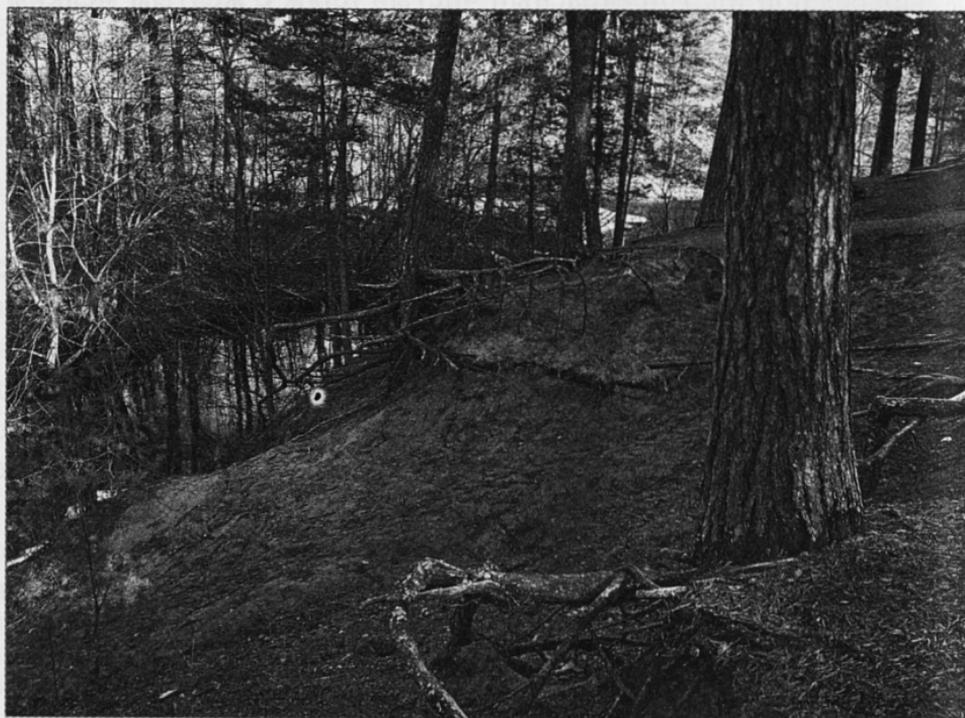
Недалеко от курзала на эспланаде стоит бронзовая статуя основателя Сестрорецка, Петра I, изображенного в одежде Саардамского плотника с топором в руках.³⁴ От курзала параллельно эспланаде тянется в 200 с[аж] длиной крытая галерея, освещающаяся электричеством, для гуляния в дождливую погоду.

Лечебница каменная 3-этажная с водонапорной башней 15 саж. высоты. Она состоит из двух зданий, соединенных стеклянной галереей. В нижнем этаже первого здания находятся: контора, лаборатория, электрическая станция и несколько комнат с аппаратами для приготовления искусственных минеральных вод; во 2-м этаже – приемная, кабинеты для врачей, души, бани русская и римская, ванны грязевые, серные, воздушные, световые, цветные и проч.; в 3-м этаже – гимнастический зал и комнаты для боль-

³⁴ Предположительно автором этой скульптуры был Л.А. Бернштам (1859–1939). Памятник «исчез» в 1924 году, предположительно во время известного наводнения. В 2014 г. памятник восстановлен, но находится теперь на территории парка «Дубки».

Набережная в Сестрорецком курорте

Берег отводного канала, прорытого в 1833 году. Фото 2014 г.

ных, желающих жить в водолечебнице. В другом здании лечебницы устроен обширный бассейн для купанья и плавания. Размеры бассейна: длина 10 саж. и ширина 5 саж., глубина различна. Посредством особых приспособлений бассейн наполняется проточной водой. Дно его облицовано стеклом цветом опала. Вокруг бассейна тянется коридор с кабинетами для раздевания. В подвале находится прачечная с сушильной, в которой, пока будет купаться больной, его белье вымоется и высушится.

В 40 саж. от лечебницы находится гостиница с пансионом курорта, двухэтажное деревянное здание на каменном фундаменте с 12 балконами по фасаду. Она включает в себе 64 комнаты или номера с хорошей обстановкой. В них освещение электрическое, а отопление паровое. Номера сдаются от 35 до 90 руб. в месяц: семейные же номера в три комнаты стоят 120 руб. в месяц. Суточная плата номеров от 2 до 3 руб. Пансионеры столуются в отдельной столовой курзала. Больные находятся под наблюдением курортского врача.

В числе развлечений курорта первое место занимает музыка. В курзале и парке играют два оркестра, из которых один военный духовой, а другой большой симфонический при участии знаменитых солистов. Последним оркестром периодически управляют музыкальные светила русские и заграничные.³⁵ Военный оркестр играет в парке, а симфонический в зале курзала. Временами устраиваются музыкально-вокальные и танцевальные вечера. В парке имеются кегли, гигантские шаги, крокеты, гимнастика и т. п. На море можно ловить рыбу с павильона гавани и кататься на лодках. В курзале имеется комната для игры в карты, бильярд и библиотека. Пользование библиотекой бесплатное.

---

³⁵ Особенно популярным был симфонический оркестр, которым руководил В. Сук.

*Железнодорожная улица (ныне ул. Андреева).
Вдали видна станция Курорт. К сожалению, дома
в начале этой улице ныне превращаются в руины*

Дачная жизнь Сестрорецка

Благодаря прекрасному географическому положению и здоровому климату Сестрорецк бесспорно занимает первое место среди всех дачных мест, находящихся в окрестностях Петербурга.

Дачные места Сестрорецка разделяются на три главных района: а) Канонирский, б) Дубковский и в) Новые места.

Канонирский район самый большой по количеству имеющихся в нем дач. Он состоит из Большой и Малой Канонирок и Приморской улиц. Местность эта песчаная и по берегу Финского залива покрыта сосновым лесом.

Дубковский район тянется по Дубковскому шоссе, начиная от станции Приморской С.-Петербургской железной дороги и кончая Дубковской рощей Петра Великого. По числу дач он – самый небольшой. Дубковское шоссе и Дубковская роща единственное место Сестрорецка для прогулок дачников и его постоянных жителей.

*Так в 2014 году выглядел дом № 1
по улице Андреева в Сестрорецке*

Новые места расположены по берегу разлива Сестрорецкого Оружейного завода, Эта местность песчаная, холмистая и покрыта сосновым лесом.

Всех дач в этих районах имеется около 350, что составляет в среднем 1200 комнат. Хотя они не отличаются роскошью и комфортом, но удобны и обстановка в них удовлетворительна. Почти каждая дача имеет балкон или террасу и небольшой садик. Цена дач в зависимости от числа имеющихся в них комнат и удобств различна. Так, дача в две комнаты стоит 60–80 руб., в три комнаты 100–140 р., в четыре комнаты 180–240 р., в пять комнат 300–350 р., в шесть комнат 400–500 р., в 7–8 комнат от 500 до 700 р. Особенно больших дач в Сестрорецке не имеется. Они сдаются с мебелью и без мебели. Лучшие дачи и вообще лучшие условия дачной жизни можно найти в Большой Канонирке и Приморской улице. Здесь удобные и хорошо содержимые дачи принадлежат: Росту,

Шуберту, Броуну, Шумахеру, Виторту и Суворову. Дачная жизнь Сестрорецка вообще тихая и спокойная. Она носит чисто деревенский характер.

Жизненные продукты дороги, так как они почти все за исключением молока и зелени доставляются из Петербурга.

В Сестрорецке имеются разные магазины, лавки, аптека, аптекарский магазин и т. п. Прислугу лучше привозить свою. Извозчики одноконные, имеют рессорные тележки. Достать их можно с 8 час. утра до 10 вечера около станции железной дороги и гостиницы Калачева.

В числе развлечений дачников первое место занимает музыка в Курзале курорта. Кроме того, можно пользоваться катанием на лодках и ужением рыбы. Лодки отдаются на разливе оружейного завода и в гавани курорта.

Адреса практикующих врачей можно узнать в аптекарском магазине Левина по Дубковскому шоссе, недалеко от оружейного завода.

Самое наилучшее сообщение Сестрорецка с Петербургом и Кронштадтом составляет Приморская С.-Петербургско-Сестрорецкая железная дорога, так как она для него построена. Станция этой дороги находится в центре Сестрорецка по Дубковскому шоссе.

Кроме того, сообщение Сестрорецка с Петербургом может быть произведено по шоссеюной дороге от Сестрорецка до станции Белоостров и от этой станции до Петербурга по Финляндской железной дороге. Плата по шоссеюной дороге извозчику от 80 коп. до 1 рубля.

Л.И. Амирханов

СЕСТРОРЕЦКИЕ ДЮНЫ

Часть первая

Сегодня о сестрорецких дюнах напоминают только названия санатория и пляжа. А когда-то эти блуждающие пески были в Сестрорецке повсюду. Не зря К.И. Чуковский писал: «Что такое Сестрорецк: только и высыпают песок из туфлей. Идут, идут, встанут в неудобнейшей позе под деревом – снимут туфлю и ш-ш! Посыпался песочек из туфлей».¹

«Дюны – прибрежные песчаные холмы, наносы, передвигаемые ветром». Так сказано в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова. Это слово пришло к нам из немецкого языка. Сестрорецким дюнам, конечно, далеко до знаменитой 64-метровой дюны Вильгельма Эфа на Куршской косе, но неприятностей они доставляли людям немало. Об этом рассказывают документы Комиссии по прекращению песчаных заносов, которые хранятся в Центральном Государственном Историческом архиве Санкт-Петербурга.

«Г-ну Петербургскому губернатору

В августе 1876 г. Сестрорецкое сельское общество обратилось к Управе с ходатайством об очистке от песчаных наносов Петербургской улицы² села Сестрорецк. Ходатайство это было доло-

¹ Чуковский К.И. Дневники. 1922–1935. М. 2011. С. 155.

² Ныне ул. Мосина.

жено Управою Санкт-Петербурга уездному Земскому собранию, которое в заседании 12 октября того года поручило Управе разработать вопрос о предупреждении распространения в Сестрорецке песчаных наносов.

Прежде чем приступить к этому делу, весьма сложному и требующему технических знаний, Управа просила Ваше Превосходительство ходатайствовать у г. Министра Государственных Имуществ о командировании специалиста, который совместно с Управою составил бы соображения по сему предмету. Вследствие этого от Министерства Государственных Имуществ был назначен старший запасный лесничий Статский советник Битный-Шляхта. Вместе с тем Управа в виду того, что Сестрорецкий Оружейный завод и часть земли в Сестрорецке принадлежит Артиллерийскому ведомству, просила оное назначить со своей стороны представителя, который принял бы участие в разработке вопроса о песках, что и было поручено Артиллерийским ведомством г. Начальнику Хозяйственного отделения Сестрорецкого Оружейного завода полковнику Лодыгину.

Тем временем по распоряжению был составлен план тех мест, где песчаные наносы особенно значительны; на плане этом находятся, однако не все те местности, которым песчаные наносы уже угрожают в настоящее время, а лишь наиболее пострадавшие.³ За сим местность как снятую на план, так и окрестную, подробно осматривали: Статский советник Битный-Шляхта, полковник Лодыгин и член Управы Ольхин. При осмотре этом найдено было ими следующее:

Местность, в которой расположен Сестрорецк, состоит из песчаного морского наноса, очень давнего образования, равно как и ближайшие и более отдаленные окрестности этого поселения.

Поверхность местности неровная, сильно бугристая; многие песчаные бугры достигают значительной вышины и, соединяясь между собой, образуют – не у морского берега, а более внутри материка, – с одной стороны высокие гряды, а с другой довольно глубокие котловины и ложбины.

Морской берег по преимуществу низменный и ровный, толь-

³ К сожалению, этот план найти пока не удалось.

ко местами возвышающийся в направлении к востоку. Он нигде не имеет настоящих непрерывных дюн, несмотря на повсеместное присутствие открытого песка и таких предметов, у которых песок очень легко мог бы под влиянием ветра накапливаться массами и образовывать дюны.

Часть песчаной поверхности как у взморья, так и дальше внутри задернела, часть находится под лесом преимущественно сосновым, или ольховым кустарником, часть, наконец, представляет голый песок, приходящий при ветре в движение.

Дерновый слой довольно слаб и местами настолько непрочен, что легко растаптывается и уничтожается совершенно от прохода и пастьбы скота. Растущий на песке лес вообще по всей местности чахлого вида, но некорявый. От постоянных и неправильных рубок он сильно изрежен, местами даже сплошь уничтожен на значительных площадях. Оставшаяся в Артиллерийском ведомстве часть леса площадью до 800 десятин, хотя также изрежена вырубками и местами включает небольшие сплошные вырубки, но находится в лучшем относительно состоянии и не носит, по крайней мере, на себе следов хищнического пользования. Песчаная почва под лесонасаждениями, вследствие изреженного состояния последних, почти повсеместно лишена поверхностного покрова, почему на более доступных для ветра прогалинах и сплошных вырубках приходит в движение и засыпает соседние участки. Ольховый кустарник, покрывающий теперь в одном месте сплошную площадь до 1 кв. версты, изрежен и потравлен скотом в самой сильной степени. Почва под кустарником задернела, и благодаря низменному положению постоянно сыра, так что от обнажения ее не может образоваться сыпучего песка, но с превращением – посредством рубок и пастьбы – ольхового леса в низкорослый ничтожный кустарник, открылся свободный для ветра доступ к обнаженным сыпучим пескам, лежащим за кустарником, отчего эти пески начали расширяться и, подвинувшись к Сестрорецку, стали теперь засыпать и самое селение.

У так называемого Перепада оказались засыпанными несколько дворов вплоть до крыши, один переулок совершенно исчез под песком, на Большой улице образовалась между домами

высокая песчаная гора, оставившая с одной стороны лишь узенький проезд и т. д.

Все открытые песчаные пространства образуют холмистые острова разной величины среди задернелых или заросших лесом мест. Некоторые из этих островов, очевидно от соединения под влиянием ветра нескольких в один общий, представляют теперь довольно обширные сплошные пространства летучего песка, угрожающего заносом всему окружающему. Эти то острова, как запасы большого количества передвижного песка, будучи рассеяны по всему пространству, положительно опасны для местности, не смотря на то, что общая площадь их в настоящее время не слишком поражает глаз.

Море, – как можно судить по его каменистому прибрежному дну и отсутствию голых песчаных холмов вдоль берега – ныне не выбрасывает более на земли Сестрорецка нового песка в сколько-нибудь значительном количестве, так что теперь оно положительно перестало давать свежий материал для песчаных заносов.⁴

Поступательно движение песчаных розсыпей происходит главным образом с запада на восток по направлению господствующих сильнейших морских ветров. Быстрее и постояннее оно совершается, очевидно там, где ветер не встречает для себя или вовсе никакой или только слабую преграду.

Таковы в общих чертах положение местности и характер тех песков, которые разносятся в настоящее время у Сестрорецка и его окрестностях, подвигаясь частью на самый Сестрорецк, частью на его удобные земли, и засыпая обывательские дома и улицы, железную и шоссейную дороги, огороды и местами даже лес, служащий лучшей оградой для сыпучего песка.

К означенной характеристике местности нелишне присовокупить еще следующие важные свойства, общие всем сыпучим пескам, а именно то, что раз получивши движение, они имеют

⁴ При обсуждении вопроса о Сестрорецких песках в заседание СПб Уездного Земского Собрания 12 октября 1878 г. Приглашенными в заседание это экспертами профессором А.А. Инностранцевым и В.В. Докучаевым высказано было предположение, что новые дюны должны и теперь образовываться на Сестрорецком побережье, так как образование оных в настоящее время около устьев Нарвы и на всем восточном берегу Финского залива, вплоть до Выборга, положительно доказано и потому нет причин полагать, чтобы Сестрорецк составлял исключение. Предположение это оспаривалось однако Битным-Шляхтою и гласным Комаровым, который принадлежит к числу обывателей Сестрорецка. *Сноска в источнике.*

способность сами собой расширяться от одного влияния ветра, который раскапывая, так сказать, залежи песка вглубь, в тоже время рассыпает их по близлежащему свободному пространству, застилая, таким образом, окрестности песком все больше и больше. Если имеется несколько оазисов сыпучего песка, то, разрастаясь, они могут соединиться в одну общую массу и принять угрожающий характер, какой например, приняли пески в настоящее время у Сестрорецка. Обратного явления, т. е. естественного уменьшения сыпучих песков еще нигде не наблюдалось; сами собой улечься они также не могут.

По соображении с вышеизложенным, по мнению комиссии меры защиты местности от песчаных заносов должны быть направлены главным образом:

1/ К приостановлению пришедших в движение песков, так как они сами собой ни уменьшиться, ни улечься не могут.

и 2/ к устранению причин раскрытия песчаных залежей способных превратиться в сыпучие пески.

В принятии мер от песка, выкидываемого морем на Сестрорецкий берег, не предвидится никакой надобности, потому что море, как объяснено было раньше, теперь не дает более материала для новых россыпей сколько-нибудь серьезного характера.

Предполагаемые мероприятия одинаково важны и взаимно дополняются одно другим ибо одно только укрепление пришедших в движение песков очевидно не защитит надежным образом местности, пока существует полнейшая возможность образования новых столь же грозных россыпей в других пунктах данной местности.

Под мерами первой категории понимаются одни культурные работы, имеющие целью покрыть древесною и кустарною растительностью голые подвижные пески.

Под мерами второй группы подразумеваются установление правильного и соответственного пользования сестрорецкими лесами и теми угодьями, кои могут превратиться в пески.

При рассмотрении этого вопроса как в сессию 1878 г. так и в сессию 1879 г. Петербургское Уездное Земское Собрание имело в виду, что не только Сестрорецкому селению, но и Сестрорецко-

му бассейну⁵ и казенному оружейному заводу движение песков угрожает большой опасностью. Местность у Перепада и Петербургской улицы, а равно и прилегающая к ней часть заводского разлива настолько засыпается уже теперь песками, что некоторые дома на Петербургской улице занесены выше крыш. Вследствие этого несколько обывателей обращались в Управу с просьбой о помощи и подавались жалобы Вашему Превосходительству, а, наконец, и г. Министру Внутренних дел, как видно из отношения Санкт-Петербургского Уездного Исправника от 3 ноября 1879 г. № 13282 по делу Богдановой.

Кроме вышепоименованных улиц в Канонерском участке песок лежит по всему лесу, который вдобавок заметно редет и достаточно малейшей неосторожности со стороны местных жителей, чтобы песком занесло весь участок. За этим участком песок является обнажившимся или обнажающимся. Далее от берега за портом Миллера наносные холмы тоже во многих местах уже двинулись.

Местность около железной дороги и финской церкви представляет сыпучий песок. Наконец, те улицы Сестрорецка, которые не шоссированы,⁶ также сплошь покрыты сыпучим песком, который заносит заводской разлив в верхней его части.

Предлагаемые в докладе частные меры для ограждения собственно Петербургской улицы, наиболее пострадавшей от заносов в настоящее время, Земское собрание не решилось принять на себя, так как оно не располагает ни нужными для этого денежными средствами, ни достаточной властью, а также и потому, что меры эти противодействующие особенно резкому проявлению сего бедствия в одной части селения оставались бы почти бесследными в виду общих условий Сестрорецка, заносимого песком с разных концов.

Для борьбы с этим злом потребуются во всяком случае значительные средства, которых у Земства нет и никогда не будет.

⁵ Имеется в виду Сестрорецкий Разлив, который в некоторых документах называли еще прозаичнее – заводским резервуаром.

⁶ Шоссе – от франц. *Chaussée* – насыпная дорога. В словотолкователе С.П. Алексеева (4-е издание вышло в 1898 г.) шоссе – широкая дорога, не на одну тысячу верст, почти всегда обсаженная с обеих сторон деревьями, крепко убитая щебнем с канавами для стока воды, если шоссе хорошо содержится, то очень удобно для езды во всякое время года.

Между тем в Сестрорецке находится Государственный Оружейный завод, существованию которого угрожает опасность; большая же часть жителей Сестрорецка состоит рабочими на этом заводе, а потому вопрос об ограждении как завода, так и жилищ этих рабочих, является не земским уездным вопросом, а вопросом государственным.

Вдобавок, культура леса, которым правительство могло бы задержать движение песков, не была бы безвозвратным расходом, так как лес этот мог бы давать со временем доход.

В виду всего вышеизложенного, Санкт-Петербургское уездное Земское собрание, в заседании 22 октября 1879 года определило ходатайствовать пред гг. министрами Военным, Внутренних дел, Государственных имуществ о безотлагательном принятии со стороны правительства необходимых мер к прекращению песчаных заносов в Сестрорецке.

Земская Управа СПб уезда честь имеет представить сие ходатайство Собрания Вашему Превосходительству для зависящих распоряжений.

Председатель Управы Кусов

Скрепил Секретарь М. Посадский».⁷

*На заседании 13 января 1881 года Комиссия признала, что песчаные заносы в Сестрорецке вызваны «...выгоном скота, принадлежащего Сестрорецкому обществу, вследствие того, что скот растаптывает верхний растительный слой и обнажает т. о. лежащий под ним песок, который затем постоянно действующими ветрами с моря разносится по направлению к Сестрорецку и потому следовало бы немедленно воспрепятствовать выгон скота на эти поля».*⁸

Однако с окончательными выводами Комиссия не торопилась, и назначила 15 и 16 мая для еще одного осмотра местности. К этому времени Члена комиссии полковника Лодыгина сменил полковник Н.А. Подгацкий, который тут же поставил перед Комиссией несколько вопросов:

«1. Есть ли точные указания на занос песком устьев рек Сестры и Черной, питающих заводской резервуар.

⁷ ЦГИА СПб Ф 256. Оп. 9. Д. 87. Л. 3-7.

⁸ Там же. Л. 15.

2. Есть ли указания на присутствие засыпания песком отводного канала для воды, спускаемой из существующей каменной плотины.

3. Нет ли признаков занесения песком водослива для отработанной воды в турбинах и колесах.

4. Нет ли признаков, показывающих, что показывается обмеление резервуара по его прибрежьям.

Так как Сестрорецкий Оружейный завод приспособлен исключительно для действия водой, то точное решение приведенных выше вопросов послужит указанием на существование или отсутствие какой-либо опасности заводу в будущем».⁹

Комиссия, судя по датам документов, не слишком торопилась принимать какие-то решения. Много времени ушло на составление плана Сестрорецка, который найти в архиве пока не удалось, но план Сестрорецка, датированный 1868 годом и составленный сразу после страшного пожара, наглядно показывает, какую площадь занимал в те годы песок.¹⁰ В конце концов, было принято, видимо, единственно правильное решение засадить местность саженцами, правда, как саженцы будут расти в песке – вопрос. Для этого уже в те годы существовали специальные технологии, но о них в документах – ни слова. Тем не менее смета на это была составлена.

«Сметное исчисление расходов по удержанию сыпучих песков у Сестрорецкого поселения:

1. Засадить черенками ивы 32,15 десятин чистых песков у Перепада, Лютеранской церкви и близ шоссе и железной дороги, на что потребуются:

а) черенков ивы при засадке рядами на 3-саженном расстоянии ряд от ряда, полагая по 1,5 куб саж, на всю площадь 48,23 куб. саж. хвороста;

б) огромное количество конных рабочих.

2. Засадить сосновыми 2–3-летними саженцами 55,88 десятин рядами на 4 фута и в расстоянии друг от друга на 3 фута, считая на одну десятину 1800 саженцев обыкновенной сосны на все пространство 547 624 саженца.

⁹ Там же. Л. 35.

¹⁰ Этот план будет опубликован в книге Л.И. Амирханова «Сестрорецкий Оружейный завод. 1714–1917 гг.»

Сосновых обезкрыленных семян по 1 р.50 коп за фунт согласно прейскуранту семяторговца Келлера¹¹ за все 82 р. 14 коп.

Всего с учетом ухода за посадками – 5304 р. 54 коп.»¹²

Окончательным итогом деятельности Комиссии стало заседание 12 марта 1885 года.

В заседании участвовали: Председатель А.Р. Гешвенд, член от Артиллерийского Ведомства начальник Сестрорецкого Оружейного завода Н.Е. Болонин, член специалист от Министерства Государственных Имуществ Х.Х. Виланд и вновь назначенный член от земства, член Санкт-Петербургской Уездной Земской Управы А.И. Яковлев вместо выбывшего С.А. Ольхина.

«Председатель комиссии заявил, что за совершенным окончанием работ по составлению подробного плана местности около Сестрорецка, измерению заводского бассейна, нивелировки устьев рек Сестры и Черной согласно программы, принятой Комиссией за предоставлением членом техником Виландом сметы стоимости работ и за собранием вообще всех требовавшихся данных, можно приступить к окончательному разрешению возложенной на Комиссию задачи.

Задачи комиссии состояли в следующем:

Исследование причин песчаных заносов в Сестрорецке и проектирование мер для их прекращения.

Определение, в какой мере могут быть привлечены к уплате части требующихся по прекращению заносов Сестрорецкое сельское общество и частные владельцы в Сестрорецке.

Определение расходов, которые должны пасть на Артиллерийское ведомство (т. е. казну) как единовременно, так и в течение более или менее продолжительного времени

Определение порядка заведывания работами и расходованием средств, которые будут отпускаться на выполнение этих работ.

По 1-му пункту Комиссия произвела осмотр местности, как в полном составе, так и через членов своих и преимущественно че-

¹¹ «Торговля семян лесных и луговых растений Генриха Келлера сына в Дармштадте в Гессенском Великом Герцогстве (семяносушильни новейшей конструкции с паровым и воздушным отоплением)». Представительство в Петербурге: К.К. Вагнер Представитель иностранных домов, Большая Морская, 21.

¹² ЦГИА СПб Ф 256. Оп. 9. Д. 87. Л. 106.

рез членов – специалистов лесного ведомства гг. Битнего-Шляхты и Виланда, затем произведено через приглашенного специалиста корпуса военных топографов полковника М.А. Савицкого подробное исследование песков Сестрорецка и окружающей местности и влияние этих песков на селение, на Сестрорецкий заводской разлив и на устье рек Сестры и Черной, а также на заводские водоспускные каналы, с нанесением на план всех подробностей.

На основании этих работ, подробно изложенных в протоколе комиссии от 9 июня 1882 года, в записке полковника Савицкого от 20 сентября 1883 года и записке и смете о необходимых лесокультурных работах старшего запасного лесничего статского советника Виланда от 16 июня 1884 года комиссия пришла к следующему заключению:

Пески кругом Сестрорецка и в сестрорецкой местной даче – несомненного дюнного происхождения, но уже веками заросшие лесом, в последнее время местами вновь обнажились для ветров, действующих с моря. Вырубки леса без правильно выработанного плана были причиной того, что сильные ветры могли поднять пески в тех местах, где поверхность не успела окрепнуть порослями кустарника, мха и травы. Посему комиссия признает, что мерами к прекращению дальнейшего развития движения песков должно быть:

1. Землекультурные работы по разведению леса и растительности на песчаных местах и для защиты песков от действия на них сильных ветров.

2. Учреждение правильного лесного и землекультурного хозяйства во всей лесной даче, т.е. установление правильного и ответственного пользования лесами и теми угодьями, которые могут легко превратиться в сыпучие пески.

По второму вопросу о привлечении к участию в уплате расходов Сестрорецкое сельское общество и частных владельцев, оказывается, что все песчаные места находятся на казенных землях, в том числе даже полоса под железной дорогой принадлежит Артиллерийскому ведомству и отдана лишь железной дороге по контракту в арендное пользование за ежегодную плату. Земли частных владельцев, разбросанные в разных местах небольшими

участками, так же как и земли сельского общества, находятся вне песчаных насыпей и между тем их земли и страдают от песчаных заносов. По сему едва ли возможно привлечь их к расходам в данном случае, тем более что имущество их по ценности своей не могло бы выдержать подобных расходов.

Земское уездное собрание уже признало невозможным привлечь часть лиц Сестрорецкого общества к расходам по принятию мер к прекращению песчаных заносов и само ходатайствовало именно о принятии этих расходов на счет казны.

Но вместе с тем нельзя не признать, что и сельское общество и частные владельцы земли не должны иметь права вырубать лес бесконтрольно, коль скоро подобная вырубка может иметь столь вредное влияние на целую местность и на государственное имущество вроде Сестрорецкого Оружейного завода. По сему Земство могло бы путем обязательного постановления воспретить бесконтрольную вырубку леса именно около Сестрорецка.

3. Наиболее заинтересованными в прекращении песчаных заносов является именно Артиллерийское ведомство, т. е. Оружейный завод, а потому все расходы должны будут пасть на казну.

Расходы эти будут следующие:

Из подробной сметы, составленной г. Виландом, видно, что единовременный расход на необходимые лесокультурные расходы исчислены в 2802 р. 27 к.

На уход за посадками и посевами, а также на пополнение погибших растений в продолжение ближайших пяти лет по 500 р. 45 к. — 2302 р. 27 к.

Независимо от сего требуется на содержание производителя работ (специалиста лесного ведомства) и в помощь ему объездчика и двух лесников по примерному штату в год 2334 р.

Однако этот расход на содержание лесничего, объездчика и проч. находится в связи с вопросом об учреждении на правильном основании постоянного управления всею сестрорецкою дачей, ибо без такового управления все расходы по лесокультуре могут оказаться бесполезными. По сему комиссия относительно 4-го пункта возложенной на нее задачи, полагает, что порядок заведования работами и расходованием сумм на них должен быть

предоставлен соглашением Управления Сестрорецкого Оружейного завода с Лесным департаментом Министерства Государственных имуществ

По соглашению этих учреждений должно быть также определено правильное заведование лесной дачей.

Комиссия полагает в связи с вышеизложенным сделать через его Превосходительство г. Губернатора представление Министру Внутренних дел, причем просить разрешения считать возложенное на нее поручение оконченным.

Комиссия полагала бы также составление плана местности с нивелированными профилями, образчиками грунта, вынутого со дна заводского бассейна и копию со всех записок передать в Управление Сестрорецкого Оружейного завода, ибо на средства Артиллерийского ведомства произведены изыскания. Все эти данные могут иметь важное значение именно в руках местного управления, которое одно только и в состоянии производить постоянное наблюдение за дальнейшим движением песков и затем через несколько лет сделать сравнение, какие произведены перемены в песчаных сугробах и в положении заводского разлива».¹³

К сожалению, документов, рассказывающих о том, как была реализована эта грандиозная программа, пока найти не удалось. Но думается, что эта программа, если и была реализована, то далеко не полностью. Об этом свидетельствует вышедшая в 1910 году книга «Школьные экскурсии. Их значение и организация». Это – Педагогический ежегодник, издаваемый при Санкт-Петербургском лесном коммерческом училище. Среди прочих статей в нем имеется особо интересующая нас – «Экскурсия на дюны. Очерк Сестрорецких дюн и их растительности» В.А. Дубянского. Ниже – фрагмент этой статьи.

«В окрестностях Петербурга в 30 верстах по Приморской железной дорог, на северо-западном берегу Финского залива, имеются типичные морские дюны, являющиеся благодатной темой для ученических экскурсий.

Грандиозные картины высоких белых дюн с крутым осыпаю-

¹³ ЦГИА СПб Ф 256. Оп. 9. Д. 87. Л. 115–118.

щимся восточным склоном, которым дюны надвигаются на вековой сосновый бор или озеро и засыпают их, покрывающая обнаженный песок рябь с ее правильным узором, постоянное движение песчинок при ветре и, наконец, оригинальная растительность подвижных песков, резко отличающаяся от обычной, производят сильное впечатление на учащихся и позволяют, пользуясь всем этим выпукло ставить вопросы; обилие же демонстративного материала и удачная группировка его в некоторых местах дают возможность из анализа показываемого материала шаг за шагом выводить ответы для выяснения основной темы о происхождении и постепенном развитии дюн.

Но еще большую педагогическую ценность придает этой теме ее внутреннее содержание. Дюны, представляя собою географическое явление, имеют сложную “жизнь”, которая начинается с их “рождения”, состоит из целого ряда последовательных изменений и заканчивается “смертью”. Объектом этой “жизни” является рыхлый субстрат – песок, а факторами, обуславливающими ее, море, ветер и растительность. Выяснение такой “жизни” географических явление необходимо в преподавании физической географии, и едва ли в окрестностях Петербурга найдется другое географическое явление, на котором можно было бы проследить всю его “жизнь”, с начала до конца, с такой же наглядностью, как в Сестрорецких дюнах.

[...]

Сестрорецкие дюны находятся на западном берегу Финского залива, в окрестностях уездного города Сестрорецка Петербургской губернии, лежащего в 28 верстах к северу от Петербурга. Как и всякие морские дюны, они представляют собой песчаные холмы, сложенные из однородного хорошо сортированного песка, который был выброшен морем на берег, унесен морским ветром вглубь страны и отложен там в виде холмов у задержавших его препятствий.

Располагаются сестрорецкие дюны на низменном побережье между террасой Лисьего носа на юге и террасой Финляндского берега (в деревне Куоккала) на севере, протянувшись вдоль берега полосой верст в 13 длины и около версты ширины.

Несмотря на небольшую площадь, ориентироваться в дюнах, благодаря их холмистости и высокому лесу, несколько затруднительно. Удобнее всего, конечно, пользоваться для этого реками и железной дорогой.

С востока к средней части дюн вплотную подходит озеро Разлив, которое образовалось от разлива впадающих в него рек Сестры и Черной, после того как при Петре I была сделана запруда ниже их слияния. Вода разлива, приводившая в движение колеса Оружейного завода, течет затем к морю по естественному руслу р. Сестры. Продвигаясь от завода на север вдоль полосы дюн, прорезая их посередине на протяжении 3 ½ верст, и впадает затем, после крутого поворота на запад, в море.

Кроме этой реки дюны прорезаются в поперечном направлении двумя искусственными отводными каналами: один, пересекаемый железной дорогой сразу же за железнодорожной станцией Сестрорецк, отводит по каменному водоспуску излишек воды из разлива в море, а другой, служивший северной границей парка Сестрорецкого курорта, представляет рукав р. Сестры в море. В том месте, где р. Сестра для впадения в море круто поворачивает на запад, в нее вливается с востока Граничный ручей.

По Приморской железной дороге дюны начинаются версты через 1 ½ за станции Горской, и идут параллельно полотну дороги, к востоку от нее. Около Сестрорецка ж[елезная]. дорога вступает в дюны и идет по их западной окраине.

От станции Курорт ж[елезная]. дорога, круто поворачивая к востоку, переходит Сестру и перерезает поперек полосу дюн почти на две трети ее ширины, а затем опять идет на север по полосе дюн до ст. Дюны, где заканчивалась.

Станция Дюны находится близ впадения в р. Сестру Граничного ручья, который протекает от таможи Редуголь на запад и служил Финляндской границей. На мосту через Граничный ручей, близ впадения его в р. Сестру, находится переходный таможенный пункт. С места впадения Граничного ручья граница идет по р. Сестре до моря.

При беглом предварительном осмотре дюн с целью общего знакомства с ними выяснялось следующее обстоятельство.

По своему характеру полоса дюн довольно резко делится на две части. Более длинная южная часть, начинающаяся близ ст. Горская и оканчивающаяся Курортом, отделена от моря низкой полосой, то слегка болотистой, то покрытой лесом.

Она состоит из невысоких и довольно пологих холмов различной формы, которые почти всюду покрыты сосновым лесом. Только у самого города Сестрорецка, на его западной и скверной окраинах, имеется местами обнаженный песок, почти всюду на месте вырубленного леса.

На западной стороне этот песок выдувается ветром с небольших обнаженных пятен и скопляется у заборов и домов невысокими холмиками. На северной и северо-восточной окраинах города, близ берега разлива, имеются большие котловины, с которых песок выдувается и скупивается на их окраинах, но, так как эти котловины выдувания почти окружены лесом, а некоторые из них уже засажены красноталом (*Salix acutifolia* Willd), то выдуваемый песок скопляется лишь небольшими разрозненными холмами. Остальное пространство дюн настолько прикрыто сосновым бором, что песок нигде не виден с поверхности. Только разрезы на берегах реки Сестры, обнажающие мощный слой мелкого однородного песка, подстилаемый глинисто-песчаным слоем с галькой, показывают, что бор располагается на дюнах.

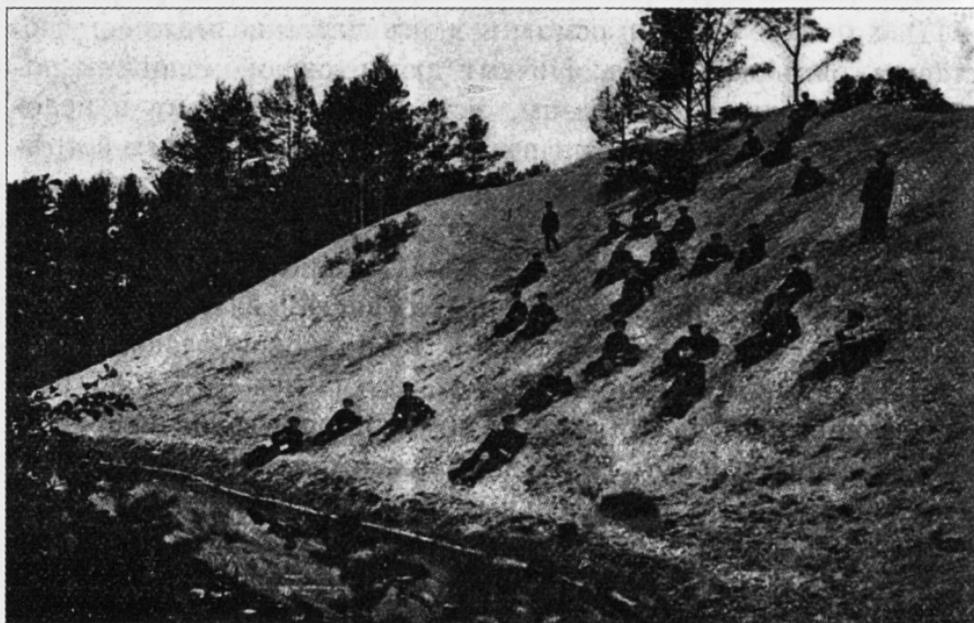
Иначе выглядит северная часть полосы дюн от Курорта до деревни Куоккала. Здесь дюны почти всюду подходят вплотную к морю и сливаются с его пологим песчаным берегом. Ближайшие к морю дюны невысоки, имели вид вала, вытянутого параллельно морскому берегу, и покрыты лишь травянистой растительностью и кустами краснотала.

За ними располагаются уже более высокие холмы разнообразной неправильной формы, покрытые редкими сосенками и несущие на себе следы сильнейшего разрушения их ветром, в виде множества рытвин, ям, ущелий, а также выдутых с корнями сосен, не говоря уже о мелкой растительности. Нередко встречающиеся здесь почти вертикальные разрезы дюн показывают слоистость их песка, зависящую от чередования тонких слоев песка, немного отличающихся друг от друга величиною своих частиц.

Иногда на таких разрезах можно было видеть и толстые, до 1–1 ½ вершка, прослойки черного цвета, состоящие из перегноя или кусочков угля.

Еще далее от моря встречаются огромные дюны, более или менее одинакового строения. Эти дюны в отличие от остальных бывают почти голыми и всегда имеют два различных склона, а именно – обращенный к морю, то есть западный, пологий (от 3° до 11°) и противоположный – крутой, почти осыпающийся (22° до 35°). Некоторые из этих дюн имеют правильную подковообразную форму, вогнутая сторона которой обращена к морю и, следовательно, пологая, а выпуклая обращена в противоположенную сторону и имеет крутой осыпающийся склон.

Наблюдая положение крутого склона, можно было заметить, что он медленно продвигался вперед. Это хорошо видно в том случае, когда крутой склон засыпает собою лес, что прекрасно выражено между отводным рукавом р. Сестры и ее устьем: засыпанные до различной высоты одновозрастные сосны не оставляют в этом никакого сомнения. То обстоятельство, что на противо-

Дюна к югу от деревни Оллила.

Дюна перешла через сосновый лес и засыпает озеро

ложном пологом склоне торчат стволы уже сухих сосен, убеждает в том, что вся дюна передвигается внутрь страны и освобождает засыпанные ею ранее деревья. За Финляндской границей высокая дюна подвигается своей выпуклой стороной на озеро,¹⁴ сузив его в этом мест уже наполовину. О движении дюны здесь можно судить по осыпающемуся склону и засыпанным соснам на вершине дюны. Последние от моря внутрь страны дюны и здесь были покрыты вековым бором, но эти, в противоположность дюнам южной части, очень высоки (особенно первые к северо-востоку от переходного таможенного пункта), и многие из них имеют правильно ориентированные крутой и пологий склоны.

Даже такой беглый осмотр дюн дает возможность поставить ряд вопросов. Почему дюны южной половины полосы невелики, однообразны, все покрыты лесом и неподвижны, в то время как в северной части полосы встречаются разнообразные по величине и одевающей их растительности дюны, до огромных, голых, засыпающих леса и озера дюн включительно? Как происходит движение таких дюн, и почему их подвижность связана с определенным строением склонов и подковообразной формой? В каком отношении находятся между собой располагающиеся в последовательном порядке по направлению от моря дюны: 1) в виде низких валов с травяным покровом, параллельные берегу, 2) небольшие раздуваемые с редкими соснами, 3) надвигающиеся голые и, наконец, 4) неподвижные, покрытые лесом? Какая связь существует между характером дюны и одевающей ее растительностью? И, наконец, каково участие моря в образовании дюн?»¹⁵

Ответы на эти и другие вопросы во второй части, которая будет опубликована в следующем выпуске.

¹⁴ Имеется в виду озеро Большое, в народе называемое Радоновым.

¹⁵ Дубянский В.А. Экскурсия на дюны // Школьные экскурсии. Их значение и организация. Сборник статей под редакцией Б.Е. Райкова. СПб. 1910. С. 84–88.

*Г.Н. Хрущева,
заместитель директора
по воспитательной работе Гимназии № 433*

Аркадий Федотов — герой Первой мировой войны

Аркадий Федотов

Сто лет назад, летом 1914 года, началась война, названная позднее Первой мировой, империалистической. Но для русского народа, который участвовал в этой колоссальной бойне, эта война была Великой и Второй Отечественной.

Сколько бедствий и войн прошло вслед за этой войной, сколько забыто имен и подвигов. Неизвестные герои давних лет... Совсем молодыми они попадали на фронт и проявляли чудеса удивительной храбрости и самопожертвования во имя РОДИНЫ.

Многие годы память об этих героях хранилась только в семейных архивах — ведь это были «белые офицеры». Но Время все расставляет на свои места. Сегодня любовь к Отечеству, чувство долга, самопожертвование никого не оставляют равнодушными.

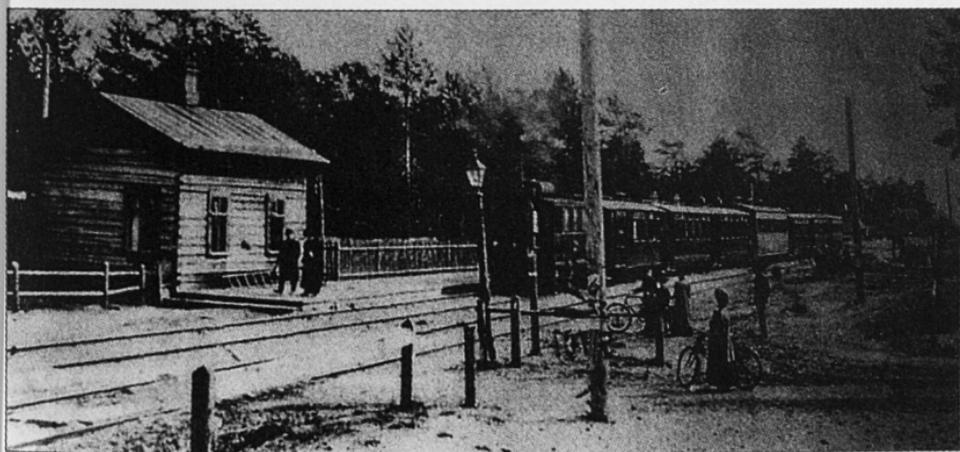
Краеведам гимназии №433 принесла свой семейный архив Галина Георгиевна Винокурова. Много лет хранят члены этой семьи память о своих родственниках. Фотографии, письма, открытки пережили три войны, голод, блокаду, репрессии. Многие из этих документов достойны уважения и публикации.

Большая и дружная семья Федотовых появилась в Сестрорецке в конце XIX века. Глава – Георгий Семенович и его жена – добрейшая Вера Александровна – были родом из крестьян Ярославской губернии.

В Сестрорецке они поселились недалеко от железнодорожной станции Ермоловская – снимали домик на углу Морской и Зоологической улиц. Отец занимался торговлей, имел продуктовую лавку и винный погреб. В доме даже был телефон, под № 10. Вера Александровна была хозяйкой большой семьи – шестеро детей: Николай, Лидия, Галина, Аркадий, Глеб, Валентин.

Семья Федотовых

Железнодорожная станция Ермоловская

Паспорт Г.С. Федотова

Учащиеся сестрорецкой церковно-приходской школы и их наставники. В первом ряду с букетом ландышей Галя Федотова, сестра Аркадия

В Сестрорецке дети ходили в церковно-приходскую школу, находившуюся рядом с церковью святых апостолов Петра и Павла в центре Сестрорецка. В этой церкви были крещены все дети Федотовых, о чем свидетельствует еще один сохранившийся в семье документ – выписка из метрической книги о рождении Галины.

Достаток в семье позволил всем детям получить хорошее образование. Мальчики учились в Коммерческом училище близ Ермоловской церкви, а девочки, когда подросли, были приняты в Смольный институт. Все дети в семье обладали хорошим слухом и получили музыкальное образование, играли на различных инструментах – скрипке, фортепиано, трубе и др.

Любовь к Родине и чувство высокого патриотизма было свойственно всем детям Федотовых. Во время Первой мировой войны на фронт ушли не только старшие сыновья, но и девочки. Став сестрой милосердия, Галина прислала из Варшавы в Сестрорецк письмо и свою фотографию.

Аркадий Федотов родился в 1893 году, в мае 1913 года окончил в Сестрорецке Коммерческое училище. Еще в детстве он «заразился неизлечимой любовью» к аэропланам, бредил небом, за что получил прозвище «Авиатор». Тогда, на заре авиации, многие мальчишки мечтали подняться в воздух на крылатой птице. Эта мечта осуществилась. Способствовала этому, к сожалению, начавшаяся в 1914 году Первая мировая война.

Аркадий был призван в армию 18 сентября 1914 года и направлен (по его настоятельной просьбе) в Офицерскую воздухоплавательную школу в Гатчине.

*Галина Федотова –
сестра милосердия*

В начале июня 1915 года Аркадий успешно сдал экзамены на звание прапорщика инженерных войск. И на его груди появился нагрудный знак летчика-наблюдателя.

Забегая вперед, надо сказать, что у Аркадия с детства было слабое сердце, и как ему удавалось проходить медицинский контроль при воинском наборе – остается загадкой.

Необходимо отметить, что воздухоплавание в начале прошлого века – дело героическое и небезопасное, так как аэропланы были несовершенных конструкций, оснащенные маломощными двигателями, часто терпели аварии и катастрофы. Их практиче-

Аркадий Федотов

Офицерская воздухоплавательная школа в Гатчине

ским применением была фронтовая разведка. Военные асы иногда даже устраивали воздушные дуэли – пилоты, сблизившись на достаточное расстояние, стреляли друг в друга из револьверов. Но к началу Первой мировой войны на вооружение самолетов появились пулеметы и авиабомбы.

В действующую армию Аркадий попал в октябре 1915 года, служил в 3-м корпусном авиационном отряде.

Вот фрагмент из послужного списка Аркадия Федотова:

«Рядовой – 18.09.1914 г.

Ефрейтор – 17.01.1915 г.

Младший унтер-офицер – 15.05.1915 г.

Прапорщик – 28.06.1915 г.»

*Нагрудный знак
летчика-наблюдателя*

А. Федотов в действующей армии (первый слева)

А. Федотов в группе сослуживцев зимой 1915–1916 гг.

Начались военные будни. В первых письмах домой – скупые строчки: «Летать не приходится, благодаря погоде, живем невесело...»

На снимке зимой 1915–1916 года, в кругу друзей-авиаторов, Аркадий выглядит уже опытным пилотом – асом, знающим цену жизни и смерти. Множится число его вылетов, иногда по нескольку раз в день. И с каждым полетом растет его выдержка, хладнокровие, мужество.

Федотов Аркадий Григорьевич «за воздушные разведки в феврале и марте 1916 года» был представлен к первой боевой награде – Ордену Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Вот короткие выдержки из книги В. Куликова «Польский орел в русском небе», которые очень ярко описывают ежедневные будничные вылеты летчиков.

«5 января Макиенок с наблюдателем прапорщиком Аркадием Федотовым вылетели на самолете “Моран-Парасоль” зав. № 492 для фотографирования позиций между Буркановым и Петликовце Старе. Чтобы получить снимки хорошего качества, пришлось снизиться над позициями с 1800 до 1300 м, выключив двигатель дабы не привлечь внимания противника».

Сильный ветер также был врагом авиаторов, летавших на хрупких аппаратах с маломощными моторами. В одном из полетных донесений летчики докладывали: «...сильный порывистый ветер мешал разведке, при полете против ветра самолет стоял на месте, позволяя артиллерии противника вести точную пристрелку».

«29 марта Макиёнок с наблюдателем прапорщиком Федотовым на “Моране” № 239 атаковали немецкий “Альбатрос” в районе деревень Рухотини и Клишковцы. Машина противника шла ниже нашего на 200–250 м и ее обстреливала русская артиллерия. После пятиминутной перестрелки с нашим самолетом противник повернул и ушел на запад. Тот же экипаж в 5 часов вечера того же дня выдержал бой в районе Хотина с двумя “Альбатросами”, которых отогнал за линию фронта.

[...]

1 апреля Макиёнок и Федотов при бомбометании станции Черновицы были сначала обстреляны артиллерией противника, а затем атакованы двумя “Альбатросами”, на пулеметный огонь которых отвечали выстрелами из пистолета “Маузер”. Вот на таких неравных условиях приходилось вести воздушные бои русским летчикам! Только мастерство и храбрость экипажа позволили с честью выйти из трудного положения и благополучно вернуться на аэродром».

Летом 1916 года Аркадий получает следующую награду – золотое Георгиевское оружие – «за то, что, состоя в 3-м корпусном авиационном отряде, 15-го июня 1916 г., будучи наблюдателем и вылетев в направлении станции Подгайцы, выдержал пулеметный бой с неприятельским аппаратом, который повредил наш самолет (были перебиты 3 троса, поддерживающие крылья) и, не-

*Аркадий Федотов (справа) и Анатолий Шкарин.
Последняя фотография героев*

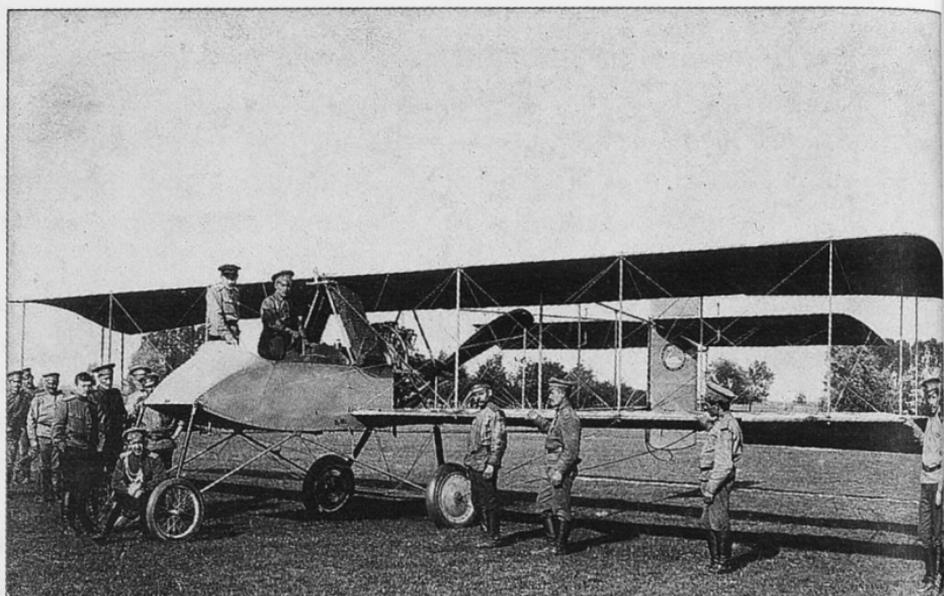
взирая на это, проник с опасностью для жизни в район расположения противника, произвел разведку, доставил своевременно сведения особой важности (фотографии укреплений противника) и тем способствовал удачным действием 2-го армейского корпуса».

И еще через месяц Аркадий Федотов награжден Орденом Святого Георгия 4-й степени – «за то, что во время воздушной разведки 17-го июля 1916 г., летая на аппарате системы “Буазен” и будучи, после сильного обстрела неприятельской артиллерией атакован в районе деревни Гниловоды германским аппаратом системы “Фоккер”, после упорного боя сбил его. Сам же был смертельно ранен 2 пулями противника, из которых одна была разрывная».

Доставил раненого Аркадия в полевой госпиталь его друг, летчик Анатолий Шкарин, с которым они совершили много совместных полетов в расположение противника.

Анатолий Викторович Шкарин разбился 23 марта 1917 года, возвращаясь с патрулирования фронта.

В семье внучатой племянницы Аркадия Федотова, Виноку-

*Аппараты «Вуазень». На таких машинах летал А. Федотов.
Из коллекции Г.Ф. Петрова*

ровой Галины Георгиевны, бережно хранятся реликвии – письма и открытки с фронта, газетные вырезки 1916 года с описанием подвигов нашего земляка. В одной из них говорится: «Сделав снова поворот, Шкарин повел наш аппарат перпендикулярно к неприятельскому аэроплану, стараясь перерезать ему дорогу. Федотов начал стрелять. В этот момент он был ранен двумя разрывными пулями, но, не взирая на ранения, продолжал бой.

Между тем неприятель, расстреляв все ленты, стал уходить влево, стараясь снизиться к своим позициям. Наш аппарат неуклонно следовал за ним, все время держась на одной и той же высоте.

Обессиленный от потери крови Федотов продолжал обстреливать врага. Но вот вражеский аппарат заколебался, скользнул на крыло и стал медленно падать. Затем он перешел в пикирование, быстро полетел вниз и ударился о землю с работающим мотором.

Окончательно обессиленный Федотов успел сказать Шкарину – теперь домой! – и впал в беспамятство.

Шкарин повернул к нашим позициям и благополучно спустился на аэродром отряда.

После трехдневных мучений Федотов скончался в госпитале».

В архиве семьи сохранился уникальный документ – письмо сестры милосердия Евгении Щеголевой, которая ухаживала за смертельно раненым прапорщиком. Молодая женщина написала это письмо отцу, Григорию Семеновичу Федотову, о последних трех днях жизни его сына. С глубоким волнением она подробно описывает выдержку Аркадия, то, как он не давал делать перевязку, пока не передал данные о своих наблюдениях, а сразу после этого потерял сознание. (см. Приложение)

Аркадий скончался 20 июля 1916 года, ему было 23 года.

В августе того же года, несмотря на боевые действия, родным удалось перевезти тело сына из Галиции в Петроград и перезахоронить на Сестрорецком кладбище

В газетной вырезке 1916 года есть замечательные строчки: «... теперь населению предстоит благодарная задача принять заботу о

памятнике тому, кто вырос и увековечил своим блестящим подвигом имя родного городка».

В конце прошлого века могила героя была осквернена, спилен авиационный пропеллер с памятника.

Спустя 120 лет, в день рождения Аркадия Григорьевича Федотова, 8 ноября 2013 года, на Сестрорецком кладбище состоялся митинг, посвященный открытию нового надгробного памятника летчику-наблюдателю, Герою Второй

Отечественной войны 1914–1916 гг. Это событие произошло благодаря кропотливой работе клуба краеведов гимназии № 433 и активной поддержки депутатов Муниципального Совета города Сестрорецка.

Восстановленный памятник на могиле А.Г. Федотова на Сестрорецком кладбище

Письмо медсестры Евгении Щеголевой С.Г. Федотову

Многоуважаемый Григорий Семенович! После смерти Вашего сына я так жалела, что не расспросила его при жизни про его родных и тем самым не могла написать пару слов о его последних днях, проведенных в нашем отряде. Насколько припомню, напишу все подряд. 17 июля, утром, в 8-м часу, во время моего дежурства вдруг услышали крик в коридоре: «Скорей носилки сюда!». Мы жили тогда в Бучаче, на вокзале. Я не успела расспросить вбежавших летчиков, в чем дело, послала только санитаров с носилками туда, куда им приказано было. Через несколько минут внесли к нам молодого красавца летчика в окровавленной куртке. Сейчас же разрезали его куртку, сбросили все с него и я увидела 3 раны; одна маленькая входная была на правом предплечье, вторая, широкая подмышкой и третья, довольно большая рана была на спине. Ваш сын был очень бледен, много крови потерял по всей вероятности.

Он молодцом держался. Давал во время перевязки, которую я ему накладывала, разные указания по карте своим товарищам. Уложили его на койку и я спать пошла после ночного дежурства. Вечером я узнала от сестер, что «мой летчик» чувствовал себя сравнительно хорошо, так я и не пошла больше к нему в этот день. На другой день я помогала его перевязывать, держала его голову, он был довольно слаб. Доктор нашел, что ему надо операцию делать, но вследствие слабого сердца, это невозможно. Ваш сын сам сказал доктору, что его сердце никуда не годится, а на мой вопрос, как он попал в летчики, он сказал: «Как-то не заметили, пропустили» – страшно тяжело сделалось на душе, более чем кого-либо захотелось его спасти. Я сидела вечером у его постели, разговаривала с ним, он немного развлекся, выразил своё сожаление, что он так болен «а то бы я вам много интересного рассказал, я много путешествовал, много видел в своей жизни». Я все старалась его утешить на лучшее будущее.

Он, кажется, все-таки не верил моим словам, улыбался как-то очень грустно и сказал: «Да, да, посмотрим!» Потом он мне жаловался на то, что сестры его обманывают, дают камфару, а говорят, что морфий, а он спать не может. Пожелала спокойной ночи и ушла. На другое утро я узнала от дежурной сестры, что мой летчик совсем не спал и чувствует себя очень плохо. Я сейчас же побежала к нему, выпросила у доктора позволения дежурить около раненого летчика вне очереди и так не от-

ходя от койки до 2-х ч. утра 20 июля до его смерти. Днем 19-го он очень беспокоен был, метался в кровати, то я его поднимала, то на один бок, то на другой его переключивала. Лицом он очень осунулся, да все время был в холодном поту. Физиологические вливания он получил и во время этой процедуры он печально сказал: «Это так больно! Если б моя мать видела, как меня тут мучают». Затем он очень волновался, когда всех офицеров эвакуировали, а его оставили. «Я, наверное, самый слабый из всех, оттого и меня оставляют». Я его утешала, сказала, что места не было для него и что его завтра отправят в Россию. «Как хотелось бы в Петроград попасть!» – говорил он. Одна сестрица дала ему свою мягкую подушку, наши госпитальные очень жесткие, и на этой подушке он и умер. Вечером доктор сделал ему пункцию, чтобы та жидкость, которая накопилась у него в груди, нашла место выхода, но ничего не вышло, только запах гангрены стал распространяться. Ваш сын сделался еще более беспокоен после этого, одышка началась у него и мы уложили его на постель в полупрежнем положении. Около 12 он начал бредить, все про войну, про пулеметы, очнулся, попросил дать ему морфия, чтобы он мог спать, «а то и я спать не могу, и Вам, сестрица, покоя не даю. Идите же спать, видите койка около меня свободная. Ложитесь!» Это меня ужасно как тронуло. Сам, бедненький, спать не может, от таких страшных болей, а заботится обо мне. Я не ушла с койки, сидела у него и держала его руку. Около часа он стал задыхаться. Я сейчас же велела подушку с кислородом принести, дала ему вдыхать кислород. Он просил доктора позвать, что бы он еще раз попробовал вытянуть эту жидкость из груди. Я послала за доктором. Доктор утешал его, обещал завтра все сделать, но уходя, мне шепнул, что тут нельзя ничего больше сделать. «Теперь я чувствую, что уже начинается» – сказал Ваш сын после ухода доктора. «Но очень жаль, военной музыки не будет». Боже мой, как мне сделалось грустно, все время наворачивались слезы на глаза, но я не показывала Вашему сыну, что опасность близка. Он долго смотрел в одну точку, потом на меня и на мой вопрос, о чем он думает, он ничего не ответил, отвернулся только от меня. Затем он мучился, около часа. Все задыхался, метался в постели, и я одна уже не могла с ним справиться и позвала другую сестру и мы вдвоем, не отходя от постели, делали все, что возможно было.

Вливания, впрыскивания, обтирания спиртом, горячие грелки, кислород – все было понапрасну, т.к. спасти его жизнь уже нельзя было, но ему легче было умереть. Он 5 минут только был без сознания. Попросил воды в последний раз, сам приподнялся, схватил стакан, залпом выпил, бросился назад и началась агония. Я держала ему голову, потом позвала другую сестру, сама разрыдалась, все накопленное за все эти дни прорвалось наружу и я уже не могла притворяться, когда увидела, что

Ваш сын уже ничего не понимает. Никогда еще я не плакала у постели умирающего, но когда Ваш сын умер, мне казалось, что кто-то очень дорогой ушел от меня. Может быть, он мне так дорог был оттого, что я ему первую перевязку наложила, да Ваш сын мне как-то больше доверял мне, чем другим сестрам. В эту же ночь после его смерти, мы послали вестового к тем летчикам, которые жили у нас сообщить о смерти их товарища и попросили дальше сообщить в его отряд. На другой день, 20-го днем приехали летчики, его товарищи с большим венком и белой лентой и надписью: «Герою товарищу и т.д.». Все товарищи были очень грустны, они просили его тело оставить у нас до следующего дня. Вечером 20-го тело Вашего сына положили в белый гроб и поставили его на перрон вокзала, оттого что в покойницекой было мало места для панихиды. Место, где стоял гроб, было украшено елочками и березками. Мы, сестры, нарвали цветов полевых, сделали ему по инициативе одного студента, из цветов и красной ленты большой погон наподобие маленького с его куртки. Я ему на подушку положила одну розу, а другая сестра ему в руки дал маленький деревянный крестик. Батюшка служил панихиду. около 8 вечера собрались его товарищи, все наши сестры и доктора, стояли в ряд. Наши санитары составили хор из солдат и сестер.

Всем было очень тяжело на душе, это было видно по бледным, грустным лицам. Я стояла сама не своя, около его гроба, как у гроба самого дорогого на свете. Всю эту ночь стоял его гроб на террасе и на следующий день, в день моего дежурства, приехали его товарищи на автомобиле за его гробом, опять отслужили панихиду, а потом наш доктор и его товарищи вынесли на плечах его гроб до автомобиля. Я не могла его сопровождать, была дежурная, много работы было, я сопровождала гроб только до дверей, а другая сестра шла за гробом до автомобиля. Первые же дни я не нашла себе покоя, все думала о Вашем сыне, об этом славном молодом герое. Все, что припомнила, написала Вам, опять пережила все это, немного изгладилось из памяти, но я с удовольствием делаю это для Вас, отца моего бедного летчика. Если Вы хотите по окончании войны повидаться со мной, милости просим, буду жить или в Петрограде или в Гатчине или еще где-нибудь вблизи Петрограда. Сама я Рижской общины, которая (неразборчиво), муж мой служит в Министерстве путей сообщения. Если Вы каким-нибудь путем меня найдете, буду рада очень. Свидетельство о смерти Вашего сына перешлю Вам сейчас же.

*С уважением
сестра милосердия
Евгения Адольфовна Нейланд-Щеголева
Галиция. 2/IX 16 год*

А.А. Намгаладзе-Бургвиц

ЛИЛЯ БУРГВИЦ И ЕЁ СЕМЬЯ

Я, Александр Андреевич Намгаладзе, родился 23 ноября 1943 года в Ленинграде. Блокада была уже прорвана, но ещё не снята. Роддом, где я появился на свет, находился где-то в районе проспекта Газа, недалеко от Нарвских ворот. Мама показывала его мне, но это было давно, когда я был маленький, мне сам этот факт только и запомнился. А вообще в районе проспектов Огородникова, Газа, кинотеатра «Москва» я часто бывал в детские годы: родная тётка Люся, старшая мамина сестра, долго жила с семьёй в подвальной комнате на углу улицы Степана Разина и проспекта Огородникова, и мы нередко живали у неё.

Когда меня в первый раз после родов вынесли к маме, она расплакалась – уж больно я был страшенький, да к тому же череп мой украшал огромный синий номер, написанный химическим карандашом. Маму уговаривали уморить меня голодом – сама, мол, иначе не выживешь...

О блокаде, о своей молодости, знакомстве с папой мама часто рассказывала мне в моём детстве, и если бы я решился писать об этом при её жизни, то наверняка написалось бы много и романтического, и трагического, и комического. Потом уже, после маминой смерти я записал кое-что со слов папы. Вот история их знакомства.

Повстречались они впервые на Кировских островах, в ЦПКиО, на проводах белых ночей 28 августа 1939 года. Папа был тогда курсантом Высшего Военно-морского училища имени

Фрунзе и с товарищем отпра-
вился в увольнительную. В пар-
ке они наткнулись на маму, гу-
лявшую с подружкой. Маме не
исполнилось ещё и семнадцати
лет, школьница из Сестрорецка,
откуда в Ленинград надо было
добираться поездом. Паровик
ходил редко и тащился долго –
это не электричка.

Как они познакомились –
можно только представлять себе
(а мама живописала бы в дета-
лях). Во всяком случае, уже на
следующий день после знаком-
ства мама поехала на свидание с
папой на Финляндский вокзал, а
в очередной выходной папа отпра-
вился в Сестрорецк, где позна-
комился со своей будущей тёщей, Александрой Владимировной,
моей бабушкой.

Ей он, видать, понравился – симпатичный парень с усиками,
скромный, в форме военно-морского курсанта, было ему тогда 22
года. Бабушка свиданиям не препятствовала, и в выходные либо
мама ездила на танцы в училище, либо папа – в Сестрорецк.

Запомнилось папе, как он из отпуска (ездил домой, в Грузию)
поехал прямо в Сестрорецк. Приехал вечером, пришёл на Крас-
ноармейскую, смотрит в окно – мама ест варенье, макая палец в
банку. Только что с танцев вернулась, очень их любила.

Бабушка моя смотрела на папу как на жениха дочери Лильки
(так её звали в семье), хотя поклонников у мамы было хоть отбав-
ляй: папа – двадцать первый («в очко сыграл», по его выражению),
он это установил по маминой записной книжке. Мама очень лю-
била знакомиться. Училась она тогда (в сороковом году) в девятом
классе.

Свидания продолжались до лета сорок первого года. Началась
война. Последний раз в ещё почти мирное время они встретились

*Лиля Бургвиץ.
1939–1940 гг.*

7В класс 1-й Сестрорецкой школы. 1937 г.

9А класс 1-й Сестрорецкой школы. 1939 г.

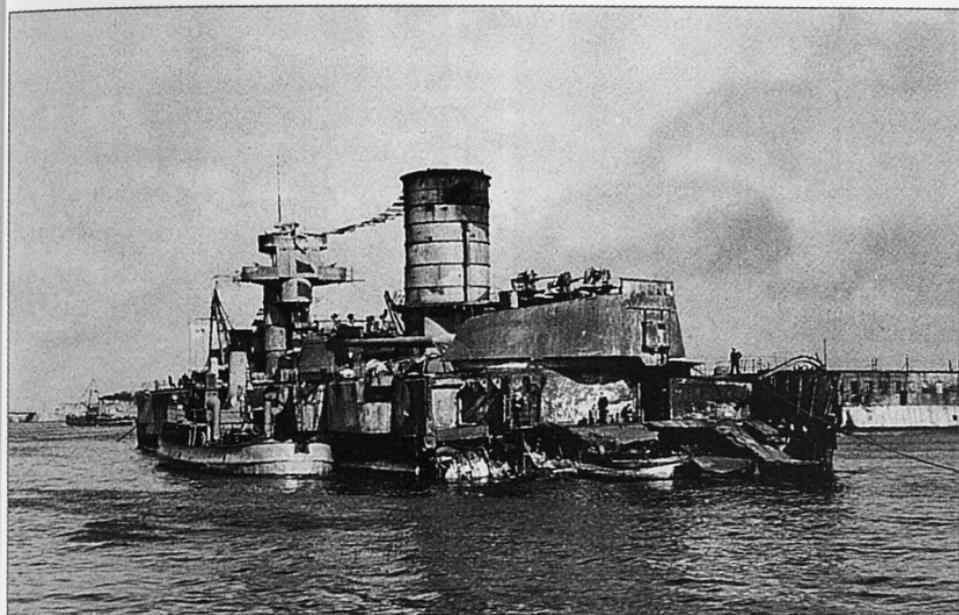
перед папиным выпуском – 5 июля. Папа отвёз в Сестрорецк чемодан с книгами и армейское одеяло, всё это закопали во дворе вместе с прочим имуществом – ждали немцев.

После училища папу направили в Таллин, но туда ему было уже не пробраться – немцы блокировали Финский залив. Пришлось остаться на Лужской военно-морской базе (Усть-Луга, Ручьи), где некоторое время он служил лоцманом, проводил корабли. Вскоре, однако, немцы выжали наших оттуда, и они на кораблях ушли в Ораниенбаум. Там находилась гидрография Балтийского флота. Гидрография – специальность, по которой папа окончил училище, и с ней была связана вся его последующая многолетняя служба на флоте.

Из Ораниенбаума папе удалось один раз съездить в Сестрорецк, в августе. Мама провожала его обратно в Ленинград, они зашли в ДЛТ (Дом Ленинградской Торговли), где товаров ещё было много, и папа купил маме «матерьял» на шерстяной костюм. Из Ораниенбаума, который был под угрозой захвата (начались грабежи), но который отстояли («ораниенбаумский пятачок»), гидрографы перебрались в Кронштадт. Оттуда искали фарватер на Лисий Нос – делали промеры к заброшенному рыбацкому причалу на старом гидрографическом кораблике «Мэрин Бой» («Морской мальчик»), переименованном в «Теодолит».

Попад в Лисий Нос, папа с товарищем – Васильевым, у которого была девушка в Разливе, отправились искать своих подруг. Фронт был уже рядом с Сестрорецком, жителей которого эвакуировали в Разлив и дальше к Ленинграду – в Тарховку, Горскую, а в Сестрорецке разместились воинские части. Подругу Васильева нашли сразу, она рассказала, где мама – тут же в Разливе. И они встретились. Это было в мамин день рождения, 14 октября, Покров день – действительно, был первый снег. Поговорили, и надо было возвращаться на корабль. Потом они потеряли друг друга.

Из Лисьего Носа папа вернулся в Кронштадт на обеспечение артиллерии (корректировка артиллерийского огня). Их «целотряд» располагался в разных точках: на фортах, на кронштадтском соборе, там делали засечки вспышек, определяли координаты цели и передавали на КП для подавления.

Линкор «Марат» после попадания немецкой бомбы

8 сентября – первая сильная бомбёжка Ленинграда с пожарами. 15 сентября – первая бомбёжка Кронштадта. На глазах у папы, в ста метрах от него «Ю-87» спикировал на линкор «Марат». Бомба попала в пороховой погреб. Рассеялся дым, самолёты улетели, на плаву осталась только кормовая часть славного линкора.

Как-то уже зимой, в феврале, когда началась блокада, и из Кронштадта в Ленинград добирались по льду Финского залива через Лисий Нос, папины сослуживцы, моряки-гидрографы возвращались из Ленинграда на грузовике. Возле Лахты им проголосовала тётка какая-то, закутанная в шерстяной платок, в телогрейке, перетянутой армейским ремнем. Её подобрали:

– Давай, бабка, садись!

А бабка оказалась совсем молоденькой девушкой. В разговоре между собой моряки упомянули папину фамилию, и девушка обратилась к ним:

– Вы знаете Андрея Намгаладзе?

– Конечно, служим вместе! А Вы что, знакомая его?

И тут папин однокашник, Смолов, узнал маму:

– Это ты, Лиля?

– Да, я. Что, изменилась сильно?

Мама сообщила морякам для папы свой адрес, они с бабушкой и маминым младшим братом – моим любимым дядюшкой Вовой по-прежнему жили в Разливе, только в другом доме. Письма весной не ходили. Папа по льду залива обходил пешком форты, расположенные на островах, определял координаты наших батарей. Последний из фортов – Первомайский («Тотлебен»), его видно хорошо из Сестрорецка. Оттуда папа, закончив работу, пошёл пешком через Сестрорецк в Разлив и разыскал там маму.

*Капитан-лейтенант
А.Б. Намгаладзе
в годы войны*

Дома были бабушка и дядя Вова, который лежал пластом – дистрофия. В свои восемнадцать лет он весил в то время 38 килограммов. Голод. За продуктами в зиму с сорок первого на сорок второй год мама пешком ходила в Ленинград, за тридцать с лишним вёрст! С жутью я слушал потом воспоминания мамы и бабушки о том, как людей уличали в поедании младенцев.

Папа подождал, когда мама придёт с работы из Сестрорецка, с завода имени Воскова (знаменитого оружейного), дождался, встретились, посидели, поговорили... Физически бабушка и дядя Вова очень ослабли, а мама держалась. Папа оставил им свой паёк – гречка, печенье, тушёнка. Это был март.

В апреле папу отозвали из Кронштадта в Ленинград. Он пошёл на улицу Степана Разина навестить Люсю, мамину старшую сестру, и встретил там всех: маму, бабушку, дядю Вову. Мама перевезла их из Разлива на санках. Дядю Вову вскоре забрали в армию. Это спасло его от голода. Перед отправкой на фронт его какое-то время держали в специальном откормочном подразделе-

лении, где он просто отъедался, набирал вес. Ушёл в ополчение и муж тётки Люси – дядя Серёжа, Сергей Николаевич Мороз. Чуть ли не в первом же бою под Автово он был ранен, раздробило пятку, всю жизнь потом хромял и бинтовал ногу.

Недолго воевал и дядя Вова: в январе 1943 года во время наступления на Красное Село; в котором дядя Вова участвовал в составе роты лыжников-автоматчиков, он был ранен осколком мины в плечо навьлет. Началась гангрена руки с кисти, но её удалось остановить без ампутации. Кисть левой руки скрючилась, высохла и превратилась

в изогнутую культю, на остатках пальцев которой росли кривые ногти. В детстве я с великим любопытством разглядывал исподтишка эту культю и восхищался, как ловко ею орудует дядя Вова.

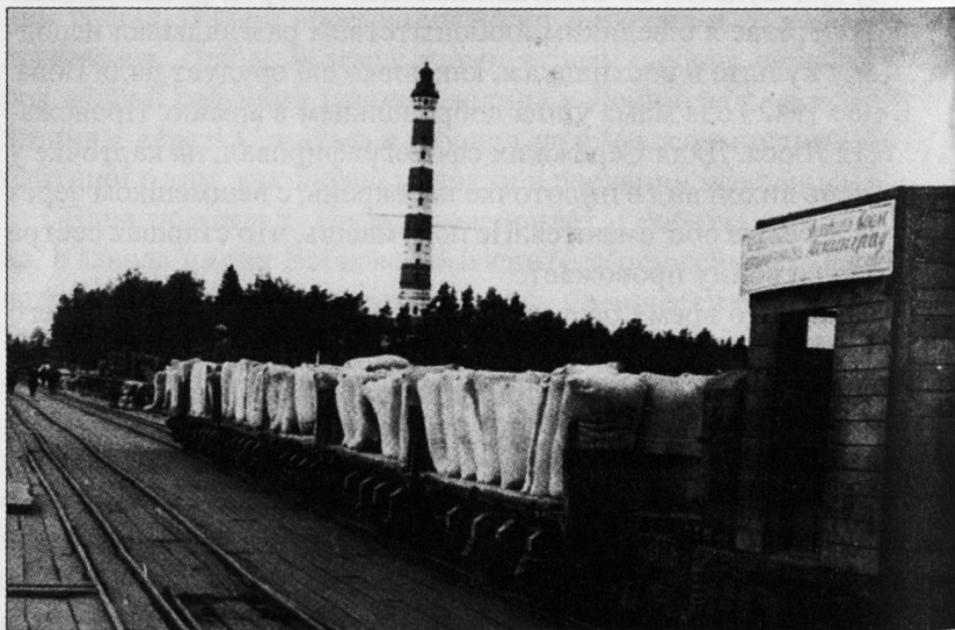
В мае 1942 года мама ушла добровольцем в армию. Провожала её тётка Люся. Дядя Серёжа их сфотографировал, на карточке у мамы очень лихой вид в пилоточке набекрень, с вещмешком через плечо. И весёлые обе, смеются. Не подумаешь, что старшая сестра младшую на войну провожает.

А папа в это время был уже на Ладогe, в Осиновце. Туда его направили из Ленинграда ещё в апреле. Службу нёс на прокладке с кораблей трубопровода для топлива по Ладогe через Шлиссельбургскую губу. И мама волею судьбы оказалась совсем рядом, её 88-й мостостроительный батальон стоял в Морье, в восьми километрах всего от Осиновца. В июле мама написала письмо на папину полевую почту, не представляя, что он здесь поблизости. И папа устроил ей сюрприз – явился к ней в часть. Так они снова нашли друг друга, теперь уже на фронте.

Лиля Бургвиץ в 1943 г.

В конце августа маму перевели на другой берег Ладоги, в Лаврово, на лесопильный завод. Осенью папа служил на тральщике (ТЩ-81), который буксировал баржу с кабелем. Кабель, шедший от Волховской ГЭС, прокладывали по дну Ладоги от Осиновца до Леднева на другой берег Ладожского озера. Четыре кабеля проложили по ночам без происшествий, а с пятым где-то задержались, и пришлось прокладывать днём. Погода была ясной, и немцы шанса не упустили. Налетели «Ю-87» и отбомбились по тральщику. Папа находился на мостике рядом с командиром корабля. Командира убило. А папа, когда увидел самолёт в пике и вывалившуюся из него бомбу, наклонился и инстинктивно поднял руку, прикрывая лицо. Осколки прошли по касательной к руке, распоров рукав шинели. Два крупных попали в грудь и в живот – слепые проникающие ранения, а мелкие влетели – один в голову, другой в ухо. Сознание папа не терял. Корабль сам довёл до берега, и папа своим ходом сошёл по трапу на берег. Там его положили на носилки и отправили в полевой госпиталь в Леднёво. Сразу же на операционный стол – вынули осколки. Это случилось 30 октября 1942-го года.

У Осиновецкого маяка. 1942 г.

Папу оставили в Леднёво, потому что он считался тяжело раненым, таких не отправляли в тыл, не доехал бы. Думали вообще, что не выживет – в живот большинство ранений считалось смертельными. Когда оправился немного, началась и три дня мучила страшная икота и рвота чёрным – признаки кризиса. Давали мадеру, оклемался. Стали лечить н о в ы м лекарством – стрептоцидом. Из госпиталя папа написал маме, она приехала в середине ноября. Папа уже начал потихонечку ходить, 21 декабря он выписался на амбулаторное лечение и поселился у своего товарища Онищенко «на хате». Мама приезжала туда к нему, там они и поженились. А расписались в 1944-м году, летом.

В марте папу отправили в Осиновец, перед отъездом он навещал маму в Лаврово. В июле сорок третьего года мама демобилизовалась по беременности. Встретились с папой в Осиновце, папа проводил её до Ленинграда, а потом приехал только в конце ноября, когда я появился, и нас с мамой уже выписали из больницы.

* * *

Мама – Елизавета Павловна Бургвиц (до замужества) родилась 14 октября 1922 года в Сестрорецке. Отец её, мой дедушка, – натуральный немец, Пауль Бургвиц, ветеринар по профессии, неизвестно как оказавшийся в России, может, и родившийся здесь. Во всяком случае, родители его, мои прадедушка и прабабушка – Вольдемар Эрнестович и Шарлотта Карловна Бургвиц (Burgwitz), по словам дяди Вовы, были похоронены на Сестрорецком кладбище.

Александра Владимировна, моя бабушка, была не первой и не последней женой моего дедушки. Дети Бургвица от всех его браков поддерживали между собой тесные родственные отношения как родные братья и сёстры. Жили Бургвицы в собственном деревянном доме на Красноармейской улице недалеко от озера Разлив. Нажив троих детей (старшая – тётя Люся, родилась в 1919 году, младший – дядя Вова – в 1924-м), Бургвиц с женой разошёлся. Во время войны его, якобы, повесили немцы.

Второй раз Александра Владимировна вышла замуж за латыша, чекиста, с которым прожила недолго, он умер, кажется, от

ран. Бабушка вышла замуж в третий раз, за Кузнецова, который пестовал её детей в их старшем школьном возрасте. Во время войны бабушка рассталась с Кузнецовым и больше не встречалась с ним. Уже после её смерти Кузнецов разыскал маму, приезжал к ней повидаться, а в семидесятых годах в Севастополе мама встретила с его дочерью Люсей. Они подружились и считали себя сестрёнками.

Бабушка после войны работала сестрой-хозяйкой в Сестротской больнице. Там она и умерла в мае 1953 года от кровоизлияния в мозг в возрасте 56 лет. Для меня это была первая смерть близкого человека, первые похороны. Помню бабушку, лежавшую в гробу дома; помню, что без страха, но весь какой-то застывший поцеловал её в холодный лоб.

Бабушка в молодости была привлекательной, недаром её дважды брали замуж с тремя детьми. Мама была похожа на неё и сохраняла чисто женскую соблазнительность, будучи сама уже бабушкой; правда, бабушкой она стала рано – в 43 года. Мама после войны не работала, считалась домохозяйкой, жизнь свою посвятила воспитанию детей и внуков. Имела правительственные награды, которыми очень гордилась: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и «30 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Она умерла, как и бабушка, в возрасте 56 лет, скоропостижно, от опухоли мозга, наличия которой у неё никто не предполагал.

Дед мой, Баграт, имел свой дом в деревне, был плотником, затем перебрался в город, в Батуми, где и жил с бабушкой, Христиной, до самой своей смерти в 1955 году. Он был ровесником Сталина и пережил его на два года, то есть родился в 1879 году и умер в возрасте 76 лет. Я видел его дважды – в 1950-м и в 1954-м годах, в Батуми. К тому времени это был малоподвижный сухой лысый старичок, до глаз заросший белой щетиной, с типичным грузинским носом. Работая на стройках, он часто калечился, падал с лесов, попадал рукой под пилу, и последние годы своей жизни проводил, сидя на стуле во двореике дома на улице Карла Маркса (недалеко от вокзала), в котором у них с бабушкой была комната.

Бабушка Христинья была лет на пять моложе деда. После его смерти она переехала к сыну Пантелею в Тбилиси, где умерла году в 1975-м в возрасте около 90 лет. У них было четверо сыновей и одна дочь, были ещё дети, умершие в младенчестве.

Старший брат отца, Дмитрий, дослужился до генерал-майора, в годы войны возглавлял разведку Черноморского флота, его портрет есть на одном из стендов Музея Черноморского Флота в Севастополе. Он умер в 1957 году от инфаркта. Хоронили его с воинскими почестями, гроб везли на орудийном лафете, впереди несли ордена, над могилой салютовали из карабинов.

Отец – Андрей (Арсен) Багратович Намгаладзе родился в день Октябрьской революции – 25 октября (по старому стилю) 1917 года, в селе Абаноэти близ Кутаиси. Фамилия происходит от грузинского «намгали» – серп, так что по-русски она звучала бы – Серпов. Фамилию эту носило больше половины жителей села, и отец уверяет, что все Намгаладзе в Грузии происходят из их деревни.

Отец учился сначала в Сельскохозяйственном институте на инженера-мелиоратора, а в 1938 году по призыву «Комсомол – на флот!» уехал в Ленинград в ВВМУ имени Фрунзе, где готовили военно-морских гидрографов. За годы войны он был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Красной Звезды (вторую получил уже после войны), медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

После войны он с 1946 года служил в Таллине (так, с одним «н» на конце писали в те годы название столицы Эстонской ССР), тралил мины в Финском заливе. С 1947 года в Коммунистической партии. В 1952 году поступил в Высшую Военно-Морскую Академию Кораблестроения и Вооружения (ВВМАКВ) имени Крылова в Ленинграде, которую окончил с серебряной медалью. С 1956 года служил в Калининграде заместителем начальника Отдела гидрографии Балтийского флота, в 1959–1960-х годах – в Свиноунде (Свиноустье) в Польше, с 1963-го по 1966 год – военным советником в Египте при Г. Насере, в Александрии, затем начальником 23-й Океанографической экспедиции в Севастополе, на корабле «Фаддей Белингсгаузен» ходил в Антарктиду. В 1968 году в

чине инженер-капитана 1 ранга вышел в отставку, отдав военной службе на флоте 30 лет. И до смерти мамы в 1978 году работал вольнонаёмным инженером у себя в экспедиции.

Из детей в семье я – старший. Мои сестры – Люба, родилась в 1945 году, и Мила, родилась в 1952 году, обе замужем, живут. Люба в Протвино, Московской области, Мила в Севастополе, но о них позже.

* * *

Родился я рукой вперёд вместе с головой, и долго в детстве так руку и держал, когда спал. Что бы это значило?

Из больницы мама привезла меня на Степана Разина, где она жила в это время вместе со своей бабушкой Лизой, сторожили квартиру, остальные все эвакуировались в Сибирь в начале лета. Бабушка Лиза, моя прабабушка (мать Александры Владимировны), работала почтальоном. Долго нянчить меня ей не довелось. Как-то, ослабев от голода, она упала на развороченном полу лестничной площадки (половицы отрывали на дрова), выбила глаз, но на работу продолжала ходить. Вскоре, однако, её разбил паралич, и в декабре она умерла. Хоронили на Волковом кладбище, отвозили на санках.

Мама осталась одна. В январе папа перевёз её вместе со мной на Нарвскую заставу, к тётке Шуре, подруге моей бабушки, моей крёстной – меня крестили по православному обряду. Колыбелью мне служило красивое деревянное корыто, привезённое из подвала на Степана Разина. В нём меня можно было качать, и купали меня в нём тоже. Как-то меня грели над плитой, и я написал в сковородку. У тёти Шуры папа довольно часто нас навещал. 27 января смотрели салют в честь снятия блокады.

Весной папу направили в Ручьи, отобранные у немцев, на траление мин, и до лета он в Ленинграде не появлялся. Приезжал в июне, а меня в это время не было дома, лежал в больнице, мне переливали мамину кровь. Мама приносила меня из больницы показать папе. Вид у меня был рахитичный, но что поделаешь?

В июле 1944 года папа с мамой, наконец, расписались. Моей фамилией вместо Бургвиц стала Намгаладзе. В сентябре папу от-

правили в Ленинград на учёбу – на годичные курсы повышения квалификации в училище имени Фрунзе. Теперь мы всей семьёй – мама, папа и я жили вместе, снова на Степана Разина. По вечерам папа готовился к занятиям, а я сидел у него на коленке и в свои десять месяцев уже чирикал карандашом у него в тетрадях и книжках. Или сидел на плетёном стульчаке для горшка и пилил напильником его ручку, гордо провозглашая:

– Я пиля, пиля ...

К окончанию курсов родилась моя сестра Люба – 12 августа 1945 года. Мы с папой ходили навещать маму в больницу. А вскоре папа опять уехал: после окончания курсов его направили в Таллин. Правда, оттуда его командировали в Ораниенбаум на траление, и папа мог заезжать иногда домой. Летом 1946 года мы жили в Разливе, а осенью всей семьёй переехали в Таллин и жили сначала у Вовков – в семье папиного сокурсника по училищу Онуфрия Вовка и его жены Шуры. Кончился первый ленинградский период моей жизни.

На лето мы обычно уезжали в Сестрорецк к бабушке, которая жила со своим младшим сыном – моим дядюшкой Вовой. Они занимали две комнаты – одну побольше, с печкой, другую крохотную, холодную, называлась она почему-то кухней, в доме № 14 по Красногвардейской улице. Напротив дома, через дорогу – озеро Разлив. В доме жили ещё две семьи и ветеран революции тётя Катя. Собственный бабушкин дом на Красноармейской улице давно уже кто-то занял, когда бабушка была в эвакуации.

Дядюшка Вова учился в техникуме при заводе имени Воскова и подрабатывал рисованием плакатов, торговых вывесок и объявлений, а я с восхищением смотрел, как уверенно и искусно действует он кисточкой, прижимая бумагу к столу культей левой руки и ярко раскрашивая свои произведения акварельными красками или гуашью. А сам рисовать красками я так и не полюбил; наверное, из-за своего дальтонизма, о существовании которого я тогда, впрочем, и не догадывался. Из-за этого же я не люблю и до сих пор собирать ягоды: они не бросаются мне в глаза на зелёном фоне, а из грибов я хуже всего нахожу подосиновики.

В жаркую погоду мы проводили время на песчаных пляжах

Разлива, рядом с деревянным мостом, у «читалки», и я довольно рано, лет в шесть, научился плавать. Однажды довелось мне и тонуть, да дядя Вова вытащил за волосы. В отпуск приезжал в Сестрорецк и папа. Сильное впечатление осталось от того, как папа делал мне парусник. Корпус он аккуратно вырезал из полена, а самым интересным было изготовление килья, который для остойчивости парусника делался из свинца. Свинец расплавлялся в консервной банке, и тяжёлая серебристая жидкость заливалась в приготовленное углубление в земле нужной формы с двумя воткнутыми в землю палочками. Свинец, обтекая палочки, заполнял форму и застывал, а получившийся киль через палочки гвоздями прибивался к днищу парусника. Наблюдать за изготовлением парусника мне было гораздо интереснее, чем потом пускать его в озеро.

Ещё одним запомнившимся развлечением было качание на гамаке в палисаднике у живших по соседству Кутуевых – тётки Веры, маминой подруги детства, и её мужа, дяди Кости (Кутуевы – девичья фамилия тётки Веры, а по мужу она Лозовская. Жили Лозовские у родителей тётки Веры – бабы Пани и деда Ивана Васильевича, старшины пожарной части). У них тогда была только одна дочка Ляля, моя сверстница, а впоследствии родились ещё две. Во дворе у Кутуевых я как-то свалился в выгребную яму, в другой раз туда же сумела угодить и моя сестрёнка Любка.

Летом 1952 года наша семья в количестве теперь уже пяти человек явилась в полном составе в Сестрорецк на свадьбу дяди Вовы с тётей Тamarой. Свадьба, должно быть, была весёлой: доплясались до того, что жениху отдавили большой палец ноги, так что ноготь слез. Играли свадьбу в доме родителей тётки Тамары, на Промстрое¹. В саду росли огромные лопухи ревеня, из стебля которого варили вкусный кисель, и в сыром виде стебель очень хорошо елся с сахаром, а мы с Вовкой Морозом, моим двоюродным братцем, мастерили из лопухов индейские наряды, дополняя их чалмами из полотенец, и шныряли в таком виде по кустам, что-то изображая.

В начале марта 1953 года мы переехали из Таллина в Сестрорецк в связи с поступлением папы в Академию Крылова.

---

¹ Дома на улице 1 Мая, построенные в первые послевоенные годы.

*Один из домов на улице 1 Мая, построенный в 1948 году.
Фото 2013 г.*

Моё детство неразрывно связано с маминной родиной – Сестрорецком, где мы постоянно жили всего два года, но где я бывал каждое лето. Когда папа учился в Академии, мы снимали в Сестрорецке (там жильё дешевле, чем в Ленинграде, и ездить папе только до Новой Деревни, и бабушка рядом, да и без того бы мама не променяла свой любимый Сестрорецк на Ленинград) две крохотные смежные комнатухи в трёхкомнатном деревянном доме на Задней улице. В большой комнате жила хозяйка – строгая пожилая женщина невысокого роста, тётя Вера, со своим внуком Сашкой, года на два младше меня.

До дома бабушки на Красногвардейской было недалеко, и я часто к ней бегал угощаться чаем с варёным сахаром. Иногда бабушка брала меня с собой на работу в госпиталь, где я мог читать книги из госпитальной библиотеки. Любил я ночевать у бабушки, мы спали вместе, я забирался в холодную постель первым и грел

бабушке место. Но пожить с ней рядом нам довелось совсем немного, месяца три только. Однажды ночью меня разбудили мамины рыдания – бабушка умерла. Перед этим она совершенно не болела, на работе у неё случилось кровоизлияние в мозг, отнялась половина тела, и через несколько часов она скончалась.

Дом № 14 на Красногвардейской улице в Сестрорецке. 1957 г.

После её смерти в дом на Красногвардейской переселились с Промстроя дядя Вова с тётёй Тamarой, у них я потом всегда и останавливался, приезжая на каникулы. Как приятно было засы-

пать на перине на полу под характерный шёпот радио, не выключавшегося на ночь, и монотонное бормотание электросчётчика. Я снова в Сестрорецке!

Одно озеро Разлив чего стоило: купания, рыбалка, ловля раков, катания на лодках, а зимой по льду на финских санках и самодельных буерах. Прекрасная вещь – финские сани: на длинных узких полозьях – стул с ручками на спинке, за эти ручки держишься, одной ногой стоишь на полозе, другой отталкиваешься, а на стуле пассажир или поклажа. Популярны эти сани были

Заготовка дров на Задней улице

Сестрорецкие лыжницы. Одна из них – теть Люся Мороз, сестра Лили Бургвиц. 1940 г.

и в Сестрорецке. И как средство развлечения, но больше просто как средство передвижения по укатанной дороге; и стар и млад на них ездили, особенно, когда тяжёлое что-нибудь надо доставить, например, бидон с керосином.

А дюны! Зимой на школьных уроках физкультуры мы ходили в дюны на лыжах. Сумасшедшие спуски, трамплины, заснеженный лес, солнце! А любимый дядюшка с его юмором и непрерывным подначиванием тётки Тамары, которая, впрочем, тоже в долгу не оставалась, коллекционирование марок, в которое меня втянул дядя Вова, чтение книг из его разрастающейся библиотеки, рисование. А пилить и колоть дрова, топить печку и сидеть с рыжим котом Барсиком у открытой дверцы, зачарованно глядя вместе с ним на раскалённые головешки поленьев, – вот райская жизнь!

Сейчас вместо Сестрорецка моего детства – многоэтажный город-спутник Санкт-Петербурга, нет ни Задней, ни Красногвар-

дейской улиц, почти не осталось деревянных домов с печками и дворов с поленницами, сараями и будками сортиров, куда бегать приходится в любую погоду, либо ведро с парашей дома держать, если ж... не желаешь отморозить.

* * *

Сестрорецку я обязан своим увлечением рыбной ловлей. Мой одноклассник, Вовка Кузьмин по прозвищу Кузя (у нас у всех были прозвища, образованные из фамилий; моими были Монгол и Намго) жил в доме, стоявшем на самом берегу озера. Во всех таких домах хозяева держали лодки. Кузе уже в восьмилетнем возрасте разрешали плавать на лодке в пределах Бочаги – озёрного залива, примыкавшего к дому, а подростки, мы выходили с ним и в открытый Разлив. С Кузиной лодки я поймал своих первых двух подлещиков (а может, это была густера, но крупная), а Кузе повезло выловить щуренка. Щурёнок был граммов на 500 и казался нам полноценной щукой.

Чаще же ловить приходилось с берега, с мостков, со стоявших на приколе лодок. Отлично ловился ёрш прямо с деревянных настилов купальни на пляже у «читалки». Помню, как я таскал ершей, невзирая на затяжной дождь, под которым я промок до нитки. В основном мои уловы шли на кормёжку Барсику, который пожирал ершей, урча от удовольствия, не взирая на ершиные колючки, но однажды мне удалось наловить на опарыша десятка два вполне приличной плотвы и густеры, это был уже вклад рыбака в домашний стол. Мама наша, как и все в Сестрорецке, свежую рыбу очень любила и моё увлечение поощряла (не из-за уловов, конечно, но и уловам всегда радовалась).

С рыбалкой была связана вторая в моей жизни порка. Я ловил с причаленной лодки, стоял на носу и так неудачно переакинул удочку, что зацепился крючком за соседнюю лодку. Пытаясь отцепиться, я потянул удилице, обе лодки – та, на которой я стоял, и за которую зацепился, пришли в движение, и я, потеряв равновесие, плюхнулся в воду. А дело было поздней осенью, близко к зиме. Наблюдавшая зрелище малышня помчалась к нашему дому с воплями: «Сашка в воду свалился!», и когда я, весь мокрый, по-

плёлся домой, навстречу мне уже двигался папа, почему-то с ремнем в руках.

Тут же на улице он меня и начал драть, а заканчивал дома. Порку я считал совершенно несправедливой, орал и сопротивлялся, чем ещё более распалаял отца. Кончалось это происшествие тем, что я ревел, прижавшись многострадальным задом в мокрых голубых кальсонах к стенке коридора нашего дома на Задней улице. Стоял я так, видимо, достаточно долго, поскольку на красных обоях коридора впоследствии остался светлый отпечаток моей задницы, а на кальсонах – красное пятно от обоев.

Надо сказать, что рыбалки в Сестрорецке запомнились мне не своей спортивной, азартной стороной, а чисто эстетическими впечатлениями утренних и вечерних зорь на озере. Запах лодки, тишина и поплавок на зеркальной глади воды зачаровывали меня уже в те годы, а в зрелом возрасте стали лучшим средством душевного успокоения.

Друзьями моими в Сестрорецке были Кузя, Лёнька Голиков, Славка Попов, Женька Крюков, Серёга Андреев, а позже Шурка Санкин. С Кузей я водился больше, чем с другими, поскольку он ближе всех жил к нашему дому. Кузя был типичным сестрорецким пацаном. Худенький, конопатый, остроглазый – он был необыкновенно ловок и умел. Мастерил всё по-взрослому (учился у старшего брата), отлично плавал, грёб на лодке, бегал на коньках и лыжах, прыгал с высочайших трамплинов, справлялся с громадным буером, метко подстреливал свиристелей из рогатки. Я во всём этом был слабее своих одноклассников, но их пренебрежения не чувствовал – и за мной признавались некоторые достоинства: я привлекал ребят своими рассказами о прочитанном и своими рисунками.

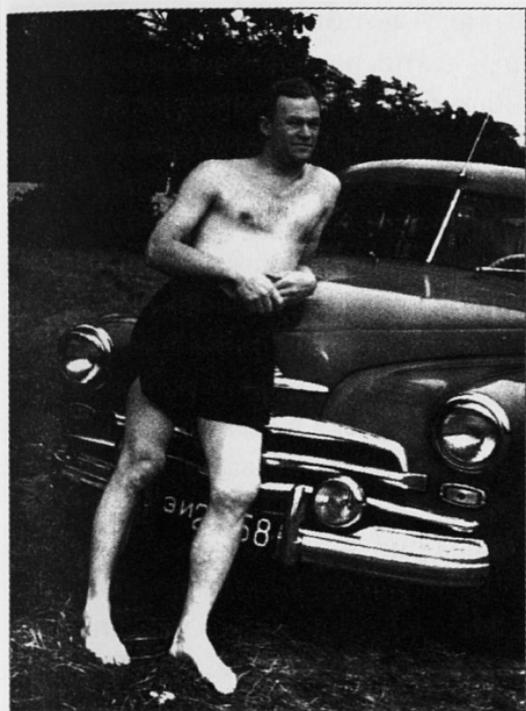
На мой день рождения, когда мне исполнилось десять лет, мои друзья – Кузя, Славка и Женька – явились, держа каждый подмышкой подарок – книгу. Это были «Василий Тёркин», «Малышок» Ликстанова и «Молодость» Леонова. Одна из них («Малышок») с дарственной надписью Славы Попова «Учись хорошо, Саша» сохранилась до сих пор, две другие я так часто перечитывал, особенно года через два-три, что от них ничего не осталось.

Прожив чуть меньше двух лет в самом Сестрорецке, мы переехали зимой (1954–1955 гг.) в Песочную, пригород Ленинграда в Сестрорецком же районе. От Ленинграда километров 30, от Сестрорецка – 15. На окраине Песочной, примыкавшей к лесу, располагался среди сосен так называемый «военно-морской городок» из стандартных финских одно- и двухквартирных домиков. В одном из них папе дали от Академии две комнаты в трёхкомнатной квартире. Соседями нашими были Ракибовы – толстая тётя Женья и её спортивный муж, тоже морской офицер Ракиб Рашидович, с дочкой Аллочкой, Любкиной ровесницей, вышедшей впоследствии замуж за известного хоккеиста Викулова, и младенцем сыном, Олежкой. Переезд, точнее, перевоз вещей происходил в буран. Машина застряла в снегу, и вещи пришлось таскать на себе по сугробам.

Окончив Академию, папа получил назначение в Калининград, бывший Кенигсберг, куда мы и переехали весной 1956 года, и где прошли мои уже вполне сознательные школьные годы с шестого по десятый класс.

В Калининграде наша семья впервые поселилась в отдельной квартире, да к тому же такой огромной: три комнаты, кухня, коридор, ванная с туалетом. По нынешним временам огромной, в действительности, была лишь кухня – метров двенадцать квадратных. Две смежные комнаты были жилыми, а третья – изолированная комнатка площадью метров пять вначале использовалась как кладовка по причине неисправности печки, а потом печку наладили, и в этой комнатке поселился я, отчего был несказанно счастлив.

Когда летом 1957 года мы ездили в Севастополь, то по дороге день или два провели в Москве вместе с мамиными друзьями детства, бывшими сестроречанами Алькой и Севкой – Олегом Марковичем Белаковским и Всеволодом Михайловичем Бобровым. Они учились вместе с мамой в одной школе, Алька в том же классе, а Севка – в параллельном. Одно время Алька ухаживал за мамой, приятельские отношения они поддерживали всю жизнь, и папа, по-моему, ревновал маму к Белаковскому. Все трое были одногодками, Бобров умер скоропостижно, через несколько ме-

*Вс. Бобров у своей «Победы».
Москва. 1957 г.*

сяцев после смерти мамы... Одно время Белаковский и Бобров вместе играли за футбольную команду сестрорецкого завода имени Воскова, а после войны связали свои жизни с футбольными и хоккейными командами ЦСКА (ЦДКА-ЦДСА-ЦСКМО так именовался армейский клуб в разные годы; Бобров, впрочем, играл ещё и за ВВС, и за «Спартак», и тренировал «Спартак», но имя себе сделал в ЦСКА). Белаковский окончил Военно-медицинскую академию и впоследствии долгое время состоял врачом при футбольной и хоккейной командах ЦСКА

и сборной страны, а Бобров – первый сестрорецкий хулиган, по маминим рассказам, стал суперзвездой советского футбола и хоккея, возможно, что даже самой яркой, в хоккее, по крайней мере.

В тот день мы ездили на бобровской «Победе» купаться на Москву-реку, а потом на Ленинские горы, где недавно был отстроен Университет, а внизу – Лужниковский стадион и Дворец спорта. Сохранились фотографии всей компании, которую я снимал не утерянным тогда ещё «Зенитом», в их числе – Бобров у своей «Победы» в длинных чёрных сатиновых трусах с корявыми колёнками, перенесшими не одну операцию.

Знакомство с прославленными армейцами и даже поездки в одном автобусе с командой на игры (дублёров и основного состава) с «Зенитом» всё же не сделало меня болельщиком ЦСКА, также как и полугрузинское происхождение – болельщиком тбилисского «Динамо», хотя игра грузинских футболистов всегда импо-

нировала мне своей элегантностью. А вот болельщиком «Зенита» меня сделал не столько ленинградский патриотизм, сколько отношение к футбольному делу Лёвы Бурчалкина, и в студенческие годы я не пропустил ни одной игры «Зенита» в Ленинграде.

Летние каникулы после девятого класса я проводил в Сестрорецке, большую часть времени у Шурки Санкина. Ездили с ним на моторке и на вёслах по Разливу, рыбачили, играли в настольный теннис. Встречался и с другими одноклассниками... По утрам, затемно ещё отправлялся зоревать с удочкой. Ловил на озере у завода, с мостков у водозабора. Хорошо ловилась плотва и густера на опарыша, вот только руки от него воняли. Днём в жару купался у моста, в перерывах между купаниями валялся на травке с книжкой.

Бесподобно весело провели мы один выходной в такой компании: дядя Вова с тётей Тamarой, дядя Витя – тёти Тамарин брат с женой Жанной, Валерка, племянник тёти Тамары и дяди Вити, сын их сестры Лиды, года на два помладше меня, и я. В субботу с вечера собрались у Бургвицев, сложили всё необходимое для рыбалки и пикника, переночевали все вместе, а рано утром, на рассвете поплыли на лодке (на вёслах) через весь Разлив к Чёрной речке. Мы с Валеркой и дядей Витей рыбачили, дядя Вова чинил шалаш и разводил костёр, женщины готовили пищу. Когда солнце поднялось высоко и клевать перестало, собрались все на берегу, взрослые выпивали, но умеренно, под контролем бдительных женщин, а дурачились как дети – дядя Витя и дядя Вова слова не скажут без подначки, смеху было – животы надорвали. Потом купались, загорали, а вечером снова переход через весь Разлив на вёслах, гребли по очереди...

С Валеркой я несколько раз ходил по сестрорецким дворам пилить, колоть дрова – зарабатывал на марки и новый большой кляссер. Платили нам по три рубля (старыми деньгами, то есть по тридцать копеек нынешними) за кубометр. За день мы перерабатывали кубометров шесть, то есть зарабатывали меньше десяти на нос, но всё равно были страшно довольны заработком, да и сама работа нам нравилась.

С Валеркой же я впервые рыбачил на Сестре-реке с ночёвкой.

Андрей и Лиля Намгаладзе с дочкой Милой

Хорошо помню, как мы мёрзли ночью, прижимаясь друг к другу в шалаше и пытаясь заснуть, и как до стога я мечтал о тёплой постели с крахмальным бельём, как хорошо и уютно сейчас дома, а мы тут мёрзнем, несчастные, когда же эта ночь кончится? Но настало утро, взошло солнце, и нам уже не хотелось домой – хорошо тут на речке!

Особенно запомнился день рождения у Ляльки Лозовской. Там я встретился с Серёгой Андреевым, будущим Лялькиным мужем, с Женькой Крюковым, моим первым сестрорецким соседом по парте, которого я перед тем больше четырёх лет уже не видел и который теперь мне очень понравился, показался просто замечательным парнем, а главное – с Наташей Денисовой, моей первой любовью с третьего класса. Впервые мы с ней танцевали, запросто и весело болтали, нежные чувства возрождались в моей душе. Какое-то время я снова начал мечтать о Наташе...

А потом было окончание школы, поступление в Университет

им. Жданова. Среди поступивших на физфак, теперь моих сокурсников, оказались мои бывшие одноклассники: Серёга Андреев из Сестрорецка, Лариска Бахур и Костя Тимофеев из Песочной, которым я очень обрадовался, правда, все мы попали в разные группы и встречались только на лекциях для всего курса.

По результатам вступительных экзаменов мне дали стипендию («стипуху») – 29 рублей, но поскольку я относился к категории материально обеспеченных студентов (доход в семье больше 60 рублей на человека) – не дали общежития. Я хотел жить у Бургвицев в Сестрорецке, скандалил по этому поводу с мамой, но ею было определено, что я буду жить у Морозов на Удельной. Я поселился пятым в комнате площадью метров в восемнадцать квадратных, где жили тётя Люся с дядей Серёжей и их сыновья, мои двоюродные братцы – Вовка и Колька, один на два года, второй на семь лет младше меня. На ночь мне ставили раскладушку, тётя Люся кормила меня (превосходно причём, поесть Морозы любили, а готовила тётя Люся отлично) завтраками и ужинами, а обедал я в университетской столовой («восьмёрке»): 35 копеек комплексный обед, хлеб бесплатно, да ещё капусту квашеную на столы выставляли, тоже бесплатно. Занимался я в читальном зале факультетской библиотеки и в Публичке – читальных залах Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, что на Фонтанке недалеко от Невского, рядом. Публичку я освоил ещё в абитуриентский период, и там мне очень нравилось – тишина в огромных залах, атмосфера какой-то торжественной серьёзности...

И закрутилась студенческая жизнь, женитьба на Сашеньке, рождение дочери Иринки...

* * *

Весной 1967 года мой отец закончил службу в качестве военного советника у Насера и вернулся из Александрии в Калининград. Очередное назначение ему – в Севастополь, начальником 23-й океанографической экспедиции ВМФ.

За время службы отца сначала в Польше, а потом в Египте в родительской семье появились доселе невиданные вещи: пара ковров, холодильник, телевизор, пианино и сертификаты на машину,

не считая кучи мелочей на всё семейство, включая и Сашеньку с Иринкой, – обувь, джинсы, кофточки, авторучки, в больших количествах шерсть, из которой мама вязала шикарные свитера на всех, дешёвые сувениры, которыми мама очень увлекалась, заставляя ими сервант. Мне был куплен на сертификаты финский костюм, пиджак от которого долгие годы потом донашивался на рыбалках. По сравнению с нашей жизнью до моего студенчества скачок в благосостоянии был грандиозный.

Это время было, пожалуй, во всех отношениях пиком семейного благополучия моих родителей. Мама была полна впечатлений от поездок к отцу морем на теплоходе «Армения» через Болгарию, Турцию, Грецию и интересно рассказывала о них и о жизни в Александрии, о поездках в Каир, к пирамидам, в Асуан. С папой они не ссорились, по крайней мере, при детях. С детьми тоже всё было благополучно: сын учится в аспирантуре, женат, уже есть симпатичная внучка, моя сестра Люба учится в КТИ, собирается замуж за неплохого парня (Жора Пронько таки добился своего), младшая сестра-любимица – Милочка ещё учится в школе, в восьмом классе и хлопот пока не доставляет.

Мамины заботы были связаны в основном с подготовкой Любиной свадьбы и с предстоящим переездом в Севастополь. Папа, получив назначение, сразу отправился туда и жил пока у Ксении Ивановны – вдовы его старшего брата Дмитрия.

После Любиной свадьбы, которая состоялась 28 апреля в Ленинграде, мама с Милочкой вернулись в Калининград готовиться потихоньку к переезду, папа уехал в Севастополь, Люба перевелась из КТИ в «Военмех» – Ленинградский Военно-механический институт, я вернулся на майские праздники в Ладушкин, где работала моя жена Сашуля, а оттуда снова в Ленинград – сдавать экзамены кандидатского минимума.

В 1967 году мне предложили место заместителя директора по науке Полярного Геофизического института (ПГИ) Кольского филиала Академии Наук СССР, и мой руководитель кандидатской диссертации переехал в город Апатиты Мурманской области, где располагался Президиум Кольского филиала и административный корпус ПГИ. Таким образом, уже на первом году аспиран-

туры я оказался на значительном географическом удалении от своего научного руководителя, с которым встречался теперь раз в два-три месяца, а то и реже, съезжаясь с ним в Ленинграде или приезжая к нему в Апатиты

Вот некоторые выдержки из письма к жене: «Вчера встречали папу. Ждали корабль с 8 часов утра до 2-х дня – задержали таможенники, все истомились, одна наша доченька была в своей тарелке: прыгала, бегала, рвала цветочки. Были у папы на корабле. Каюта его мне понравилась – кабинет, маленькая спальня, ванная – тесновато, но удобно. Папа очень поправился за этот поход, если не сказать – растолстел. Привёз интересные фотографии, ну и, конечно, всякое барахло... Папа привёз также уругвайские газеты с его фотографиями, сделанными во время официального приёма советских моряков уругвайскими властями. Папа на них отлично получился – бравый капитан, начальник экспедиции. В Уругвай и Чили они ходили заправляться, а в основном работали в проливе Дрейка, разделяющем Антарктиду и Южную Америку».

Итак, я распределился на Север, в Апатиты, в ПГИ. Прощай, Ладушкин! Хоть я и полюбил его, но о предстоящем расставании не жалел, так как успел уже полюбить и Север. Мечтал о том, как мы с Сашенькой будем там налаживать новую жизнь, ещё более интересную.

Ну, вот и подошёл к концу год 1969-й, весёлый. А с ним заканчивался и целый этап моей жизни – студенчество, аспирантура – связанный с Ленинградом вперемешку с Ладушкиным и Апатитами. Итогами учёбы я мог быть доволен. Прошло лишь три года с окончания вуза, а у меня уже была готова диссертация – обычно же на кандидатскую диссертацию уходит 4–5 лет с момента выбора темы, а часто не сразу и тема определяется (вне аспирантуры).

Но что дальше? Куда ж нам плыть ?....

Н.В. Сайко

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹

Известно, что человек, не знающий истории своих предков, духовно беден. Я с этим соглашусь. Ведь без прошлого нет будущего. Как интересно составлять свою родословную. Я смогла разыскать 450 человек родственников. История моего рода Какоулиных-Карабановых-Качаловых-Сайко-Орловых описана в краеведческом альманахе «Курортный район. Страницы истории. Выпуск № 4». Поиск продолжается.

Эта история будет о Савельевых, Леонтьевых, Приемских.

Савельева Евдокия Капитоновна – родная сестра моей бабушки Савельевой Марии Капитоновны (замужем была за Какоулиным Петром Михайловичем).

Из рассказов моей мамы, Качаловой Ольги Петровны, и внучки Николая Васильевича Леонтьева – Наталии Алексеевны (1947 г. р.) Дуня (так ее звали в молодости) была верующим человеком. Кроме сестры Марии, у нее был брат Дмитрий. С 17 лет или еще раньше Дуня работала у перчаточника Шмидта на Литейном проспекте в Ленинграде. Мастерская была известна среди знати и аристократов. Шили там перчатки из тонкой кожи для дам. Перчатки могли быть короткими до кисти или длинными до подмышек. Шили перчатки для самых разных случаев: для бала, путешествий для всех времен года и т.д. Швейные машинки были от Зингера. Дуня одевалась хорошо. Несмотря на тонкую талию, все равно носила корсетные платья со шнуровкой на талии. Для

¹ В статье использованы воспоминания О.П. Качаловой и Д.Г. Приемского.

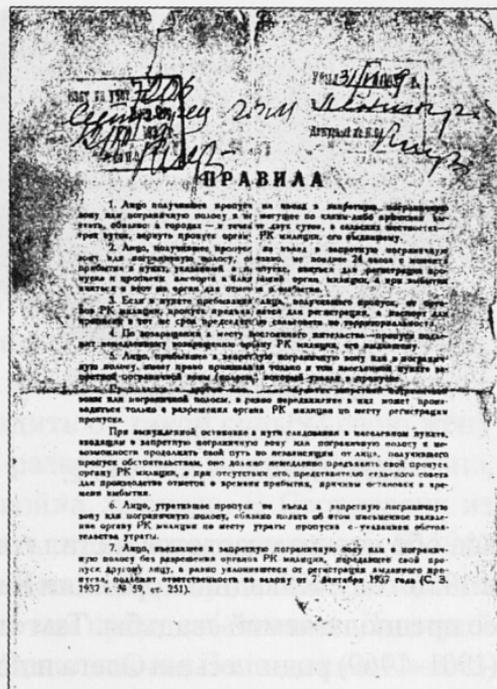
нее было непристойно при танцах с молодым человеком, чтобы его рука чувствовала тело под платьем, когда не одет корсет.

Она долго не выходила замуж. Ей было 24 года, когда ее увидел и полюбил Николай Васильевич Леонтьев, но она не придавала этому значение. Но, несмотря на некоторые препятствия, через три года они поженились, что вызвало много разговоров и, вероятно, зависти среди возможных девушек-претенденток в Сестрорецке, так как он был завидный жених. Шмидт подарил Дуне на свадьбу швейную машинку. На этой машинке Дуня обшивала всю свою многочисленную семью.

Николай Васильевич Леонтьев (1873–1947), как описывает его зять Григорий Николаевич Приемский, был типичным представителем старших мастеров того времени: солидный красивый человек, высокого роста с интеллигентной внешностью, подтянутый и приветливый. После окончания школы, поступив на оружейный завод, Николай Васильевич овладел всеми ремеслами. В молодости, работая в образцовой мастерской по изготовлению точных инструментов, ему было поручено изготовить модель трехлинейной винтовки в 1/5 натуральной величины. Модель демонстрировалась на Парижской Международной выставке в 1900 году и получила Золотую медаль, по кругу которой отчеканено *Leon – tieff*.

Семья Николая Васильевича причисляла себя к рабочим, хотя у них в Сестрорецке был большой дом недалеко от завода. Потом в нем долгие годы был Сестрорецкий военкомат. Была двухэтажная дача недалеко от залива (Сестрорецк, Литейный проспект № 19) и довольно большой участок земли, называемый покосом на берегу озера «Разлив», рядом был покос семьи Емельяновых. Жены их были якобы родственниками

Из рассказов Качаловой Ольги Петровны были у Леонтьевых большие весы, на которых взвешивали подводу с сеном. Занималась этим Дуня. В 30-е годы, вспоминает внук Дмитрий Приемский, большой дом отобрали как излишнюю собственность. В этом доме собирались родной брат Василий, зятя с женами и молодежь разных сословий и взглядов. Рабочие завода, в том числе и родной брат Василий, были вполне развитыми и образованными людьми. В семье всегда отмечались дни рождения. В торжествен-

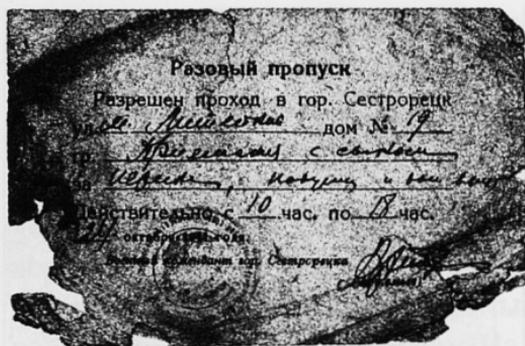

Пропуск в Сестрорецк М.Н. Приемской. 1939 г.

ных случаях бутылки с водкой ставить на стол было не принято, использовались графины

В 1937 году Н.В. Леонтьева арестовали неожиданно для семьи, якобы по поводу налога на дом. Стали пропадать и другие знакомые из потомственных рабочих. Только через два года семья узнала, что Николай Васильевич осужден на пять лет по 58-й статье и отправлен на поселение в Казakhstan. Умер в он 1947 году, а реабилитирован в 1957-м.

У Николая Васильевича Леонтьева и Евдокии Капитоновны было шестеро детей. Старший сын – Николай Николаевич (1897–1972) был авиаконструктором, окончил авиационную академию им. Жуковского. Работал в Москве во время войны директором авиационного завода. Был известной фигурой. Был женат. В 1943 году родилась дочь Ирина, а в 1977-м родилась внучка Мария, а в 1966-м – внук Николай. Судьба второго ребенка Н.В. и Е.К. Леонтьевых – Клавдии – печальна. Клавдия Николаевна Леонтьева

*Разовый пропуск
в Сестрорецк
М.Н. Приемской. 1944 г.*

работала в Кронштадте и добиралась на работу на пароходе «Буревестник». В этот злополучный день она задержалась у старшего брата Николая, который в то время жил в Ленинграде и уже опаздывала на пароход. Но, видно, так было суждено. «Буревестник» как будто ждал свою жертву – Клавдия успела сесть на него. Случилась беда, паро-

ход обо что-то ударяется и стал тонуть. Многие погибли. Это было в 1926 году. Клавдию хоронили на Сестрорецком кладбище в день ее предполагаемой свадьбы. Там стоит памятник. Другая дочь Вера (1901–1969) родила сына Олега и дочь Марлену. Ее внучка Вера сейчас работает в музее художника П.П. Чистякова, в Пушкине.

Дочь Лидия (1906 г.р.) замужем была не замужем и дата смерти неизвестна. У Юлии Николаевны Леонтьевой (1908–1992) было двое сыновей Александр и Владимир и дочь Наталья. Юлия очень богата внуками и правнуками. Наталья 10 лет живет с мужем в Австрии.

Мария Леонтьева (1904–1986), одна из дочерей Николая Васильевича – начальника инструментальных мастерских Сестрорецкого завода, в 1924 году поступила на двухгодичные курсы при заводе. Обучение было поставлено серьезно. Были такие предметы как обществоведение, экономическая география, родной язык и литература, техническая механика, материаловедение, технология металлов, термообработка, машиноведение и ряд других предметов. После чего надо было защитить выпускную работу. Марии было задано разработать технологию изготовления угловых фрез в 55 градусов при диаметре 65 мм в количестве 1200 штук в месяц, с чем Мария успешно справилась.

В 1926 году по окончании курсов Мария получила на Сестрорецком заводе звание мастера по холодной обработке металлов.

Вместе с Марией окончил эти же курсы Приемский Георгий Николаевич. После окончания они поженились. Свадьба была у тебя. В семью приняли радушно, как рассказывал Григорий Николаевич. У них родился сын Дмитрий. Вскоре семье пришлось переехать в Ленинград. Григорий Николаевич вначале работал в конструкторском бюро на заводе «Прогрессе», затем помощником начальника отдела КБ завода «Баррикады», после чего работал на заводе «Двигатель». Работа на этом заводе сопровождалась возрастающими репрессиями и арестами. Арестовали брата Григория, директора завода и многих других. Репрессии распространялись и на семью, поэтому, чтобы оградить от такой судьбы свою жену и сына Дмитрия, ему пришлось развестись с женой официально, да еще и разехаться. Потом – война, блокада. В Сестрорецк из Ленинграда можно было приехать только по пропускам. В 1942 году Григорий и Мария уехали в Новосибирскую область с одним из учебных заведений и работали там преподавателями. Дмитрий в это время был у деда Николая Васильевича Леонтьева в Казахстане. Затем – опять Ленинград. Работа на заводе «Электропульт». Умер Григорий Николаевич в 1983 году, будучи определен в Хоспис. Мария Николаевна Леонтьева-Приемская пережила своего мужа немного. Она, как уже сказано, работала конструктором, причем неплохим и вышла на пенсию по возрасту, будучи начальником группы. Умерла в 1986 году.

В семье Леонтьевых был родственник по имени Карп. Обладал он большой силой. Ударом кулака убивал теленка. Раньше на льду реки Сестры были кулачные бои, много было покалеченных, но эта была традиция. Так, когда приходил Карп, то все разбежались в страхе.

Дмитрий Григорьевич Приемский – сын Марии Леонтьевой и Г.Н. Приемского, он же внук Николая Васильевича Леонтьева. Я познакомилась с ним в 2012 году. Хотя интересовалась Леонтьевыми более 30 лет. Дмитрий мне троюродный брат. О Леонтьевых я слышала от мамы. Просматривала много книг, сопоставляла года рождения с купцами Леонтьевыми, так как имена и отчества соответствуют, хотя мама никогда не говорила, что они были купцами. Выяснила, что год рождения Василия Леонтьева (куп-

ца) не соответствуют году рождения отца Николая Васильевича Леонтьева, о котором я пишу. И вдруг в краеведческом центре мне дают книгу «Воспоминания из жизни инженера», автор Д.Г. Приемский². Вначале я ее пролистала, а потом с таким азартом стала читать – не передать эмоций. Из этой книги я еще раз прочитала то, о чем рассказывала мне мама. Я поняла, что это тот Леонтьев, кем я интересовалась столько лет. Ведь связь у мамы с ним была потеряна. Не буду подробно описывать, как я его нашла (а это, правда, интересно). Но мы с ним встретились. Мало того, он меня познакомил еще с двумя сестрами. Несколько слов о Дмитрие. По фотографиям был красивым. Учился хорошо. В семейном архиве есть похвальная грамота. Его детство прошло в непростых условиях тридцатых годов, блокадная ленинградская юность, скитание по просторам Советского Союза в период военной эвакуации. Он доктор технических наук, профессор, лауреат государственной премии СССР. Дмитрий принимал участие в создании ракетно-ядерного оружия на протяжении 30 лет. У него есть сын Николай, который тоже работал в этой области. Дмитрию Григорьевичу скоро будет 90 лет.

Д.Г. Приемский происходит по отцу из польских дворян герба Равич. Через 160 лет с помощью генеалогов Дмитрий Григорьевич доказал, что его отец от деда является русским дворянином. Восстановить дворянство в какой-то степени помогли книги с экслибрисом Николая Александровича Приемского (прапрадед Дмитрия). Дворянство каждый год до сих пор подтверждается Дмитрием. Вот такова история семьи Савельевых-Леонтьевых Приемских, живших в начале XX века в Сестрорецке.

---

² Фрагмент из книги был опубликован в сборнике «Курортный район. Страницы истории». № 5. СПб. 2010. С. 93–106.

Ю.В. Степанов

КРАТКИЙ РЕПОРТАЖ О МОЕЙ ЖИЗНИ В БЛОКАДУ И ПОСЛЕ

Я жил в Разливе, мой отец – Степанов Владимир Петрович, умер 12 февраля 1942 года от голода. Мать, Степанова (Глушенко) Александра Фёдоровна, похоронила отца на Тарховском кладбище. Ему было 28 лет. Его зарыли в траншею № 29. Мать еле живая притащила его на саночках завёрнутого в простынь, два обессиленных работника кладбища подхватили его крюком за подбородок и потащили в огромный ров. Мать закричала: «Что же Вы делаете, ироды?» Один повернулся и сказал: «Молчи старуха, а то и тебя сейчас зароем». А старухе было 24 года.

Мы с мамой засобирались в Ленинград. Поезд ходил один раз в сутки. Приехали ночью. До Фонтанки, где была наша квартира, шли четыре часа. Выяснилось, что квартира разбомблена прямым попаданием. Устраиваемся под лестницей на бетонном полу без окон и дверей. Мороз 5–7 градусов, метель. Утром мать бежит искать работу и отоварить карточки. Только что погибли 17 девушек пожарных, на них обрушилась стена, набирают новую команду. Мать скрывает, что у неё ребёнок, мне один год и девять месяцев. Мать принимают в пожарную команду с условиями казарменного положения, она отпрашивается за вещами и бежит ко мне. Я весь мокрый, заледеневший, но живой. Несёт меня в пожарку, там не принимают – не велено с детьми, паёк не предусмотрен, да и нянчиться некому. Вступаются женщины, обещают сообща содержать меня, становлюсь сыном команды. Мать выезжает на пожары по пять – семь раз в сутки.

В апреле 1943 года под Колтушами, в деревне Запольки организуется подсобное хозяйство. Привозят группу женщин на работы,

через месяц прорвавшаяся группа финских диверсантов всех женщин вырезает. Набирается новая команда, пора сеять. Мать вместе со мной направляют на подсобные работы. В деревню ставят группу бойцов для охраны. Нам с матерью выделяют маленький деревянный домик. Смутно, но помню, как мать срочно заклеивает газетами стены, они все в крови, резали женщин прямо в домах, бесшумно. Май. Мать по 12–14 часов на работе, в деревне я ребёнок один. Гуляю, жду маму с работы, иногда хожу к солдатам.

В январе 1944 года полное снятие блокады. Люди, напуганные пережитым, бегут из города. Мы с мамой мчимся две недели на перекладных товарняках в Казахстан. По пути мать и гадает, выдавая себя за цыганку, и поёт песни на полустанках, чтобы хоть как-то заработать и выжить. Бегая за кипятком, мама чуть дважды не теряет меня. Прибыли в Казахстан, никому не нужны. Огромная сортировочная станция, неразбериха, грязь, голод. Лазаем под вагонами рискуя остаться без головы.

Едем обратно в Ленинград. В Бологое мать без сознания снимают с поезда – сыпной тиф. Я еду в Ленинград один. На Московском вокзале меня регистрируют и поселяют в военный госпиталь, где-то на Невском. Потолки высокие, кровати трёхъярусные, окна большие. Сажу на верхней кровати у окна. Вниз спускаюсь на обед быстрее Тарзана. Мама, поправившись, находит меня, но я её не узнаю, так как она наголо острижена, я такую не знал, не видел. Устраиваю истерику. Ей советуют одеть платок, осторожно соглашаюсь признать.

Мать устраивается на работу, меня с оставшимися в живых детьми Ленинграда направляют в детский приют в Гатчине. Родителям, у кого они есть, разрешают навещать нас один раз в месяц. Ещё идёт война, ещё иногда бомбят, мы – дети, увидев прожектора и услышав грохот, прячемся под одеяло. Холодно и голодно. Ранняя весна, нас выводят на прогулку, и мы сразу мчимся на морковное поле и выкапываем из мёрзлой земли руками морковку, тут же съедаем. Странно, никто не болеет. За день – два до родительского дня кормят лучше. На ужин дают манную кашу, политую киселём, и говорят, что это пирожное. Когда приезжают родители и спрашиваю, как нас кормят, говорим, что едим пирожное. Все кормят своих детей в сторонке, следят, чтобы всё доедали. У кого нет родителей, ходят вокруг. Кое-что достаётся и им.

Мама забирает меня, жить негде, едем в Разлив, дом деревянный обветшал. Мать устраивается в госпиталь посудомойкой, меня устраивает в детский садик на Федотовской дорожке. Заканчивается

война, готовим праздничный концерт для раненых. Наступил день выступления перед ранеными в госпитале, что находился в бывшей туберкулёзной больнице. Идём молча, копим силы. Впереди воспитательница с верёвкой через плечо, сзади мы, вооружённые деревянными ружьями в картонных пилотках, держимся за верёвку. Большая сцена, репетируем перед концертом, вижу, быстро убирают передние сидения в зале и начинают застилать матрасами. Тут же начинают носить раненых без ног и усаживать их на матрасы. Один здоровяк несёт сразу двоих без рук и без ног. Начинаем концерт, говорим стихи, поём песни, по окончании с флагом гоняем по сцене одного из наших мальчишек, переодетого в Гитлера, кричим «ура!» и норовим его ударить. Он вначале убегает и хохочет, затем после очередного тумака падает, плачет и описывается прямо на сцене. Раненые хохочут, мы в замешательстве, как же так, опозорил. Затем нас угощают кусочками сахара смешанного с махоркой. Съел столько, что потом болел золотухой.

1947 год, конец августа. Мне как старшему дают бумажки, и идём самостоятельно из садика вдвоём с девочкой оформляться в 434-ю школу, это километра два. Ура, документы приняли, 1 сентября мы уже школьники. Вместо портфеля противогазная сумка, учебники трёхлетней давности. Год голодный, неурожайный, перед уроками кормят тех, чьи родители сдали часть карточек. Меня не кормят, карточки не сданы, иначе нечем кормить дома. Нас таких семь или восемь детей. Висим на окнах, где кормят остальных, и пытаемся угадать, чем их кормят. На уроках часто падаю от голодных обмороков. Голод, жить невозможно, мать выходит замуж, но жизнь не складывается. Отчим прошёл всю войну, очень нервный, по любому случаю скандал, однажды сильно избивает мать, вступаюсь за неё, достаётся и мне. Зима, снег, выскакиваю от побоев на улицу в одних трусиках и бегаю по снегу босиком, пытаюсь найти место по теплей, залезаю на лестницу, приставленную к дому, замерзаю. Приходит поезд, идут люди, и кто-то замечает меня на лестнице. Меня снимают, несут домой, приводят в чувство мать, выгоняют отчима. Представьте, я даже не заболел.

Живём с мамой вдвоём. Мама приносит иногда объедки от питания из госпиталя, кипятит их, тем питаемся. Иногда в борще попадают косточки от компота, это раненые сплюнули косточки в недоеденный борщ. Постепенно жизнь улучшается, но в 15 лет иду работать на завод и одновременно в школу рабочей молодёжи, заканчиваю 10-й класс и поступаю в военное училище, становлюсь офицером. Жизнь продолжается.

*Ю.Д. Балаценко,
музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты»*

ДВЕ УСАДЬБЫ, ДВЕ СУДЬБЫ

В начале XX века примерно в одно и то же время на территории Великого Княжества Финляндского, как оно называлось до 1918 года, появились две усадьбы. Они принадлежали двум незаурядным людям, которые оставили после себя огромное художественное наследство, которым сегодня гордятся как Россия, так и Финляндия. Оба имения впоследствии стали широко известными музеями.

Одно из имений – «Пенаты» – принадлежало великому русскому художнику Илье Ефимовичу Репину (1844–1930), а другое – «Харьюла» – знаменитому финскому скульптору и художнику барону Эмилю Герману Роберту Сёдеркройтцу (1879–1949). Их разделяет расстояние примерно в 800 километров. Но обе усадьбы находятся вблизи побережья Балтийского моря. «Пенаты» расположены на Карельском перешейке, на самом юге бывшего Великого Княжества в поселке Куоккала (ныне Репино), а «Харьюла» – на юго-западе Финляндии недалеко от Ботнического залива в окрестностях города Харьявалта.

Сегодня между «Пенатами» и «Харьюлой» пролегает государственная граница, отделяющая Финляндию от России. Но в момент покупки имений и их благоустройства это было единое государство – Российская Империя. В ней проживали люди, говорящие на разных языках и с существенными различиями в культурах. Русский язык знали далеко не все жители Великого Княже-

ства Финляндского, хотя он и был государственным языком для всей Империи.

После Революции 1917 года и распада Российской Империи на территории Великого Княжества возникло новое государство – Финляндская Республика. В 1918 году граница между странами прошла по реке Сестре в шести километрах южнее Куоккалы. Владельцы обеих усадеб, яркие представители творческой элиты России и Финляндии, продолжали в них жить, но уже в изменившихся исторических условиях, то есть на территории независимой Финляндии. Так продолжалось до момента, когда 30 ноября 1939 года между СССР и Финляндией началась война. Репин, может оно и к лучшему, не дожил до этого ужаса.

После окончания «Зимней войны», как ее называют финские историки, одна из усадеб – «Пенаты» – оказалась на территории СССР. Такая перемена в судьбе усадьбы произошла из-за того, что государственная граница между двумя странами была перенесена за город Выборг. А усадьба «Харьюла» осталась, как и была до того, в Финляндии. События «Зимней войны» и Второй мировой ее не коснулись.

К середине XX века обе усадьбы стали широко известными мемориальными музеями, которые можно смело назвать «жемчужинами» среди музеев-усадоб России и Финляндии. Они сохраняют для потомков память о двух выдающихся людях и творцах, которые и теперь являются гордостью своих стран.

Илья Репин и Эмиль Сёдеркройтц

Появление на карте Великого Княжества Финляндского усадеб «Пенаты» и «Харьюла» и их дальнейшая судьба теснейшим образом связана с жизнью и творчеством владельцев. Поэтому целесообразно, хотя бы кратко, остановиться на основных этапах жизни Ильи Ефимовича Репина и Эмиля Седеркройтца, тесно связанных с историей Финляндии и России. Тем более, что жизненные пути двух выдающихся людей пересеклись в самое непростое время становления новой независимой Финляндской Республики. На ее территории в 1918 году закончилась Гражданская война, ко-

Эмиль Сёдеркройтц. 1904 г.

Финляндии – художников, скульпторов, поэтов, писателей, музыкантов, композиторов и общественных деятелей. Среди приглашенных, был и уже широко известный к тому времени скульптор барон Эмиль Сёдеркройтц.

Возвращаясь домой в Куоккалу, Илья Ефимович решил запечатлеть на полотне историческое событие, участником которого он был. Вероятно, Репин чувствовал, что вряд ли еще когда-нибудь подобное повториться. И он посчитал своим долгом сохра-

торая по счастливой случайности не затронула «Пенаты», но «тяжелым катком» прокатилась по поместью «Харьюла».

В 1920 году И.Е. Репин был удостоен высшей награды молодого государства «Орденом Белой Розы» 2-й степени. В музее «Атенеум» была открыта выставка его живописных работ, а сам художник в сентябре того же года был приглашен в Хельсинки на организованный Финским Художественным Обществом (Suomen Taideyhdistys) торжественный ужин в его честь, который прошел в «Народном Доме» (Seurahuone). «Стол был накрыт на 35 человек, и в процессе празднества к его участникам присоединился генерал Маннергейм, который в то время был, несомненно, самым уважаемым человеком среди финской интеллигенции».¹ Банкет собрал за праздничным столом практически всю творческую элиту

¹ Хууско Тимо. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. Каталог выставки «Репин». Кабриоргский художественный музей. Таллинн. 2013. С. 76.

И.Е. Ретин у «Башенки Шехерезады». 1912 г.

нить для будущих поколений момент единения творческих людей молодой Республики. В результате появилась картина «Финские знаменитости».² Эта, одна из последних больших работ Репина, была подарена им музеем «Атенеум». Репин не причислял себя к финской творческой элите, хотя финны вполне осознано и закономерно считают Илью Ефимовича не только выдающимся русским художником, но и финским, так как 30 лет творческой жизни мастера прошли на территории Финляндии.

Несмотря на то, что картина «Финские знаменитости», осталась не завершенной, тем не менее, она лишней раз подчеркивает взаимодействие культур России и Финляндии и их неразрывную связь. Это грандиозное полотно (152×281,5 см) стало значительным этапом в развитии добрососедских отношений между двумя соседними странами.

И.Е. Репин родился 24 июля 1844 года в городе Чугуеве Харьковской губернии в семье военного поселянина. Сейчас эта территория входит в состав независимой Украинской Республики. Чугуевское военное поселение было организовано в царствование Императора Александра I в 1817 году. В этих поселениях совмещались военная подготовка и сельскохозяйственные работы.

В отличие от Репина Эмиль Сёдеркройтц происходил из старинной дворянской семьи. Он родился в 1879 году в имении своего отца «Койлио» в самом сердце провинции Сатакунта на западе Финляндии. Родоначальником семьи баронов Седеркройтц, имевшей шведские корни, был губернатор провинции Вестманланд в центральной Швеции Ионас Сёдеркройтц-Фалькерн (1661–1727). В баронское достоинство его возвела в 1719 году королева Швеции Ульрика-Элеонора (1688–1741). Поместье «Койлио» ко времени рождения Эмиля уже более ста лет принадлежало семейству Сёдеркройтцев.

Но разница в происхождении, времени появления на свет и в разных, порой не простых, путях достижения заветной цели никак не сказалась на неизменной тяге будущих знаменитостей к искусству.

Репин, обучившись азам церковной живописи в своем родном

² Подробнее об этой картине см.: Балащенко Ю.Д. Финские знаменитости // Курортный район. Страницы истории. Выпуск 8. С. 87–110.

городе, в 1863 году переехал в Санкт-Петербург, где в январе 1864 года поступил в Императорскую Академию художеств. В 1871 году он получил «Большую золотую медаль» за картину «Воскрешение дочери Иаира» и право на шестилетнюю поездку по Европе за казенный счет. Выехав за пределы России в мае 1873 года, художник начал свое путешествие с изучения Италии. В октябре того же года Илья Ефимович перебрался в Париж, где и пробыл до 1876 года. Главным творческим итогом поездки явилась картина «Парижское кафе».

После этой поездки по Западной Европе, мастерство и известность И.Е. Репина росли год от года. Его картины появлялись на многих выставках в разных городах России. Владельцами полотен, написанных Репиным, становились как коллекционеры, так и члены Императорской фамилии. На рубеже XIX и XX веков маститый художник находился на вершине славы. Созданные им шедевры, такие как «Бурлаки на Волге» (1870–1873), «Крестный ход в Курской губернии» (1881–1883), «Запорожцы пишут письмо турецкому Султану» (1888–1891) были хорошо известны всем почитателям его таланта. Последнюю купил для Русского музея за 35 тысяч рублей Император Александр III. Это была «наивысшая сумма, выпадавшая до того на долю русского художника», писал И.Э. Грабарь в своей монографии посвященной Репину.³

Что касается барона Сёдеркройтца, то он по настоянию родителей после окончания школы начал изучать юриспруденцию в Университете Хельсинки. Прослушав там ряд курсов, и успешно сдав по ним экзамены, он продолжал изучать право, но душа его тянулась к занятиям искусствами.

Один из самых известных финских художников друг И.Е. Репина Альберт Эдельфельд (1854–1905) сумел убедить родителей Эмиля Сёдеркройтца изменить их твердое убеждение, что их сын должен стать юристом. Они, по совету Эдельфельда, видя, что занятие правом тяготит молодого человека, позволили Эмилю оставить изучение юриспруденции и поступить в 1900 году на недавно открытые курсы скульпторов при Финской Академии Художеств. Тем самым молодой барон стал первым финским ваятелем,

³ Грабарь И.Э. Репин. ИЗОГИЗ. М. 1937. С. 89.

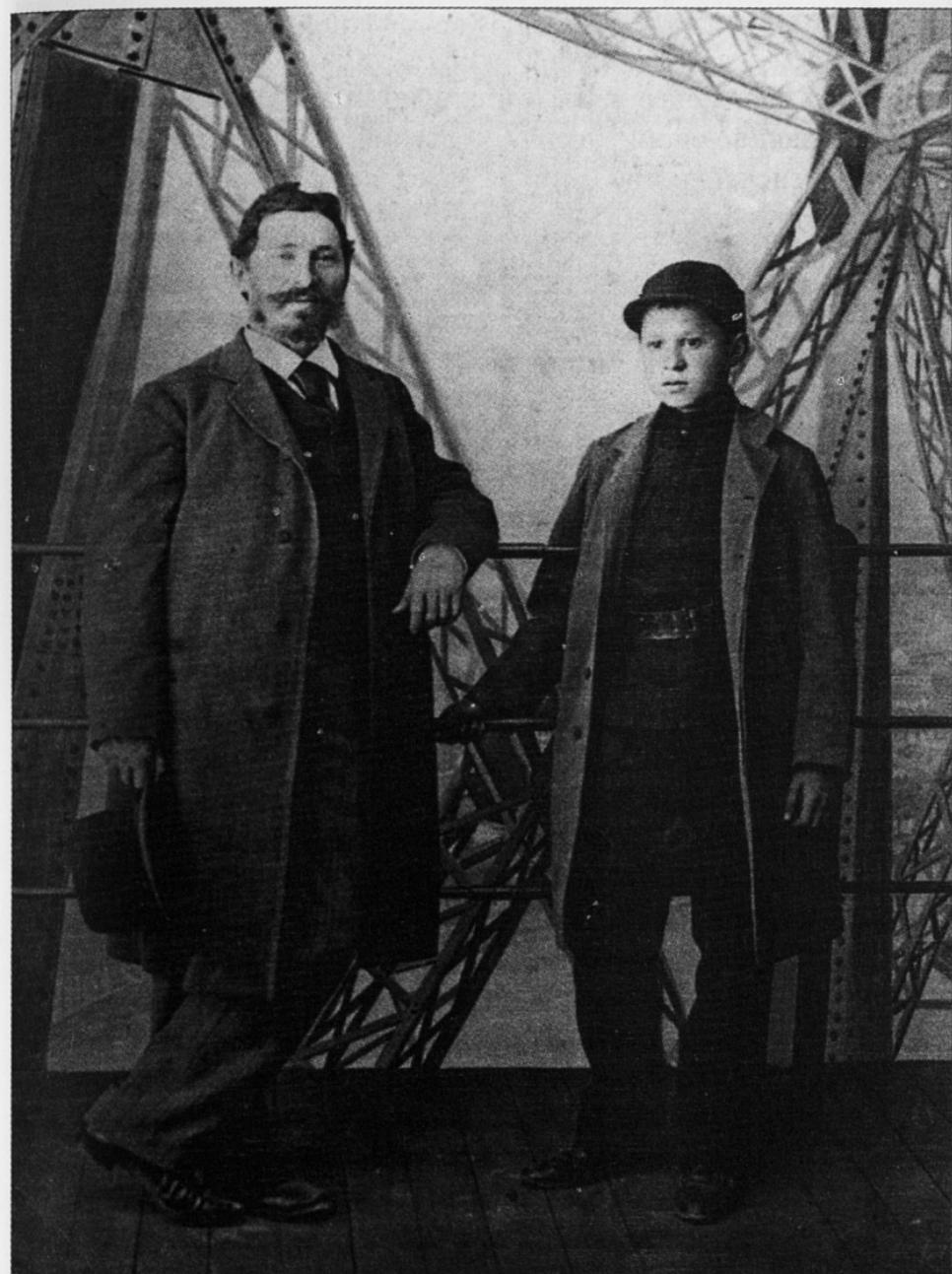

Э. Сёдеркройтц в Брюсселе. 1903 г.

который начал свое художественное образование в Финляндии. Проучившись в Хельсинки некоторое время, начинающий скульптор отправился в путешествие по культурным центрам Европы в поисках новейших художественных тенденций. Аристократу по рождению Эмилю Сёдеркройтцу, делавшему первые шаги в овладении искусством скульптора, в отличие от И.Е. Репина, не требовалась государственная поддержка для совершенствования мастерства. Он мог себе позволить путешествовать за свой счет.

Первые годы обучения Сёдеркройтц провел в столице Бельгии, Брюсселе, продолжив учебу в Риме, где он познакомился с искусством античных скульпторов. Завершающим штрихом его художественного образования стал Париж, где у него была собственная студия. Считается, что Сёдеркройтц стал первым финским импрессионистом в скульптуре, включавшим в скульптурные образы предметы из повседневной жизни.

В те же годы в Париже училось много других финских художников, среди них Аксель Галлен-Каллела (1865–1931) и Вилли

И.Е. Репин с сыном Юрием в Париже. 1893 г.

Валлгрэн (1855–1940), с которыми Сёдеркройтц проводил свободное время, встречаясь вечерами в уличных кафе. Как тут не вспомнить пенсионерскую поездку в Париж И.Е. Репина в 1873 году, где начинающий русский художник вел себя примерно также. Хотя пенсионерство Репина состоялось раньше, но обстановка в художественной среде вряд ли сильно изменилась за эти годы. Нужно заметить, что названные выше художники, как и барон Э. Седеркройтц, впоследствии были участниками чествования И.Е. Репина и стали персонажами на его полотне «Финские знаменитости».

Объездив Западную и Южную Европу, побывав в столице Российской империи Санкт-Петербурге, молодой скульптор окончил свое зарубежное образование к 1912 году, и вернулся в родные края.

Илья Репин и Эмиль Сёдеркройтц посвятили всю свою жизнь творчеству. Это были чрезвычайно разносторонние личности. Их многое объединяло – и любовь к искусству, и то, что они были великими тружениками, и, что нельзя не отметить, – их трепетное отношение к животным. Собаки и другие домашние животные занимают значительное место в творческом наследии художников. Только Илья Ефимович писал своих любимцев маслом, а барон отливал в бронзе и вырезал их силуэты из черной бумаги.

Так, например, в 1865 году Репин написал небольшую жанровую картину «Приготовление к экзамену», где впервые появился в качестве полноценного участника композиции симпатичный черный кудлатый пес. Он, лежа на ковре, подчеркивал безмятежную обстановку, царящую в комнате. Два молодых человека, занятые чем угодно, только не подготовкой к экзамену: один, сидя за столом, заигрывает с девушкой, а второй на заднем плане лежит на диване. «Она написана с натуры, очень старательно и любовно», – писал И.Э. Грабарь в своей монографии, посвященной И.Е. Репину.

Вернувшись на родину из поездки по Европе в 1876 году, Репин написал небольшую картину «На дерновой скамье», где изображены дети Ильи Ефимовича и родственники жены. На этом полотне опять присутствует маленький белый песик, примостив-

И.Е. Репин. Подготовка к экзамену. 1865 г.

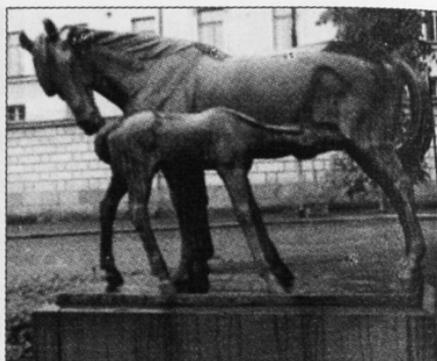
шийся у ног молодого офицера. «Блестящая по мастерству, свежая и сочная, – отмечал И.Э. Грабарь – она принадлежит к лучшим пейзажным мотивам, когда-либо написанным Репиным».⁴ В этой картине особенно чувствуются влияние французской живописи того времени.

Любовь к собакам, постоянным спутникам художника, и изображение их на полотне прослеживается на протяжении всей жизни великого мастера.

Что касается Э. Сёдеркритца, то сегодня изваяния финского художника знает практически каждый житель и гость финской столицы. Установленный в 1928 году монумент «Материнская любовь», украшает небольшой сквер напротив Ботанического сада в Хельсинки. Бронзовая композиция кобылы с жеребенком была приобретена городскими властями у автора за 95 тысяч

⁴ Грабарь И.Э. Репин. ИЗОГИЗ. М. 1937. С. 102.

финских марок. Считается, что эта покупка была совершена по предложению маршала Маннергейма. Менее известен другой памятник, созданный бароном. Это стоящий на высоком постаменте пес, установленный в 1934 году во дворе столичной больницы Салус. Барон «в бронзе увековечил своего верного друга Пекку».⁵

*Э. Сёдеркройтц.
Материнская любовь.
1928 г.*

Следует учесть, что Сёдеркройтц одним из первых в Финляндии выступил за соблюдение «прав наших братьев меньших» и вошел в число основателей «Финского общества защиты животных». Барон искренне считал, что когда в стране будут соблюдаться «права животных», то в мире наступит расцвет цивилизации. Посещая ярмарки, где торговали лошадьми, в разных городах страны и Европы, Седеркройтц покупал там больных или старых коней, отработавших свой срок. После того как их доставляли в его имение, их кормили, лечили и выхаживали. А потом они служили барону в качестве моделей.

История покупки имений

Профессиональные успехи творцов дали им возможность приобрести понравившиеся земли, на которых позже возникли неординарные усадьбы, где они плодотворно работали в течение многих лет, создавая свои работы в скульптуре и живописи.

Большие гонорары, которые Илья Ефимович получал за свое творчество, позволили ему в 1891 году купить имение «Здравнёво» в Витебской губернии на берегу Западной Двины (ныне Республика Беларусь). А позже в 1899 году он приобрел небольшое имение в деревне Куоккала Кивеннапского прихода, волости Терийоки Выборгской губернии. Расположенное примерно в 50 километрах к северу от Санкт Петербурга, оно было куплено на

⁵ Балащенко Ю.Д. «Материнская любовь» в столице Финляндии // Журнал «Кот и пес». № 8. 2010. С. 26.

имя Натальи Борисовны Нордман (1863–1914). Имение получило название «Пенаты» в честь древнеримских богов – хранителей домашнего очага

То, что усадьба была куплена на деньги Репина, держалось в секрете до момента ухода Натальи Борисовны из жизни. Считалось, что Репин живет на ее даче. В письме от 14 сентября 1922 года Илья Ефимович объяснил свой поступок, написав заведующему художественным отделом Русского музея Петру Ивановичу Нерадовскому, что «...из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники, я перевел на ее имя “Пенаты”. Судьба судила иначе: я все еще живу».⁶

В момент приобретения имение представляло собой кусок заболоченного леса площадью около двух гектаров с небольшим финским домом. Здесь уместно отметить различие между тем, что купил Репин и двенадцатью годами позже барон Седеркройтц. Участок Репина представлял собой довольно унылое зрелище, пока его не коснулись руки Ильи Ефимовича. Благодаря им заболоченная земля постепенно превратилась в замечательную усадьбу, где творцу после всех преобразований жилось удобно и комфортно. Приезжавшие в «Пенаты» гости восхищались красотой рукотворного пейзажа и оригинальностью дома. Напротив, имение, которое приобрел Сёдеркройтц, было чрезвычайно живописно и без участия барона.

Когда Э. Сёдеркройтц вернулся на родину после странствий по Европе перед ним встал вопрос, где поселиться. Родовое имение досталось не ему, а старшему брату по праву рождения. У молодого скульптора с детства была неистребимая тяга к жизни на природе. Эта любовь к сельским просторам и работе на земле не оставила ему выбора. Он стал подыскивать себе подходящее имение, которое бы полностью соответствовало его образу жизни и художественному восприятию мира. Такое место барон довольно быстро нашел на своей «малой родине» в провинции Сатакунта, сравнительно недалеко от тех мест, где он появился на свет.

В современном туристическом справочнике, изданном в Финляндии, говорится, что «Сатакунта совсем как Финляндия в

⁶ Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867–1930. Искусство, М. 1969. Т. 2. С. 335–336.

уменьшенном размере. На севере местность суровая и холмистая, на юге – пышная и плодородная».⁷ Выбранное Сёдеркройтцем место под усадьбу было изначально красиво, и не требовало большого вмешательства человека, чтобы его облагородить. О том, как он обнаружил это место, барон писал: «В 1913-м или точнее в 1912 году путешествуя верхом на лошади по дороге в Пори, я услышал гром водопада среди сосен. Я остановился, слез с лошади и отправился через густые заросли к реке. Воды не было видно, но направляемый шумом низвергающегося потока, я решил, что река не может быть далеко. Я был прав, пройдя несколько сот метров, я вышел на высокий берег реки, где ниже водопада она превращалась в большое озеро подобное заливу, по берегам которого открывались очаровательные виды».⁸ Имение, которое купил барон, назвав его «Харьюла», находится в окрестностях города Харьявалта на берегу реки Кокемаенйоки.

Как строились усадьбы

В усадьбе Репина сразу же после покупки начались работы по перестройке дома и благоустройству территории. Участок был расширен и достиг площади в 2,2 гектара. Владельцы «Пенатов» умело использовали особенности суровой северной природы. Украшением парка стали большие валуны, которые в изобилии можно было найти на берегу Финского залива и в лесу. Было вырыто несколько прудов, преобразивших пейзаж. Они не только украсили парк, но и способствовали осушению территории. Вымощенные булыжником аллеи были проложены по всему участку. Через соединяющие пруды протоки были перекинута деревянные мостки с затейливыми перилами, а несколько мостиков были сделаны из грубо отесанных гранитных плит. На лужайках парка были построены, украсившие его, разнообразные беседки, которые получили диковинные названия: «Храм Озириса и Изиды», «Башенка Шехерезады». Они использовались обитателями усадьбы с различными целями. На верхней площадке «Башенки Шехерезады», имевшей высоту 12 метров, пили чай и любовались заливом. Сейчас, когда деревья выросли, их вершины частично закрывают

⁷ Путеводитель. Satakunta, доброта и красота. Satumaa. Финляндия. 2005. С. 2.

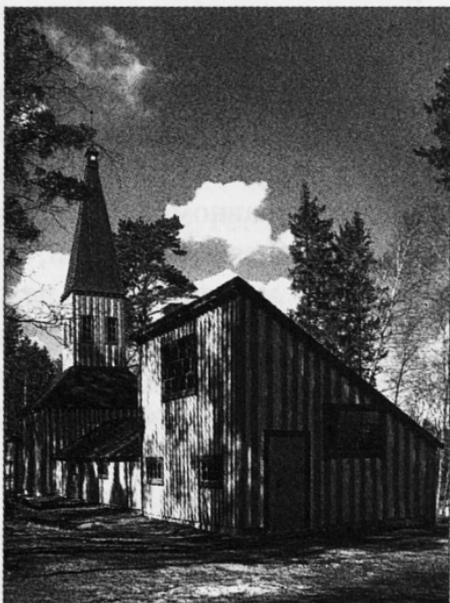
⁸ *Kava Ritva*. Harjula // Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki. 1997. С. 84.

панораму моря и города-крепости Кронштадт. Находящаяся на некотором возвышении беседка «Храм Озириса и Изиды» служила одновременно кафедрой и эстрадой во время проведения в парке публичных мероприятий. Перед беседкой на небольшой лесной поляне – «Площадке Гомера», устанавливались скамейки для публики. Свои названия имели не только беседки, но и аллеи и даже разные уголки парка. «Каждый кусок имеет свое название: «Площадка Гомера», «Чугуевская гора», озеро «Какой простор» ..., – писал Илья Ефимович.⁹ И здесь также можно найти соответствие с усадьбой Сёдеркройтца, одно из строений которого, было названо им «Храмом духа земли».

В первые годы, пока возводился дом, Репин жил там периодически, хотя все работы по переустройству, как дома, так и всей усадьбы выполнялись под его наблюдением и по его рисункам и чертежам. Но в некоторых необходимых случаях Репин прибегал к содействию со стороны. «За помощью в разработке конструкции стеклянного “фонаря”, – указывала Е.В. Кириллина, – Репин обратился к своему

*«Храм Озириса и Изиды»
в Пенатах. 1975 г.*

*«Храм духа земли»
в усадьбе Э. Сёдеркройтца*

⁹ Репин И.Е. Избранные письма в двух томах. 1867–1930. Искусство М. 1969. Т. 2. С. 363.

соседу по Куоккале Вадиму Платоновичу Стаценко» (1860–1918).¹⁰ Генерал В.П. Стаценко занимался теорией строительного дела и был профессором Николаевской Инженерной академии. Его дом в стиле модерн находился недалеко от «Пенатов». Им были разработаны причудливые стеклянные конструкции, ставшие своеобразной крышей здания и дававшие максимальное естественное освещение мастерским художника. «На самой высокой крыше была устроена площадка, с которой открывался вид на обширные пространства. Там же профессором Л.В. Свенторжецким был поставлен громоотвод. Установленная на крыше “Эолова арфа”, которую Наталья Борисовна отыскивала с трудом, звучала в долгие осенние и зимние вечера красивыми аккордами»,¹¹ – писала жена В.П. Стаценко Александра Васильевна, вспоминая «Пенаты». Дочь писателя Леонида Андреева (1871–1919) Вера оставила подробное описание «Эоловой арфы» в своих воспоминаниях о жизни в «Пенатах». Вера Леонидовна (1910–1986) жила недолгое время у Репина в «Пенатах» после смерти отца. Но это была уже другая эпоха – умерла в 1914 году Наталья Борисовна Нордман, в России произошла революция, а Финляндия получила независимость. «...приспособление – писала Вера Андреева – ...звучало очень красивым слаженным аккордом – то усиливающимся с порывами ветра, то ослабевающим – как будто где-то далеко играют на органе. Механизма никакого не было, только множество трубочек неравномерной толщины и высоты, срезанных наверху. Ветер, проносясь над ними, производил разной тональности звуки – очень мелодичные и нежные».¹² Правда, когда Вера Леонидовна попала в «Пенаты», это необычное устройство на крыше дома Ильи Ефимовича издавало отнюдь не мелодичные звуки, а «странный вой». С течением времени «...одни трубки полопались, другие закупились, в третьих воробы свили себе гнезда».¹³

В отличие от «Пенатов» в усадьбе «Харьюла» все постройки выполнялись исключительно по чертежам и замыслам барона. И нужно заметить, что работы по возведению усадеб завершились

¹⁰ Кириллина Е.В. Репин в Пенатах. Лениздат. 1977. С. 63.

¹¹ Стаценко А.В. Новое о Репине. Художник РСФСР. Л. 1969. С. 254.

¹² Андреева В.Л. Эхо прошедшего. Советский писатель, М. 1986. С. 101.

¹³ Там же.

практически одновременно, хотя в усадьбе И.Е. Репина они начались почти на десятилетие раньше, заняв гораздо больше времени.

Окончательно строительные работы в «Пенатах» были завершены к 1912 году. Построенный с использованием народных мотивов особняк больше походил на терем из русских волшебных сказок, чем на обычный загородный дом. Как писала Е.В. Кириллина, «...дом в его окончательном варианте выглядел неожиданно интересным, хотя стиль его архитектуры не поддается определению».¹⁴ Уникальность дома состояла, прежде всего, в том, что «...в своей конструкции он почти на две трети состоял из стекла. Застеклены были не только веранды и возвышающиеся над ними остроконечные башенки, но и потолок на первом и втором этажах и даже крыша».¹⁵ Обилие стекла создавало живописцу возможность работать при естественном освещении на протяжении всего светового дня независимо от времени года.

К этому же времени были завершены работы по благоустройству парка, и усадьба предстала во всем своем своеобразии перед многочисленными гостями Репина и Нордман. Артезианский колодец глубиной 72 метра, вырытый весной 1914 года на берегу пруда, стал последним сооружением усадьбы. Назвав его «Посейдон», Репин писал, что «...и зиму и лето он дает 400 ведер [воды] в час. Каждое утро и вечер я выпиваю 8 глотков железным ковшом».¹⁶ Кинохроника той поры, которую до сих пор показывают экскурсантам в музее, отразила момент, когда Репин с гостями пьет артезианскую воду.

Следует отметить, что по замыслу Ильи Ефимовича был воплощен в жизнь не только его сказочный терем, но и собачья будка рядом с домом. Она предстает перед зрителями на фотографиях Натальи Борисовны. Обитатели «Пенатов» любили собак, а их «вечных конкурентов» – кошек – в доме не было, если судить по многочисленным фотографиям и воспоминаниям о жизни в имении. Полноправными спутниками хозяев усадьбы были – одноглазый черный королевский пудель Мика, и два пса, получив-

¹⁴ Кириллина Е.В. Репин в Пенатах. Лениздат. 1977. С. 63.

¹⁵ Карпенко М.А., Кириллина Е.В., Левенфиш Е.Г. Прибульская И.И. «Пенаты». Музей-усадьба И.Е. Репина. Путеводитель. СПб. «Остров». 2012. С.12.

¹⁶ Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867-1930. Искусство, М., 1969, т. 2, с.345.

И.Е. Репин и его собака Норд. Фото Н.Б. Нордман. 1907–1908 гг.

Э. Сёдеркройтц со своими питомцами. 1911 г.

шие свои имена в честь хозяйки Натальи Нордман. Это – миниатюрный Натик и огромный лохматый Норд, вошедшие в историю «Пенатов» не только на фотографиях, но и на полотнах Ильи Ефимовича. Объяснение отсутствию кошек в доме можно найти в воспоминаниях гостей усадьбы. Художник Я.Д. Минченков, ссылаясь на рассказ живописца-пейзажиста Ефима Ефимовича Волкова (1844–1920) писал, что «...мыши! Завелись они у Ильи. Что делать? Сказано “не убий”, и объявила Нордман, чтобы мышей ловили и уносили в поле. Ну да, вот-вот! За мышью полтинник! А вышло так, что поймают мышью, отнесут в поле, а оттуда обратно – и опять полтинник, без конца! Доходной статьёй она стала!»¹⁷

А в поместье у барона были и конюшни, и места, где жили верные друзья – собаки. Но все же, любимыми персонажами творчества Сёдеркройтца на протяжении всей его жизни были лошади. В Финляндии за ним укрепилась репутация главного специалиста по скульптурным портретам этих благородных животных. «Я всегда любил лошадей, отмеривающих время жизни своими четырьмя копытами. Если верить теософам, то я вполне мог быть

¹⁷ Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Художник РСФСР. Л., 1959, с.178.

лошадью в предыдущей жизни», – говорил Сёдеркройтц.¹⁸ Людская молва приписывает К. Маннергейму фразу, которую он якобы произнес, когда обсуждался проект памятника маршалу: «Кто угодно может изваять меня, но только Сёдеркройтц сможет изобразить подо мной лошадь». Правда, необходимо отметить, что собаки и другие домашние животные и птицы также занимают значительное место в творческом наследии художника.

Многие гости «Пенатов» и поместья «Харьюла» оставили свои описания не только усадебных домов, но и прилегающих к ним территорий. Они стали такой же достопримечательностью, как Куоккалы, так и окрестностей Харьявалты.

Здесь уместно сравнить темпы и методы строительства «Пенатов» и «Харьюла». Если Репин практически все строил с нуля, маленький финский дом можно в расчет не принимать, то барон действовал по-другому. Выбрав понравившееся место вдоль реки Кераманьйоки, и купив его, Седеркройтц начал в 1913 году возведение усадебных построек. Все они, собранные из старых бревен, разобранных крестьянских домов и свезенные в «Харьюла», представляются, удивительно удобным и практичным жильем, несмотря на свою необычность. Считается, что в архитектуре «Харьюлы» прослеживается сочетание элементов стиля северного модерна с традициями сельского финского строительства. Все постройки усадьбы гармонично вписались в окружающий пейзаж. Они были соединены друг с другом и, в конечном итоге, протянулись на 140 метров вдоль по течению реки.

Посвящая все свое время строительству и обустройству дома, изготовлению обстановки и мебели, барон в начале декабря 1914 года писал своему другу писателю Майле Талвио: «Здесь находится все – и моя жизнь, и моя работа. Я только то и делаю, что с 7 утра и до позднего вечера тружусь, конструирую мебель, провожу электричество».¹⁹ Одно из помещений усадьбы было специально приспособлено под мастерскую скульптора.

Надо отметить, что в «Пенатах» в доме Репина было несколько мастерских. В них художник работал, сообразуясь со временем

¹⁸ *Kava Ritva*. Emil Cedercreutz's horses. Catalogue No.6. Emil Cedercreutz Museum. Harjavalta. 1988.

¹⁹ *Kava Ritva*. Harjula.// *Lindqvist L., Ojanen N.* Bringing art to life. Helsinki.1997. P. 86.

*Коллекция вещей запорожских казаков
в Зимней мастерской усадьбы «Пенаты». 2012 г.*

года и дня в зависимости от освещения, выбирая наиболее подходящее для конкретной работы.

«Деревянный дом, артистически-художественного стиля, свободный от какого-либо проекта. Простой и изысканный, идеально подходящий к окружавшему его хвойному лесу, напоминает старинные дворянские усадьбы западной Финляндии ... с анфиладой комнат, обставленных скульптурами, картинами коврами и древними артефактами. Создавалось впечатление некоего музея, хотя атмосфера дома была не музейной, а прекрасно соответствовала характеру и стилю жизни хозяина», – писал Феликс Борг, посетивший «Харьюла» в 1915 году.²⁰

В использовании народных мотивов при строительстве усадеб, также прослеживается сходство между «Пенатами» и «Харьюла». При оформлении интерьеров жилища Сёдеркройтц использовал как финские народные традиции, так и образцы старинной европейской и даже античной культуры. Вся обстановка и мебель в доме были или антикварной или созданы местными краснодеревщиками по старинным образцам. Ковры, покрывавшие стены и полы соот-

²⁰ Kava Ritva. Harjula. // Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki.1997. P. 86, 90.

ветствовали по цвету и выделке остальным предметам убранства. Диваны были обтянуты старинной парчой, выписанной из Рима. Главный зал дома имел 20 метров в длину.

Само собой напрашивается сравнение интерьеров двух усадеб. Если внутреннее убранство в «Пенатах» было очень скромное, то в поместье «Харьюла» вся мебель и обстановка были скорее дворцовыми, чем подходящими для сельской глубинки. Все, что находилось в доме Ильи Ефимовича, покупалось в обычных магазинах, тогда как у барона Сёдеркройтца вся обстановка была

Библиотека Э. Сёдеркройтца в усадьбе «Харьюла». 1997 г.

антикварной или делалась по специальному заказу. Но общим, служившим украшением интерьеров обоих усадебных домов, было то, что в них находилось большое количество картин и собрание самых разнообразных вещей разных народов и культур. У Репина – это оружие, одежда и предметы обихода, принадлежавшие казакам Запорожья, восточные вещи и копии античных доспехов. Все это Илья Ефимович использовал при написании трех полотен запорожского цикла и многочисленных этюдов к ним. Исторических картин и полотен на библейские сюжеты. А у Сёдеркройтца – это уникальная коллекция предметов труда и быта финских крестьян, охватывающая примерно двухсотлетний период истории страны.

В начале XX века барон Эмиль Сёдеркройтц, несмотря на свою относительную молодость, уже входил в состав художественной элиты страны. Современники, называя его «истинным европейцем» из провинции Сатакунта, отмечали, что он был человеком чрезвычайно разносторонним. Принадлежа по своему рождению к высшим кругам общества, барон тем не менее прославился как великий труженик, попечитель животных, публич-

ный оратор и общественный деятель, занимавшийся благотворительностью. Современники отзывались о бароне как о полиглоте, который свободно владел практически всеми основными языками Европы. Подтверждением тому служит огромная библиотека имения «Харьюла», где собраны книги на разных языках по многим отраслям знаний. Строительство и обустройство его усадьбы шло параллельно с творческими успехами в выбранных направлениях искусства – скульптуре, живописи, создании силуэтов.

Спокойная сельская жизнь барона на природе и идиллический пейзаж вокруг усадьбы впервые подверглись серьезным испытаниям в начале 1917 года. Местная электрическая компания, выкупив у крестьян земли в окрестностях водопада, решила построить на реке Кокемаенйоки электростанцию. Но к счастью для Сёдеркройтца этим планам не дано было осуществиться, во всяком случае, в то время. В 1920 году компания разорилась, а окружавшая имение девственная природа на некоторое время получила передышку. Прошло 20 лет, прежде чем идея строительства на реке воплотилась в жизнь. Но теперь на реке возвели уже две электростанции, существенно изменившие пейзаж вокруг поместья Седеркройтца. Одна была построена в Харьявалте, а вторая в Кокемяки. Река превратилась в озеро, а водопад преобразовался в залив. Однако само имение Сёдеркройтца не пострадало.

Революционные события 1917 года, и последовавшая за ними гражданская война затронули имение «Харьюла», став для него тяжелым испытанием. В отличие от репинских «Пенатов», которые не пострадали от бурных событий того времени. В феврале 1918 года усадьба Сёдеркройтца попала в зону боевых действий финской гражданской войны. Отряды красных финнов прошли через поместье, разграбив его и уничтожив скульптурные работы барона, которые там находились. Позднее он восстановил и отреставрировал обстановку и живопись, но скульптуры погибли безвозвратно. Необходимо отметить, что к счастью для всех почитателей таланта Э. Сёдеркройтца, Вторая мировая война обошла стороной поместье барона, оставив его в неприкосновенности, чего не скажешь о «Пенатах», сгоревших в 1944 году.

Имение «Харьюла» оставалось постоянным местом прожи-

вания Сёдеркройтца вплоть до его кончины в январе 1949 года. Скульптор говорил, что «...мог бы жить, где угодно, но выбрал своим единственным домом окрестности Харьявалты в самом сердце Сатакунты».²¹ При этом надо отметить, что начиная с 1921 года зиму, барон проводил в Хельсинки, но с ранней весны и до поздней осени имение «Харьюла» вновь становилось местом, где он жил и творил.

Преобразование двух усадеб в музеи

Сегодня усадьбы «Пенаты» и «Харьюла» – музеи мирового уровня. Это стало возможным, во-первых, потому, что их владельцы были выдающимся представителями творческой элиты России и Финляндии. А во-вторых, потому, что и Репин, и Сёдеркройтц еще при жизни задумывались над тем, чтобы имения, где они прожили много лет, были преобразованы в мемориальные музеи.

Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты» возник первым по времени. В завещании Н.Б. Нордман, составленном в 1910 году говорилось, что в случае ее смерти, усадьба «Пенаты» становилась пожизненной собственностью Репина, а потом переходила в собственность Академии художеств. Репин обнародовал это завещание после смерти Натальи Борисовны и перечислил 30 тысяч рублей Академии художеств на содержание усадьбы.²² Но бурные события, последовавшие после начала Первой мировой войны и образования независимой Финляндии, внесли свои коррективы в существование «Пенатов».

Революция в России, Гражданская, а позднее «Зимняя война» между СССР и Финляндией не коснулись напрямую имения Репина. Куоккала в первый же день «Зимней войны» была занята передовыми частями Красной Армии. При этом усадьба Ильи Ефимовича не пострадала, что дало возможность сразу после окончания войны начать работы по скорейшему открытию мемориального музея И.Е. Репина. В парке были вырублены старые

²¹ *Kava Ritva. Harjula.* Статья в книге: *Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life.* Helsinki.1997, с. 88.

²² *Репин И.Е. Письма художникам и художественным деятелям.* М., Искусство. 1952. С. 229–230.

деревья, восстановлен артезианский колодец «Посейдон», в самом доме Ильи Ефимовича также были проведены небольшие реставрационные работы. Торжественное открытие Музея-усадьбы И.Е. Репина состоялось 18 июня 1940 года.

Сразу же после открытия новый мемориальный музей на берегу Финского залива стал пользоваться большой популярностью среди почитателей таланта Репина. В первые два месяца работы, его посетило более 40 тысяч человек.²³ Ученица И.Е. Репина Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955) оставила воспоминания о своем посещении «Пенатов» в день открытия музея: «День был ясный и очень жаркий. Бесконечный людской поток двигался от железнодорожной станции по лугам, полям и перелескам к небольшому домику с остроконечными крышами, уютно прятавшемуся среди высоких сосен».²⁴

Спустя год после открытия Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты», началась Великая Отечественная война. Музей был закрыт, и все ценное – картины, рисунки, мебель и другие мемориальные вещи – перевезли в Ленинград и хранили в подвалах Академии Художеств, вплоть до нового открытия музея в 1962 году. Таким образом, уцелело все связанное с Репиным. Исключение составили самые крупные экспонаты, которые не представляли большой художественной и исторической ценности. Они остались в имени и сгорели вместе с домом, а при восстановлении усадьбы были вновь воссозданы, по имевшимся в архивах чертежам и фотографиям.

9 июня 1944 года на Карельском перешейке началось наступление Советской армии. Ему предшествовала артиллерийская подготовка в течение суток, во время которой, вероятно, усадьба была уничтожена. В том же 1944 году праздновалось 100-летие со дня рождения великого русского художника. Правительство СССР в ознаменование юбилея Репина, несмотря на продолжавшуюся войну, приняло решение о восстановлении Музея-усадьбы. Это Постановление Правительства определило дальнейшую

²³ Карпенко М.А., Кириллина Е.В., Левенфиш Е.Г. Прибульская И.И. «Пенаты». Музей-усадьба И.Е.Репина. Путеводитель. СПб. Остров. 2012. С.17.

²⁴ Остроумова-Лебедева А.П. Годы учения у И.Е. Репина. Репин И.Е. Сборник докладов и материалов. М., Академия художеств СССР. 1952. С. 21.

судьбу «Пенатов» как памятника не только Репину, но и русской культуре в целом.

Точных обмеров дома у строителей не было, поэтому восстановление велось по многочисленным фотографиям, сделанным как при жизни Ильи Ефимовича, так и после его смерти. В современном путеводителе написано, что «...парк, дом, внутренний вид комнат воссозданы такими, какими они были в 1905–1912 годах, то есть в наиболее значительный и интересный период жизни Репина в «Пенатах. Всего в доме Репина восстановлено десять комнат».²⁵ Второе открытие

музея в «Пенатах» состоялось только 24 июня 1962 года, и вновь при огромном стечении публики. Как и 22 года назад это событие стало заметным явлением в культурной жизни страны.

Официально музей в усадьбе «Харьюла» возник несколько

*Мемориальный комплекс
в усадьбе «Харьюла».*

Студия и жилой дом. 1997 г.

*Фрагмент дома И.Е. Репина
в усадьбе «Пенаты». 2012 г.*

позже, чем в «Пенатах», то есть только после кончины барона в январе 1949 года. Но уже в начале 1930-х годов Э. Сёдеркройтц полностью посвятил себя музейной работе и превращению своей усадьбы в музей. Он начал систематизировать свои многочисленные коллекции. По мере увеличения количества экспонатов росла и территория занятая ими. В

²⁵ Карпенко М.А., Кириллина Е.В., Левенфиш Е.Г. Прибульская И.И. «Пенаты». Музей-усадьба И.Е. Репина. Путеводитель. СПб. Остров. 2012. С. 24.

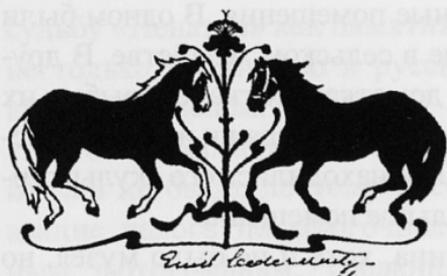
1942 году они уже занимали отдельные помещения. В одном были собраны орудия труда, применяемые в сельском хозяйстве. В других хранилась коллекции: ковров и дмотканых тканей, рыбачьих лодок, плетеных корзин и предметов конской упряжи и сбруи. Мастерская скульптора, где барон творил, и находились его скульптурные работы, также занимала специальное помещение.

В «Пенатах» после смерти Репина, хотя и не было музея, но старшая дочь художника Вера Ильинична в 1930-е годы показывала всем желающим мастерскую Репина. «Часто те, кто приезжал в Куоккалу, – писала Е.В. Кириллина, – просили Веру Ильиничну показать им репинскую мастерскую, таких посетителей появлялось довольно много, и Вера стала разрешать им осматривать “домик Репина” за небольшую входную плату».²⁶ Исходя из этого, можно сказать, что музейная деятельность в двух усадьбах началась практически одновременно

Творчество Эмиля Сёдеркройтца также хорошо известно, как и живопись Ильи Ефимовича Репина. Произведения барона украшают не только столицу, но и другие города Финляндии. Его любовь к земле, работе на ней и орудиям сельского труда нашли свое отражение в таких скульптурных композициях, как «Боронильщик» установленный в городе Пори и «Пахарь» в городе Хаявалта. Скульптуру пахаря вполне можно сопоставить с картиной Репина «Л.Н. Толстой на пашне» (1887), где великий русский писатель изображен идущим за плугом.

Кроме скульптуры и живописи барон прославился еще и как один из лучших в Европе вырезальщиков силуэтов из черной бумаги, искусства чрезвычайно модного на рубеже XIX–XX веков. Начав в возрасте 5–6 лет вырезать из черной бумаги силуэты, Сёдеркройтц пронес любовь к этому необычному искусству через всю свою жизнь. Мастерство Сёдеркройтца как силуэтиста росло одновременно с квалификацией скульптора. Он иллюстрировал силуэтами как свои собственные книги, так и книги других авторов, финские газеты и журналы того времени и книги для детей. Помимо традиционной черной бумаги, он иногда использовал цветную. Для него изготавливали специальную бумагу с надпи-

²⁶ Кириллина Е.В. Репин в Пенатах. Лениздат. 1977. С. 201.

Э. Сёдеркройтц.
Силуэт «Лошади»,
вырезанный из бумаги

стью: «Сделана специально для барона Сёдеркройтца». Финские искусствоведы считают, что «...в искусстве силуэта он был настолько оригинален, что его произведения трудно сравнивать с какими-либо другими работами, хотя некоторое соответствие можно найти в японской гравюре на дереве».²⁷

Музей-усадьба Э. Сёдеркройтца «Харьюла», расположенный в живописном месте между городами Турку и Пори, хорошо известен в Западных районах Финляндии. Огромное собрание его экспонатов составили, как скульптура и живопись самого Э. Сёдеркройтца, так и то, что было собрано бароном за долгую жизнь. По своей полноте эта удивительная коллекция не имеет аналогов в других музеях Финляндии.

Музей состоит из мемориальных жилых помещений, обставленных старинной мебелью. По стенам гостиных и библиотеки развешаны коллекции европейской живописи и ковров. Обширному собранию картин и прикладного искусства, находящемуся в усадьбе, может позавидовать любой государственный музей. В отдельном помещении хранятся его собственные скульптурные работы. В «Храме духа земли» располагается уникальное собрание вещей, относящихся к жизни и нелегкому труду финских крестьян. В настоящее время Музей-усадьба барона находится в ведении «Фонда имени Эмиля Сёдеркройтца» и муниципалитета города Харьявалта и круглый год принимает многочисленных почитателей творчества знаменитого скульптора.

В сегодняшнем мире два знаменитых представителя творческих элит России и Финляндии – И.Е. Репин и Э. Сёдеркройтц, жившие на рубеже XIX–XX веков, известны практически всем образованным людям, которые интересуются искусством.

Великий художник, выходец из гущи простого русского наро-

²⁷ Kava Ritva. Emil Cedercreutz's horses. Catalogue No.6. Emil Cedercreutz Museum. Harjavalta. 1988.

*Л.Н. Толстой на пашне. 1887. Рисунок И.Е. Репина
для картины 1887 года «Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне»*

да, который добился всего сам, и великолепный скульптор, обладавший уникальным талантом, прекрасно и всесторонне образованный аристократ из финской глубинки, они оставили после себя огромное художественное наследство. Их усадьбы, превращенные в мемориальные музеи после ухода из жизни, отражают разносторонность таланта, и увлечений. Картины И.Е. Репина находятся не только в музеях России, но являются ценнейшими экспонатами различных собраний Европы и Америки. Скульптурные шедевры Э. Сёдеркройтца украшают многие города Финляндии.

Мемориальный музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты» стал в современной России неким «драгоценным камнем» в «ожерелье» загородных музеев Петербурга. Ценность его тем больше, что это не царский дворец, превращенный в музей, а имение творческого человека, где сохранилась прижизненная атмосфера, окружавшая мастера. То же можно отнести и к имению «Харьюла». Это один из интереснейших финских мемориальных музеев, сохранивший за

долгие годы своего существования все мемориальные вещи и практически ничего не потерявший, за исключением скульптур, уничтоженных красными вандалами в 1918 году во время гражданской войны. К счастью, усадьбу не затронуло лихолетье «Зимней войны» и Второй мировой. И имение дошло до сегодняшнего зрителя таким, каким его оставил потомкам барон Э. Сёдеркройтц.

Дом Ильи Ефимовича, несмотря на свой солидный возраст и бурную историю, продолжает и сегодня хранить память не только о самом Репине, но и о тех замечательных людях – художниках, писателях, ученых и музыкантах, которые бывали здесь и составляют гордость отечественной и мировой культуры. Значение существования репинской усадьбы для интеллектуальной жизни нашей страны и Санкт-Петербурга в частности трудно переоценить. Поток людей, стремящихся посетить мемориальный музей И.Е. Репина, не ослабевает в любое время года. Как отмечала Т.П. Бородина в речи по случаю 50-летия воссоздания Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты»: «С момента повторного открытия музей посетило более пяти миллионов человек. Что же касается парка, то в нем побывало значительно больше людей, которые любили причудливыми видами прудов, мостиков и старинных аллей усадьбы».

В заключение необходимо отметить, что дух творчества, не выветрившийся за прошедшее столетие, бережно сохраняется сотрудниками двух музеев-усадоб. Несмотря на значительное расстояние, которое разделяет «Пенаты» и «Харьюла», их объединяет удивительное соответствие природы и необычной архитектуры самих домов, принадлежавших И.Е. Репину и Э. Сёдеркройтцу. Обе мемориальные усадьбы пользуются огромной популярностью у всех тех, кто живо интересуется культурой, искусством и историей двух соседних народов. Как автобусы с многочисленными финскими туристами не проезжают мимо сказочного дома И.Е. Репина в «Пенатах», так и российские граждане, любящие культурное наследие дружественной Финляндии, неизменно посещают усадьбу «Харьюла» барона Сёдеркройтца, когда оказываются в тех краях.

Е.М. Травина

Школы в Терийоках до 1917 года и история Терийокского Реального Училища

(иллюстрации предоставлены сайтом terijoki.spb.ru)

Терийоки до 1917 года по праву считались «дачной столицей» Выборгской губернии. Количество паспортов дачников, прописанных за лето 1913 года, достигало 17 тысяч. Если считать на один паспорт семью хоть в три человека, это получалось уже 51 тысяча дачников.¹ Но в Терийоках было и немалое постоянное русское население, которое тоже росло вместе с ростом деревни. С промышленным и хозяйственным ростом в Великом княжестве Финляндском, с увеличением торговых связей его с Российской Империей и, не в последнюю очередь, для обеспечения дачников, открывались новые промышленные производства, магазины, лавки, гостиницы и пансионаты; вели практику врачи; работали банки, отделения страховых обществ и различных агентств. Чиновники, купцы, врачи, юридические крестьяне (от небогатых, живших огородом и «дачным помыслом», до обладавших тысячными состояниями) обосновывались в Терийоках с семьями, а значит, их дети должны были учиться в школах.

Новые школы открывались по мере востребованности их населением, как всегда с некоторым запозданием, связанным с поиском финансирования.

¹ Финляндская газета № 188. 1913. С. 1.

тетские дипломы. Директором гимназии был магистр М. Росси.²

Точкой отсчета для русских школ можно считать 1886 год, хотя специально приглашенный учитель обучал русскому языку детей в финской школе еще с 1883 года. Идея открытия неказенной школы была выдвинута протоиереем К.И. Ветвеницким, поддержана прихожанами Териюкской церкви и Выборгским Православным Духовным правлением. Финляндское правительство предоставило безвозмездно землю для постройки школы. Само здание было построено на добровольные пожертвования жителей и дачников Териюк. Председателем дирекции школы, отвечающим за материальное содержание школы, был избран Иван Андреевич Дурдин. Членами дирекции были протоиерей Константин Ветвеницкий; надворный советник, член общества благоустройства Териюк Иоаким Никонович Креморенко; архитектор, член общества благоустройства Юлий Федорович Бруни и дворянин Егор Федорович Фридландер, владевший в Петербурге аптекой.

Школа работала только в летние месяцы. По состоянию на 1892 год в ней обучалось 20 детей – православных русских и лютеран финнов. Основными предметами были Закон Божий, русский язык и арифметика. Мальчиков учили также столярному ремеслу, а девочек – шитью и вязанию.

В течение года шел сбор пожертвований на нужды школы и денежных, и материальных. Благодаря этому при школе была образована библиотека с духовно-нравственной литературой, которой бесплатно пользовались все желающие в течение года. Е.Ф. Фридландер пожертвовал школе домашнюю аптеку, которую он время от времени пополнял; этой аптекой (в зимнее время единственной в Териюках) могли пользоваться и жители селения.³

Пожертвования русской народной школе шли на всем протяжении ее существования. Так, в 1913 году купцом Д. Т. Игумновым по духовному завещанию было пожертвовано «...в пользу Териюкской русской народной школы в неприкосновенный капитал 1 тысячу рублей; в пользу Териюкского православного прихода три дачи в Териюках с находящимися под дачами участками

² Териюкский дневник. № 1. 1913. С. 3.

³ Русский начальный учитель. Декабрь 1892 года. №12.
<http://ristikivi.spb.ru/docs/terijoki-russian-school-1.html>

земли для устройства в дачах технических классов для детей обоего пола, как-то: столярных, слесарных, кузнечных, переплетных или других – для мальчиков православного вероисповедания, а для девочек того же вероисповедания – садоводства, огородничества, швейных и прочих».⁴

К 1913 году в Терийоках было шесть школ: три финских и две русских народных школы; а также финская совместная гимназия. В августе 1913 года были открыты Терийокское русское реальное и ремесленное училища, а в следующем году – русская женская гимназия. К 1914/1915 учебному году для русских детей работали три начальных школы, две ремесленных (мужская и женская) и два средних учебных заведения – мужское реальное училище и женская гимназия. Кроме того, в доме Дальберг по Большой улице существовало приготовительное училище, которое готовило детей для поступления 1–3 классы народных школ.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и дать справку о довольно запутанной системе народного образования в царской России.

Начальное образование дети получали в приходских школах, а также в земских и городских начальных училищах. В начале XX века одновременно сосуществовало три типа начальных училищ.

Во-первых, это высшие начальные училища (ВНУ), образованные после реформы народного образования 1912 года, на базе земских и городских начальных училищ. В последних курс обучения составлял три или четыре года, в высших начальных – уже дотягивал до шести/восьми лет.

Во-вторых, двухклассные начальные училища, в которых учились четыре года – так называемые, городские начальные.

В-третьих, одноклассные начальные училища, в которых обучение длилось два-три года («трехзимние» одноклассные сельские и церковно-приходские, которые просто обучали грамотности).

Несмотря на такое разнообразие, программы училищ более или менее совмещались. Так, школьник, окончивший одноклассное училище, мог перейти в более высокое по рангу начальное;

⁴ Финляндская газета № 5, 1913. С. 2–3.

окончивший двухклассное – в третий класс городского училища. Беда состояла в том, что далее начального образования он практически двигаться не мог, поскольку по окончании начального курса по возрасту не подходил для поступления в среднее учебное заведение.⁵ Только ВНУ, учрежденные после реформы 1912 года, получили программу, согласованную с гимназической, и тем самым давали право на поступление в 4-й класс гимназии.⁶

Среднее образование в России давали классические гимназии со сроком обучения восемь лет, и реальные училища (преобразованные по реформе 1872 года из реальных гимназий) со сроком обучения шесть лет. Желающие поступить в высшее учебное техническое заведение из реального училища должны были закончить там дополнительный седьмой класс.

Таким образом, достаточно долго школьники, получившие начальное образование в Терийоках и желающие учиться дальше, не имели такой возможности. Ближайшие средние учебные заведения находились в Выборге, Петербурге и его пригородах (к примеру, Шувалово-Озерковская гимназия).

Фонд Терийокского реального училища (ТРУ) в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) дает достаточно полное представление о том, как училище организовывалось и функционировало.

В 1913 году был сформирован педагогический коллектив, и Педагогический совет во главе с директором ТРУ Владимиром Михайловичем Мелиоранским. Пожалуй, он был идеальной кандидатурой на должность директора. Накануне своего назначения статский советник В. М. Мелиоранский (Мелиоранский) был инспектором 1-й Санкт-Петербургской гимназии и казначеем Общества нуждающихся учеников при ней. Чуть ранее, в 1911 году, он –

⁵ Переход на новую систему с ВНУ был очень болезненным для школьников. Из второго класса трехклассного уездного училища переводили снова в первый класс начального городского (четырёхклассного), а из него снова с «понижением» в шестиклассное Высшее начальное, где первоклассником мог оказаться здоровенный 12–13 летний паренек. По окончании ВНУ он по возрасту уже не мог поступить в гимназию, но мог занять канцелярскую должность или продолжить обучение в средних специальных учебных заведениях – в военном, мореходном училищах или в учительской семинарии. Кроме того, всегда был вариант сдачи экзаменов экстерном, для чего существовало множество курсов по подготовке (к примеру, знаменитые Черняевские курсы в Петербурге).

⁶ Учащихся ВНУ называли «внучками». Гимназисты всячески третировали «пришлых», не допуская в свой «избранный» круг. См. *Лев Кассиль*. «Кондуит и Швамбрания».

коллежский советник, преподававший в 1-й Санкт-Петербургской гимназии, Пажеском корпусе, Институте инженеров путей сообщения и в гимназии Прокофьевой.⁷

Владимир Михайлович родился в семье секретаря Совета Санкт-Петербургского университета, Михаила Ивановича Мелиоранского, в свою очередь, сына священника.⁸ Его братьями были Борис Михайлович Мелиоранский (1870–1906), историк церкви, профессор на кафедре церковной истории историко-филологического факультета, и Платон Михайлович Мелиоранский (1868–1906), востоковед-тюрколог, ординарный профессор восточного факультета.

Владимир Михайлович Мелиоранский (1873–1941) известен как математик, автор учебников по математике для гимназий и народных училищ. После революции 1917 года преподавал в ЛИТМО и умер в блокаду; место захоронения неизвестно.

Преподаватели начальных одноклассных и двухклассных училищ (так называемые «народные учителя») обычно не пользовались правами государственной службы (не имели классных чинов, не получали наград, не имели права на чиновничью пенсию). В отличие от них преподаватели гимназий и реальных училищ были чиновниками, по преимуществу начинавшими свою карьеру с университетским или иным дипломом о высшем образовании. Конечно, были и исключения, что и было зафиксировано в Книге формулярных списков ТРУ. Среди преподавателей есть и «не имеющие чина» (официальная формулировка для разряда чиновников), и получившие право на преподавание в средних учебных заведениях в результате сдачи соответствующих экзаменов.

Из формулярных списков и деловой переписки известны фамилии некоторых преподавателей и наставников ТРУ.

Статский советник Петр Петрович Глушков (р. 15.06.1872 г.), из мещан, учитель истории и географии.

⁷ Адресный указатель «Весь Петербург» на 1913 и 1911 годы.

⁸ Фамилия Мелиоранский – искусственно созданная в то время, когда вместо отчества и прозвания стали требоваться фамилии. Священники брали фамилии по церковным праздникам (Успенские, Вознесенские, Рождественские), а также из греческого или латыни (Сперанские – «Надеждины», Мелиоранские – «Лучшевы»). Известное латинское выражение "meliora spero" переводится как «надеюсь на лучшее». Семинаристы прекрасно знали и формулу римских консулов "Feci quod potui faciant meliora potentes" -- Я сделал [всё], что смог, пусть те, кто смогут, сделают лучше».

Константин Ефимович Шулепов (р. 21.04.1884 г.), сын крестьянина, учитель русского языка.

Статский советник Дмитрий Михайлович Палатко (р. 25.10.1868 г.), из мещан Киева, учитель чистописания, рисования и черчения. Окончил педагогические курсы при Императорской Академии художеств.

Александр Владимирович Зверев, не имеющий чина (р. 16.10.1888 г.), сын чиновника, преподаватель естествознания и географии. Окончил полный курс Императорского СПб университета по естественному отделению физико-математического факультета.

Борис Александрович Кайданов (р. 27.09.1889 г.), из обер-офицерских детей, помощник классного наставника. Имеет свидетельство Либавской гимназии о специальном испытании на звание учителя начальных училищ.

Коллежский асессор Николай Федорович Петров, врач. Окончил Императорскую Военно-Морскую академию.

Лидия-София Вильгельмовна фон Модрах (р. 19.04.1880 г.), дочь полковника, учительница французского языка. Окончила полный курс 7-ми общих классов Императорского Воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт) со свидетельством и званием домашней наставницы, а также курсы французского языка, учрежденные «Альянс Франсез» в Петербурге, с правом получения свидетельства на звание учительницы по французскому языку средних учебных заведений. В ТРУ в 1918 г. Лидия Вильгельмовна совмещала работу учителя, секретаря Педагогического совета и классной наставницы.

Наталья Вильгельмовна фон Модрах (р. 26.04.1870 г.), дочь полковника, учительница немецкого языка. Окончила полный курс учения в Виленской женской гимназии, получила свидетельство на звание домашней учительницы в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора.

Статский советник Гриневиц Трофим Романович (р. 18.09.1859 г.), преподаватель естествознания. Окончил курс в Виленском учительском институте и курс в Петроградском университете по естественному отделению физико-математического факультета.⁹

⁹ Копии формулярных списков. ЦГИА, фонд 1008, оп. 1, д. 30.

*Бывшая дача С.И. Войтинского.
Зеленогорск, Красноармейская, 21. 2013 г.*

В разные годы в ТРУ преподавали также С. А. Чернышева (французский язык), И. М. Кабанов (гимнастика и пение), П.И. Сапунов (математика), П.И. Девин (русский язык), В. С. Державин (гимнастика), С.И. Войтинский (математика), В.Д.

Дейнеко, Е.И. Лященко, А. М. и Е. Э. Чельцовы, А. А. Бебинг, А.А. Быстревский (законоучитель), М. Г. Чистосердов (русский язык), Л.Б. Экземплярова, П. А. Янушкевич.¹⁰

Наверное, самым «именитым» из преподавателей ТРУ был терийокский дачевладелец, действительный статский советник, профессор Савелий Иосифович Войтинский, преподававший в Императорском Электро-техническом институте до своей отставки в 1906 г. В Терийоках он открыл курсы для подготовки абитуриентов к поступлению в высшие технические учебные за-

¹⁰ Агнесса Адольфовна Бебинг присутствовала на встрече выпускников и преподавателей ТРУ в 1973 г. в Хельсинки. Воспоминания П. Миролубова о ТРУ. Наша жизнь №3, 1973. С. 19.

<i>Kiventoimari</i>			<i>Terijoki</i>	
<i>1914 $\frac{3}{4}$</i>	<i>9/1192</i>	<i>9/1246</i>	<i>per</i>	<i>Hutorok, palstatilla</i>
<i>0,0076</i>	<i>2.26</i>		<i>2.28</i>	<i>Sod. valtionuuvos Saveli Osipovitsh Voitinsky</i>
				<i>Ujas Hakkarainen</i>
<i>1 l.h. t. k. 1905, \$ 369</i>			<i>(R. N° 2 120)</i>	
<i>dk. 1924, t. k. \$ 90,</i>			<i>kanttori Ujas Hakkarainen</i>	

*Карточка из архива в Миккели (Финляндия)
на участок С.И. Войтинского в Терийоках,
позволившая по номеру участка и карте межевания
точно определить принадлежность дома Войтинскому*

ведения. На участке от «зимней» дачи до Приморского шоссе для учеников были построены небольшие дачи, где они жили на полном пансионе. Там же размещались и учебные комнаты. Дача Войтинского, расположенная на Красноармейской, 21, сохранилась.

Важной для учебного заведения была должность почетного попечителя. С просьбой занять эту должность обращались обычно к благотворителю, который оказывал материальное вспоможение учебному заведению. Это было своеобразное признание его заслуг и благодарность за

помощь. Но процесс назначения лишь казался лёгким. Описание этого процесса в архивных документах помогает не только узнать об одном из достойных жителей Терийок, но и об отношениях, деловых и личных, участников переписки.

Должность почетного попечителя Терийокского реального училища была предложена Педагогическим советом училища потомственному почетному гражданину Константину Степановичу Богданову осенью 1915 г. Он владел в Терийоках дачей «Анино», названной по имени жены, Анны Ефимовны.¹¹ Богданов служил в руководстве «Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель», на тот год стаж его службы составлял 34 года.

После выдвижения кандидатуры («представления») следовало «возбуждение дела» Попечителем Петроградского учебного округа. Для этого требовался формулярный список Богданова с информацией о летах, вероисповедании, образовательном цензе, состоял ли на государственной службе и не был ли под судом.

*Савелий Иосифович
Войтинский*

¹¹ Дача сохранилась по сей день, находится на территории дома отдыха Союза архитекторов, является выявленным объектом культурного наследия. Современный адрес: г. Зеленогорск, ул. Курортная, 24.

Бывшая дача К.С. Богданова «Анино», теперь находится на территории Дома творчества архитекторов на Курортной, 24. 2014 г.

Параллельно директор Мелиоранский обратился с просьбой в «Товарищество нефтяного производства «Братьев Нобель» предоставить ему отзыв о прохождении Богдановым службы в этом Товариществе. Ответ от «Нобелей» не замедлил прийти, причем очень саркастический. Там совершенно справедливо посчитали издевательством подобную бумагу: училище принимало от Богданова его деньги в виде пожертвований, не спрашивая о его благонадежности и образовательном цензе. Но когда дело доходило до благодарности в виде почетной и неофициальной должности, то требовались бумаги. Ответ достоин того, чтобы быть приведен полностью.

«Милостивый государь! В ответ на отношение за № 309 Правление считает своим приятным долгом сообщить, что служащий Константин Степанович Богданов является одним из старейших, выдающихся по своим способностям в торгово-промышленном деле сотрудником Товарищества, а равно человеком, который по нравственным своим качествам и вниманию к интересам опекаемого им учебного заведения, вполне достоин звания почетного попечителя, ввиду чего Правление считает своим долгом поддержать возбуждение Вами перед г. Попечителем округа ходатайство

о назначении г-на Богданова на названную должность. С совершенным почтением. Подписи».¹²

Далее бумаги попали к Директору русских учебных заведений Великого княжества Финляндского, который, видимо, очень скучал, и поэтому обрадовался возможности проявить свою компетентность в таком сложном и ответственном деле и одновременно развлечь вышестоящее начальство. Письмо, написанное им директору Мелиоранскому, является, по сути, изощренной выволочкой человеку, который посмел забыть о субординации. «Этот вопрос, конечно, не может быть разрешен без согласия Финляндского Генерал-губернатора. Должен Вам сказать, что во всех вопросах, касающихся русских учебных заведений в Финляндии, Генерал-губернатор и по существу, и формально придерживается закона, по которому все русские учебные заведения, и средние, и низшие, подчинены директору русских учебных заведений Великого княжества Финляндского. Поэтому и Ваше представление о Богданове передано генерал-губернатором мне, с поручением представить сведения о нем. На основании всего вышеизложенного я усерднейше прошу Вас, многоуважаемый Владимир Михайлович, сообщить мне самые подробные сведения о г. Богданове, дабы я мог доложить г. Генерал-губернатору все мотивы, которые делают его желательным в качестве почетного попечителя Вашего Реального училища. Примите уверения в моем искреннем уважении и отличной преданности. В. Романовский».¹³

Мотивы были предложены следующие: Богданов принадлежит к русскому интеллигентному обществу Терийок и является одним из немногочисленных постоянных жителей; он является ревностным прихожанином Терийокского храма; имеет в Терийоках недвижимую собственность; проявляет интерес к ТРУ, который выражается в принесении в дар коллекции минералов, коллекции чучел птиц местной фауны, ценных книг для фундаментальной и ученической библиотек; Богданов выразил готовность оказывать ТРУ материальную поддержку в размере 1200 рублей в год; и ко всему, получен весьма лестный отзыв от правления «Товарищества «Братьев Нобель».

¹² О почетном попечителе К. С. Богданове. ЦГИА, фонд 1008, оп. 1, дело 40. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 7.

Всего за четыре месяца переписки формальности, наконец, были соблюдены, и г-ну Богданову было разрешено и впредь жертвовать училищу деньги, коллекции, книги, и все это уже в ранге почетного попечителя, официально утвержденного на три года.

Кстати, о деньгах. Материальная поддержка училища К.С. Богдановым как раз составляла примерно сумму годового жалования учителя с небольшим стажем. При начислении жалования преподавателю учитывались его учебная нагрузка, совместительство с другими должностями (классный наставник, библиотекарь, секретарь), выслуга лет (надбавки за каждые пять лет стажа). Таким образом, сорокалетний учитель истории Петр Петрович Глушков получал в год жалования 2880 рублей, которые складывались из оплаты 12 уроков в неделю (900 руб.), трех прибавок за выслугу (1200 руб.), за классное наставничество (600 руб.) и за должность библиотекаря (180 руб.)

Вспомогательный персонал (помощники классных наставников, письмоводители училища) имели к тому же право на «столовые» и «квартирные». Так, Б.А. Кайданов в год получал жалования в качестве помощника классного наставника 300 руб., столовых 300 руб., квартирных 150 руб. Правда, у него были еще и девять уроков гимнастики, за которые было заплачено 720 руб. (итого – 1.470 руб.)

Хуже обстояли дела у письмоводителя С. Н. Романова: жалование 360 руб., столовые 360 руб., квартирные 180 руб., (итого 900 руб. в год).¹⁴

Для сравнения, можно привести некоторые цены 1913 года в Петербурге: фунт ржаного хлеба – 3 коп.; пуд мяса 1-го сорта – 9 руб. 38 коп.; пуд сливочного масла (чухонское) – 15 руб. 25 коп.; пуд мороженых карасей – 8 руб. 48 коп.; пуд сметаны – 7 руб. 38 коп.; десяток яиц – 30 коп.; пуд антоновских яблок – 3 руб. 65 коп.¹⁵

Территориально ТРУ должно было собрать учеников от Бе-

¹⁴ Там же. Л. 2–26.

¹⁵ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/36.php

Ясно, что караси, антоновские яблоки, яйца и сметана не покупались в Терийоках по городским ценам; на месте собственного производства сметаны и собственноручной ловли карасей всё стоило дешевле.

1 пуд=16, 4 кг; 1 фунт=400 г.

*Терийокское реальное училище.
Находилось к северу от полотна
железной дороги, недалеко от вокзала.
Здание не сохранилось*

которых не будет обременительной плата за обучение в 70 рублей в год. В результате переписки с Министерством Народного Просвещения, плата была установлена в 60 рублей. Эти деньги планировалось отпустить на организацию образовательных экскурсий, поднятие физического развития учащихся, пополнение фундаментальной и ученической библиотек, приобретение учебных пособий, устройство «разумных» развлечений, а также на проведение необходимых ремонтных работ в школе.¹⁶

В 1913 году в 1-й класс ТРУ по результатам испытания (по Закону Божьему, русскому языку и арифметике) было зачислено десять человек. Из них четверо – дети крестьян (род занятий отцов не установлен); двое – сыновья чиновников, один сын священника, один сын личного почетного гражданина и двое сыновей аптекарского помощника. В основном, у всех них было домашнее обучение, кроме троих, обучавшихся в Министерских учебных заведениях (сыновья аптекарского помощника, братья Эренфельдт, пришли из Шувалово-Озерковской гимназии, а сын титулярного советника Леонид Арсеньев из трехклассного начального городского училища).

Во 2-й класс ТРУ было зачислено девять мальчиков. Они должны были пройти испытания по Закону Божьему, русскому

лоострова до Перкъярви, но в основном, дети приезжали из более близких местностей вокруг Терийок.

Педагогический Совет училища предположил, что состав учащихся будет принадлежать к семьям средней руки торговцев и промышленников, для

¹⁶ Дело об открытии Терийокского реального училища и об утверждении платы за обучение. ЦГИА. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 14.

Учащиеся Терийокского Реального училища. Фото 30-х гг.

языку, немецкому языку, арифметике, истории, естествоведению и географии. В основном, это были дети крестьян с так называемым предшествующим «домашним обучением». Лишь сын терийокского купца Василий Пошехонов имел за плечами двухклассную русскую народную школу, а сын чиновника Владимир Ващалов пришел из Выборгского реального училища.

Еще до официального открытия училища, в августе 1913 года, директором Мелиоранским уже были написаны письма о необходимости постройки постоянного здания. Училище открылось во временном помещении, двухэтажном деревянном доме, в котором под учебные нужды удалось приспособить два класса, рекреационный зал, ученическую шинельную, уборную, небольшую комнату для преподавателей и такую же для хранения учебных пособий. Для возведения новой школы требовался кредит на постройку. Участок земли мог быть пожертвован ктитorem Терийокской Казанской церкви М.В. Проворовым с одним условием: постройка должна была быть завершена к исходу второго года. В такие сроки деньги Министерством не могли быть выделены, поэтому начался процесс «уламывания» Проворова. В результате длительных переговоров он согласился на то, что строительство начнется в течение двух лет, потом – трёх, и наконец – четырех лет.

19 марта 1914 года, наконец, была оформлена дарственная,

сделанная личным почетным гражданином М.В. Проворовым Министерству Народного Просвещения, на участок земли величиной 1, 279 га и обозначенный № 28.¹⁷ Участок этот находился «...к северу от полотна железной дороги в расстоянии 6–7 минут ходьбы от вокзала; выходит своей южной границей на дорогу, ведущую к вокзалу, причем по соседству никаких зданий и жилых помещений не имеется; грунт участка песчаный, поверхность его покрыта хвойным лесом».¹⁸

Эскизный проект училища был выполнен исправляющим должность архитектора Петроградского учебного округа Л.П. Шишко и одобрен на заседании Строительного комитета 11 марта 1917 года.¹⁹

Для своего времени (да и на многие годы вперед) это был поистине выдающийся проект, в котором было предусмотрено всё, что требовал просвещенный XX век для учебных заведений. Критерии были заданы не только высоким состоянием инженерного и строительного дела того времени, и не только возросшими требованиями к учебному процессу, но и новейшими предложениями относительно условий гигиены (освещенность помещений, кубометры воздуха, его циркуляция, наличие уборных, душевых и прочего).

Новейшие требования, касающиеся гигиены в учебных заведениях, были представлены на Гигиенической выставке в Финляндии 1913 года. Рекомендовалось:

1. Развитие гимнастики и спорта, а значит, наличие спортивных залов и пришкольных спортивных площадок.
2. Экскурсии на лоно природы самого разного назначения – работа в саду, на огороде и в цветнике; коллекционирование в лесу; купание и плавание.
3. Постоянное медицинское сопровождение (освидетельствование) в период учебы, фиксирование параметров, а при необходимости направление в субсидируемые общиной поликлиники.
4. Школы располагаются в зданиях, специально для них постро-

¹⁷ Дело Терийокского реального училища о необходимости сооружения постоянного здания для Терийокского реального училища. ЦГИА. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.

¹⁸ Там же. Л. 6–7.

¹⁹ Там же. Л. 41–42.

енных, поэтому, там соблюдены все требования: много света и воздуха, есть вентиляция; есть специальные душевые, а иногда и бассейны при гимнастических залах.

5. Учителя направляются время от времени на курсы по школьной гигиене, а правительственная комиссия тем временем работает над учреждением в стране института школьных врачей.

«Маленькая страна в заботах о своем здоровом организме готовит для себя крепкое и здоровое поколение».²⁰

Проект здания ТРУ включал в себя основные требования, предъявляемые средним учебным заведениям.

Трехэтажное здание состояло из центральной (угловой) части и двух крыльев. На участке находились также служебный флигель, служебный двор, площадка для игр и сад. На первом этаже должны были разместиться: вестибюль, две шинельные, швейцарская, кабинет врача, кабинет директора и приемная, канцелярия, две библиотеки (ученическая и фундаментальная), архив, класс № 1, гимнастический зал, комната для переодевания, душ, учительская, столовая, кухня.

На втором этаже: в центре – рекреационный зал и церковь, кабинет инспектора и помещение для моделей; в правом крыле – алтарь, классы №2 и №3; в левом крыле классы №№ 5–7 и рисовальный класс.

На третьем этаже: в центре – актовый зал и два небольших помещения для учебных пособий; в правом крыле – чертежный класс, химическая лаборатория и уборные; в левом крыле – физический класс с приборной; естественно-исторический кабинет, класс № 8 и запасной класс.

Здание так и не было построено по известным причинам.

В 1917 г. В. М. Мелиоранского на посту директора ТРУ сменил коллежский советник А. И. Порхунов, служивший до того преподавателем Харьковского среднего сельскохозяйственного училища. За ним в 1918 году – коллежский советник В. В. Владимирский (инспектор ТРУ с 1916 г.), затем г. Пузин и, наконец, Павел Алексеевич Янушкевич. В дореволюционной России он был статским советником, гражданским инженером, служил архитекто-

²⁰ Школьная гигиена в Финляндии. Терийокский Дневник №10. 1913. С. 3.

Финская совместная гимназия (лицей) после перестройки и расширения в 1931 г. Находилась на Кузнечной улице. Здание не сохранилось

ром Городской управы, преподавал в Политехническом институте.

В Петербурге известны три дома, связанных с именем Янушкевича: он перестроил здание Ольгинской больницы на Владимирском, 16 и построил два доходных дома для купца Е. А. Григорьева на М. Посадской, дом № 7 и дом № 16. По последнему адресу Янушкевич жил сам с 1913 года.

После всех потрясений революции, Мировой и гражданской войны в Финляндии, училище прошло «перезагрузку» в 1920-м: были объединены мужское реальное училище и женская гимназия, и возникло новое учебное заведение – Русское совместное реальное училище с новой точкой отсчета. Почти сразу же возникли проблемы материального характера, и на протяжении последующих 17 лет оно постоянно было на грани закрытия. Спасала помощь земгора и хлопоты директора Янушкевича. Дело иногда доходило до того, что учащиеся приносили с собой в школу одно-два полена, чтобы топить печи в классах, в которых температура воздуха опускалась до минус пяти.²¹

²¹ Териоки. Возрождение. 24 марта 1934 года.

<http://ristikivi.spb.ru/docs/common-emipress.html?id=1934032401>

Тем не менее, училище работало, каждый год празднуя очередную выпуск. Кроме основного, было открыто и коммерческое отделение. Так продолжалось до 1937 г., который все же стал последним для ТРУ.

С 1920 по 1937 г. училище окончили 270 воспитанников и воспитанниц, из них 60 человек поступило в высшие учебные заведения, большинство при материальной поддержке земгора.

Август Рейхе, отправлявший в парижскую газету «Возрождение» корреспонденции о жизни русских в Финляндии, писал: «После раздачи аттестатов и свидетельств, абитуриенты тепло и сердечно прощались со своим любимым директором и преподавателями; были прочитаны трогательные адреса. От имени родителей благодарил, с глубоким земным поклоном, директора и его сотрудников-преподавателей прот. Светловский.

Глубокое впечатление произвела на всех присутствовавших одухотворенная, блестящая речь преподавательницы Л.Б. Экземпляровой, обращенная от имени педагогического персонала к директору П. А. Янушкевичу. Закончился акт докладом преподавателя русской словесности М. Г. Чистосердова о большом значении русских средне-учебных заведений на чужбине и общей беседой».²²

В 1973 году в Хельсинки, в клубе РКДС, собрались выпускники ТРУ, пришло около ста человек. Ротапринтный журнал «Наша жизнь» напечатал «отчет» об этой встрече: «Я чувствовал себя 17-летним парнишкой, и то же самое, смею утверждать, происходило со всеми присутствовавшими... Мы не признавали их настоящих фамилий, а их имена, прозвища и фамилии были те самые, которые мы привыкли произносить в здании училища».²³ Вспоминали о прошедших годах; кто-то рассказывал о посещении Зеленогорска и поисках памятных мест, связанных с детством и юностью. И вряд ли можно считать совпадением, что в следующих номерах журнала «Наша жизнь» были напечатаны воспоминания о Терийоках 30-х годов, расширяющие и детализирующие воспоминания о «реалке» – Терийокском реальном училище.

²² Русские в Финляндии. Возрождение. 2 июля 1937 года. <http://ristikivi.spb.ru/docs/common-emiipress.html?id=1937070201>

²³ ТРУ. Замечательный вечер. Наша жизнь № 3. 1973. С. 16.

О чём писала «Ленинградская здравница» в 1987 году

Мы продолжаем публикацию материалов замечательной газеты «Ленинградская здравница», начатую в предыдущем сборнике.¹ Ниже – статьи, рассказывающие о разных сторонах жизни Сестрорецка. За прошедшие 28 лет некоторые основательно забыли, а некоторые и не могли знать в силу своей молодости о субботниках, «несунах», борьбе с пьянством и многом другом, чем была наполнена наша жизнь в те годы. Давайте вспомним...

Л.И. Амирханов

Разные отношения²

В парке «Дубки» пионеры и школьники 435-й школы создали так называемую экологическую тропу, вдоль которой установлены лесная мебель, стенды с фотографии животных и птиц, обитающих в наших краях, деревьев и кустарников, растущих в Ленинградской области. Под каждым из снимков – познавательная, полезная информация. Причем, все сделано со вкусом, любовью к природе, и невольно обращает внимание, привлекает взгляд.

Редко кто остается равнодушным к той большой работе, которую проделали ребята по созданию экологической тропы. Сейчас они постоянно следят за ней и продолжают ее оформление.

А вот такую же тропу в Парголовском парклесхозе, о которой рассказывала «Ленинградская здравница», как о большом инте-

¹ См. Курортный район. Страницы истории. Выпуск 9. СПб. 2014.

² Ленинградская здравница. № 2. 06.01. 1987.

ресном почине в деле охраны окружающей среды, сегодня не узнать. Многое здесь из того, что было бережно сделано, безжалостно испорчено, разрисовано различными нелепыми надписями. Видишь такое – и горько становится за тех, кому не дорог чужой труд. Приходит на ум и другое: видимо, недостаточно внимания уделяется у нас экологическим проблемам. В школах района, например, нет университетов охраны природы (в других районах они давно уже созданы).

Нельзя не вспомнить о том, как медленно осуществляется намеченное. Так, в санатории «Черная речка» до сих пор не приступили к организации экологической тропы, хотя это мероприятие давно здесь запланировано. Есть все возможности для создания таких троп в санаториях «Сестрорецкий курорт» и «Репино». Нужно только по-настоящему взяться за дело...

Важно постоянно помнить о том, что охрана природы – наше общее дело. Мы привыкли считать, что основной ущерб природе наносят промышленные предприятия, и ущерб этот несравним с тем, который может причинить отдельный человек. А факты говорят обратное. Каждый из нас, независимо от профессии и рода занятий, имеет самое прямое отношение к острейшим проблемам экологии. Конечно, усилия государственных и общественных организаций дают свои плоды, но нужно, чтобы любой человек проникся тревогой за судьбу природы. Ведь никакие безотходные технологии и лучшие методы очистки не дадут должной отдачи, если за их внедрение будут отвечать равнодушные люди.

И как не вспомнить здесь слова А.П. Чехова: если каждый человек на куске земли сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля.

И. Тяпушкина
Зам. председателя районного совета ВООП

Музей в Сестрорецке³

А ваше мнение?

18 ноября прошлого года в газете «Ленинградская здравница» была опубликована заметка ветерана партии А. Журенкова под

³ Ленинградская здравница. № 8. 20.01. 1987.

название «Оживают страницы истории». Автор этого материала рассказал о большой работе секретаря районной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Михаила Ивановича Васильева по сбору документов, фотографий и экспонатов, рассказывающих о героическом прошлом Сестрорецка и Карельского перешейка.

Все сказанное в заметке А. Журенкова соответствует действительности, но мне хотелось бы продолжить рассказ о планах М.И. Васильева, сделать собранные на выставке материалы достоянием всего населения района и гостей наших здравниц.

Каким быть музею на первых порах и кем он должен создаваться? Вот вопросы, на которые хочется ответить, приведя ряд соображений.

Думается, прежде всего, должно быть решение Сестрорецкого районного Совета народных депутатов о целесообразности создания такого музея. Представляется целесообразным привлечь энтузиастов разных профессий: столяров, художников, фотографов, преподавателей истории, русского языка и литературы, биологии и других предметов, работающих в школах нашего района. Каждый из них, на мой взгляд, мог бы предложить свои услуги совету музея; проще говоря, написать, кто, когда и чем может помочь в составлении экспозиций. Уже имеющиеся собранные материалы можно будет дополнить фотокопиями документов, хранящихся, например, в музее завода им. Воскова. К сбору материалов хорошо бы подключить отделы здравоохранения, народного образования и культуры райисполкома.

Известно, что в центральной библиотеке Сестрорецкого района имеется много документов и фотографий, рассказывающих о пребывании и работе на Карельском перешейке В.И. Ленина, целого ряда писателей и поэтов. Думается, что работники библиотеки также с удовольствием помогут в оформлении экспозиции будущего музея.

В создании стендов и другого необходимого оборудования, без сомнения, примут участие энтузиасты Сестрорецкого ремонтно-строительного управления, мастера мебельного цеха в поселке Горская, рабочие столярного цеха завода имени Воскова.

В сестрорецких школах есть интересный и хороший опыт организации силами учащихся старших классов экскурсий по

ленинским местам. А почему бы старшеклассникам не стать экскурсоводами одного-двух отделов будущего народного музея, в выходные дни и во время школьных каникул? Польза от этого будет обоюдная.

Таким образом, музей по духу должен быть народным, организованным с помощью трудящихся предприятий и учреждений района. Для создания такого музея у нас имеются все возможности. К тому же сотрудники Государственного музея истории Ленинграда обещали помочь сестроречанам в этом нужном, большом деле.

М. Грачев

А Васька слушает да ест⁴

Под острым углом

В июне 1985 года в одной из своих публикаций наша газета поднимала вопрос об усилении борьбы с мелким воровством. В частности, упоминалось о неблагоприятном положении, сложившемся на пищеблоке пансионата «Буревестник», где во время двух рейдов были задержаны с унесенными продуктами восемь человек.

И вот недавно сотрудники ОБХСС Сестрорецкого РУВД решили проверить, как сейчас в этой здравнице обстоят дела с сохранностью продуктов. Увы, оказалось, что там ничего не изменилось. Судите сами: теперь уже десять работников пищеблока были задержаны с похищенными продуктами.

В их числе сестра-хозяйка Г.А. З-ва, официантки Т.А. А-ва, Т.Н. К-на и другие. Все они оштрафованы народным судом.

Напрашиваются законные вопросы: когда же в пансионате наведут порядок, усилят контроль, эффективней будут вести политико-воспитательную работу?

К сожалению, подобные явления наблюдаются и в других здравницах. К примеру, в наших предыдущих публикациях дважды упоминался санаторий «Сестрорецкий курорт», где задерживались «несуны» с солидным количеством вынесенных продуктов. Факты свидетельствуют, что и здесь это зло до конца

⁴ Ленинградская здравница. № 12. 29.01. 1987.

не изжито. Так, на днях сотрудники ОБХСС уличили в мелком хищении продуктов повара В.М. П-ву, официанток С.Н. Б-ву и А.В. Г-ву.

Среди державших ответ перед народным судом была также официантка Дома творчества ВТО З.В. С-ая...

Складывается впечатление, что в некоторых здравницах на подобное не обращают внимания – уносить продукты никто не мешает. Видимо, причину надо искать в укоренившейся психологии попустительства. Бесконтрольность здесь стала нормой.

Пожалуй, стоит напомнить еще раз, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года предусмотрена такая возможная мера административной ответственности, как штраф. С 1 июля 1986 года установлено, что лицо, совершившее мелкое хищение государственного или общественного имущества подвергается штрафу от 20 до 200 рублей, независимо от того, на какую сумму совершено хищение.

Народный суд за подобные действия может применить и другую меру – исправительные работы на срок от 1 до 2 месяцев с удержанием 20 процентов заработка.

Наряду с этим к расхитителям в обязательном порядке применяются дополнительные меры. Их лишают всех видов премий на период, установленный администрацией по согласованию с трудовым коллективом, либо с профсоюзным комитетом. Они лишаются также вознаграждения по итогам работы за год, льготных путевок в дома отдыха и санатории.

Строго, но справедливо.

И. Яковлев

Зачем на зеркало пенять⁵

По следам письма

Многое ли вместишь в открытку? Размер не тот, поэтому автор письма в редакцию назвал свою фамилию и поставил инициалы, а вот обратный адрес не указал – места не хватило. Все заняло описание «мытарств», с которыми столкнулся К.Н. Попов, находясь на отдыхе и лечении в санатории «Сестрорецкий курорт». Полностью приводить здесь письмо не будем, ограни-

⁵ Ленинградская здравница. № 21. 19.02. 1987.

чимся лишь первой фразой (сохраняя стиль и пунктуацию автора): «Ув. Ред-р!

Досрочно отбываю – такого “вежливого” коллектива пищеблока копрпуса № 3 санатория Сестрорецкий курорт никогда не приходилось видеть за 40 лет трудовой деятельности (даже в казармах!)»... Далее шли еще более резкие выражения.

Еду в санаторий. Разбирая жалобу, беседую с сотрудниками. И выясняется совсем иная картина. С первых же дней пребывания в здравнице инженер объединения «Ленинградский Металлический завод» К.Н. Попов вел себя вызывающе по отношению к обслуживающему персоналу. Поэтому, кстати и запомнился, хотя времени уже прошло немало.

– Попов не только с нами был груб – он и с отдыхающими лез в драку, – рассказывает диетсестра Т.Ю. Просветова, – когда те пытались его урезонить. А однажды соседям по столу в отместку соли в творог насыпал...

– Постоянно опаздывал на завтрак, обед и ужин, – добавляет официантка Л.Г. Зевина. – И приказным тоном требовал его обслужить. Положено одну бутылку кефира на двоих, а он настаивал, чтобы для него было сделано исключение – выдавали две бутылки на одного.

– Раз вышла в зал помочь официантке накрыть стол, так Попов как закричит: «Почему без головного убора?» – это говорит кухонная рабочая М.Е. Александрова.

О непомерных амбициях и оскорбительных выходках К.Н. Попова многое мог бы поведать и лечащий врач С.Г. Михайлов, и медсестры. Хорошо знаю, насколько обходительны сотрудницы здравницы к своим, порой излишне требовательным гостям, как стараются уладить конфликт, не вынося его за пределы учреждения. Однако на этот раз их терпение иссякло. О грубом, бестактном поведении К.Н. Попова сообщили по месту его работы – в профсоюзный комитет объединения «Ленинградский Металлический завод». Так как мы впервые столкнулись с таким откровенным хамством со стороны больного, – заканчивает это письмо, перечислив предварительно все «художества» К.Н. Попова, главный врач санатория Н.П. Туманова, – то убедительно просим принять соответствующие меры к распоясавшемуся хулигану».

В профкоме предприятия, куда я позвонил, откровенно огор-

чены – не часто приходится получать подобные послания. «Обязательно разберемся с Поповым, – заверила меня член профкома Э.Г. Ерцова. Примем все необходимые меры, чтобы путевки выделялись достойным...».

Разумеется, в обслуживании отдыхающих, приезжающих в наши здравницы, есть еще немало недостатков. И мы ни в коем случае не собираемся закрывать на это глаза. Однако в данном случае, как мы убедились, совсем иное. Не случайно к жалобе К.Н. Попова не приводится ни одного факта – одни эмоции.

Разбираясь с этой историей, припомнилась известная басня, мораль которой я и вынес в заголовок.

М. Сахновский

50 лет Ленинградской здравнице⁶

Домохозяйки идут на завод

В ответ на обращение главы Советского правительства домохозяйки города Сестрорецка идут работать на завод, заменяя мужчин, ушедших в Красную Армию.

В сектор найма завода им. Воскова ежедневно приходят женщины, никогда не работавшие на производстве, с просьбой напечатать их в цеха.

Среди принятых за последнее время домохозяйки Е.С. Андреева, принятая в отдел технического контроля 2-го цеха, В.И. Роднина – ученицей-обкатчицей в электроцехах, Е.К. Грейнерт – кладовщицей, Л.В. Морозова, А.П. Григорьева, Т.Ф. Матвеева, Е.И. Ефимова приняты станочницами.

Песня о Сестрорецке написана

Композитор Д.А. Прицкер закончил работу над музыкой к «Песне о Сестрорецке». Сейчас песня уже инструментуется для оркестра и разучивается духовым оркестром завода им. Воскова и хором ДИТРа. На днях ноты и слова песни будут напечатаны в нашей газете.

⁶ Ленинградская здравница. № 24. 24.02. 1987. Рубрика, посвященная 50-летию газеты, публиковала материалы разных лет, опубликованные в газете «Сестрорецкий рабочий».

6 июня 1939 года ноты текст песни о Сестрорецке были опубликованы. Они начинаются так:

*Прохладный ветер
По городу мчится,
Шевелит листья
Больших дубов.
Наш город скромн,
Он не столица,
Таких ведь много
Есть городов.
Но он Союзу всему известен,
И славой город овеян наш:
Здесь за Разливом, в лесу, то место,
Где знаменитый стоял шалаш.*

Авторы текста песни – участники конкурса газеты «Сестрорецкий рабочий» – С. Акопянц, Н. Перфильев, Д. Никитин.

Садовод новатор Х.Я. Ойнас

В Александровском поселке на берегу маленькой, высохшей речки, раскинулся большой сад. Аккуратно подстриженные молодые дубы чередуются с кустами рябины, усыпанной кистями красных ягод.

В поисках хозяина вы идете по аккуратным дорожкам, любуясь большими георгинами, кустами шиповника. Крупные красивые ягоды горят на солнце.

Но вот взгляд останавливается на отдельно растущей рябине: среди веток, полных спелых красных ягод, покачиваются большие зеленые груши!

Спешите удостовериться: не обманывает ли Вас зрение?

– Да, сомнений нет: на стволе рябины растет ветка груши, несмотря на небольшую величину, нагруженная плодами. Вы начинаете внимательно осматривать все окружающее вас. Вот еще необычайные сочетания нескольких растений на одном дереве: с ветвями черемухи переплетаются ветки сливы, дружно растущие на одном стволе.

Наконец, среди веток деревьев и кустов видна фигурка человека, что-то осматривающего на молодом дубе. Это хозяин не совсем обычного сада – Христиан Яковлевич Ойнас

Христиан Яковлевич Ойнас старый садовод. Восемнадцатилетним юношей поступил он работать в частный сад. Под руководством опытных садоводов постигал он тайны садоводства. Долгое время Христиан Яковлевич работал в Петербурге в Государственном ботаническом саду. Но опытной работой по прививке и окулировке дикорастущих лесных деревьев он занялся только три года назад.

Целью себе он поставил сделать так, чтобы лесные деревья вроде рябины, черемухи, дуба после незначительной операции с ними могли давать культурные плоды.

Несмотря на свои преклонные годы (Христиану Яковлевичу 72 года), он еще думает многое сделать в этой области садоводства.

Л. Павлов

«Сестрорецкий рабочий» (июнь, сентябрь 1939 г.)

Не теряем надежды⁷

Санаторий «Сестрорецкий курорт» находится в одном из самых живописных уголков Карельского перешейка. Еще в 1924 году по распоряжению ВЦИК за подписью М.И. Калинина ему была выделена огромная территория – 54 гектара. Парк санатория начинается сразу за линией железной дороги, круто поворачивающей на восток от берега Финского залива. Здесь сосновые и пихтовые аллеи, тенистые уголки, где можно укрыться в жару, спортивная площадка, которая пользуется популярностью не только у отдыхающих, но и у горожан.

На территории парка находится водный памятник природы – источник кембрийской воды, которая выражаясь медицинским языком, показана при многих заболеваниях желудка, печени, почек. Эту слабоминерализованную воду у нас качают мощными насосами из двух скважин, глубина которых 165 метров. За сутки потребляется около 250 кубометров: от питья в холодной и теплом виде до наполнения минеральных ванн.

В прошлом году в скважинах установлена автоматическая ап-

⁷ Ленинградская здравница. № 33. 17.03. 1987.

*Видимо, это одна из немногих уцелевших с тех пор деревянных скульптур С. Алешина в парке Сестрорецкого курорта.
Март 2014 г.*

паратура для контроля температуры добываемой воды, ее расхода и измерения уровней. На основании проведенных гидрогеологических измерений выполнена работа по подсчету запасов источника. Результаты показали, что в случае необходимости потребление воды может быть увеличено в два раза. И тем не менее у нас ведется строгий учет и контроль за ее расходом, постоянная борьба за экономию.

Относиться бережно к запасам – вовсе не значит ограничивать кого-то в потреблении воды. Путь к источнику открыт всем желающим. Около него особенно многолюдно летом. А в последнее время здесь нередко можно увидеть детей. Дело в том, что два года назад один из корпусов здравницы впервые принял маленьких пациентов, прибывших на лечение вместе со своими родителями. Любимым местом отдыха ребят стала детская площадка. Она действительно не может не радовать. Обращала внимание,

что даже взрослые с удовольствием проводят здесь время. Ну а для детишек – просто рай!

Деревянные скульптуры сделал наш художник-оформитель Сергей Алешин. Около его мастерской всегда лежат причудливые стволы деревьев и выкорчеванные пни. Вот из этого-то природного материала Сергей талантливо, с большой выдумкой и фантазией создает сказку. Дарит людям радость, хорошее настроение.

В известной степени на него влияет не только окружающая среда, но и погода. Во многом она определяет работоспособность людей, влияет на их самочувствие. Именно поэтому большое внимание у нас уделяется климатолечению. С 1936 года на территории санатория метеорологические наблюдения ведет биоклиматическая станция. Ежедневно составляются медицинские прогнозы погоды, которые передаются врачам, а также в другие здравницы Карельского перешейка, в газету «Ленинградская здравница».

«Кухня погоды» – метеоплощадка находится недалеко от Финского залива. Здесь производятся наблюдения за температурой и влажностью воздуха, скоростью и направлением ветра, облачностью и осадками, температурой воды... Сейчас в связи со строительством дамбы опасность наводнения в нашем районе (в прибрежной зоне) возрастает. Это подтверждает наводнение 6 декабря 1986 года, когда уровень воды в Ленинграде поднялся до отметки 264 сантиметра, в то время как у нас вода поднялась до 320–340 см.

В «Сестрорецком курорте» была затоплена значительная территория. Оказалась в воде станция перекачки канализации. Волны унесли с пляжа песок, обрушились на защитную стенку, в отдельных местах перехлестнули через нее.

В связи с этим в здравницах Лентерсовета целесообразно принять дополнительные меры по сохранению оборудования пляжей и других сооружений, расположенных в зоне затопления. Ведь уже не за горами то время, когда перемычка на дамбе, наконец, сомкнется. И тогда колоссальный натиск нагонной волны, отражаясь от защитного комплекса, пойдет обратно, на запад.

Вода будет растекаться по северным и южным берегам Финского залива. Наш район может в значительной степени пострадать от наводнения. Как показывают расчеты, подъем воды будет выше на 10–15 процентов. И хотя выводы, сделанные на основании математических и натуральных исследований, могут оказаться

ошибочными, меры по предотвращению стихийных бедствий предпринимать нужно. И делать это – заранее. А начать необходимо с непрерывного наблюдения за уровнем подъема воды, проводил бы которые специалист.

К сожалению, переговоры о выделении ставки метеонаблюдателя ведутся вот уже на протяжении трех лет, но окончательного результата их пока не видно. До тех пор, пока не «грянет гром», что вполне возможно...⁸

И. Крушатина

Деловой дуэт⁹

В еженедельнике «Ленинградский рабочий» (№ 12 от 20 марта с. г.) в статье «Оптом и в розницу» рассказывалось о спекулятивных махинациях винно-водочными изделиями в Ленинграде. В ней упоминалась и фамилия рабочего райпищеторга В. С–ва, представшего перед народным судом.

Читатели нашей газеты спрашивают: каков исход этого дела и в чем конкретно обвиняется этот человек?

Грузчику магазина № 110 в. С–ву, дирекция заведомо зная его тягу к спиртному, доверила продажу винной продукции в ларе. Пьяница сделал выручку в сумме более 270 рублей и решил пустить их в «оборот», поправить свое материальное положение, то есть заняться бизнесом.

Вместе со своей знакомой – дезинфектором зеленогорской СЭС Л. П–ной – он для начала на государственные деньги купил двадцать бутылок вина и возле столовой № 2 города-курорта стал их перепродавать из-под полы по спекулятивной цене.

Но, увы! Затея «делового» дуэта не удалась. Сотрудниками милиции они вскоре были взяты с поличным. При этом изъято восемнадцать бутылок вина.

И вот итоги этой плачевной операции «бизнес»: В. С–в приговорен к двум годам исправительно-трудовых работ в соответствующих

⁸ Эта статья написана 28 лет назад. И за все это время проблемой наводнений в Сестрорецке никто не занимался. Но вот «гранул гром». В 2010 году строительство дамбы в основном было закончено. Наводнения 2011-го и 2013 годов, во время которых створы дамбы закрывались, оказали сильнейшее воздействие на Сестрорецкий парк Дубки, в чем можно убедиться, посмотрев на фотографии, предоставленные дирекцией парка «Дубки и помещенные на 4-й странице обложки. Подробнее об этом – в следующем выпуске «Курортного района».

⁹ Ленинградская здравница. № 41. 04.04. 1987.

местах. Кроме того, с него в течение этого срока будут удерживаться двадцать процентов от заработка. Имущество конфискуется.

Такое же наказание понесла и соучастница. Правда, время пребывания ее в заключении на полгода меньше. Не сбылись их мечты разбогатеть за счет нетрудовых доходов. Понятно почему. Следует помнить мудрое изречение: сколько ниточка не тянись, кончик найдется.

Забывают, к сожалению, об этом некоторые, нейметса им: авось повезет. Но, как свидетельствуют факты, практика – расходы в таком случае всегда превысят доходы. Все труднее и труднее становится дельцам. Закон и активные действия общественности – надежный заслон от спекулянтов.

И. Голянд,

нештатный корреспондент

Ударным трудом¹⁰

Наивысшей производительностью труда и отличным качеством выпущенной продукции решили ознаменовать труженики нашего района коммунистический субботник, посвященный 117-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина.

На заседании районного штаба по подготовке к проведению Всесоюзного коммунистического субботника были обсуждены вопросы готовности коллективов предприятий, учреждения и организаций к празднику труда.

По предварительным данным, в нем примут участие 33 тысячи сестроречан. Около 10 тысяч будут трудиться на рабочих местах, более 23 тысяч – на благоустройстве 330 га территории района.

На сэкономленных топливно-энергетических ресурсах отрабатывают десять предприятий, тридцать цехов, около ста пятидесяти смен, бригад, всего около пяти тысяч трудящихся.

В фонд пятилетки сестроречане перечислят 57 тысяч рублей. 130 передовиков производства обязались 18 апреля выполнить задания четырех месяцев второго года пятилетки.

Выступившие заместитель председателя исполкома райсовета Б.Д. Дьяков, председатели Зеленогорского городского и Песочинского поселкового Советов народных депутатов В.А.

¹⁰ Ленинградская здравница. № 43. 09.04. 1987.

Плотницкий и А.В. Сидоренко рассказали о готовности города и поселка к проведению субботника, задачах, которые предстоит решить трудящимся в ходе его проведения.

Ряд предложений во время заседания внесли секретарь парткома завода имени Воскова Е.Ф. Коняев, начальник АТП-12 Ю.А. Белоросов, директор автобазы «Спецтранс» К.Н. Давыдкин и др.

В выступлении второго секретаря РК КПСС председателя районного штаба по подготовке и проведению Ленинского коммунистического субботника В.И. Фурсова было особо подчеркнута, что «красная суббота» должна пройти на большом организационном и политическом уровне, стать смотром резервов повышения эффективности и качества работы, выполнения плановых заданий и социалистических обязательств, дальнейшей мобилизации трудящихся района на достойную встречу 70-летия Великого Октября.

Торжественное заседание¹¹

Трудящиеся нашего района, как и все советские люди, торжественно отмечают 117-ю годовщину со дня рождения А.И. Ленина – великого вождя и учителя трудящихся, основателя Коммунистической партии и Советского государства.

20 апреля в РК КПСС состоялось торжественное заседание трудящихся, представителей партийных, советских, общественных организаций района, посвященное 117-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина.

С докладом на заседании выступил секретарь РК КПСС Е.А. Давыдов

Были вручены Красные знамена, вымпелы, грамоты трудовым коллективам – победителям в социалистическом соревновании по итогам 1-го квартала.

Торжественное заседание закончилось исполнением партийного гимна «Интернационал». После этого состоялся праздничный концерт.

¹¹ Ленинградская здравница. № 48. 21.04. 1987.

Кооператив Сестрорецка¹²

В нашем районе, в соответствии с Законом об индивидуальной трудовой деятельности организуется кооператив общественного питания. Уже есть и название – «Сестрорецкий». Он объединит несколько торговых точек, в том числе гриль-киоск в поселке Тарховка, кафе «Чудесница» в поселке Александровский и др. Сегодня своими соображениями по этому поводу с нашим корреспондентом делится председатель кооператива Д.В. Дудин.

– Идея создания кооператива общественного питания возникла у меня, что называется, спонтанно: из чтения газет, прослушивания радио, просмотра телепередач, пропагандирующих занятие индивидуальной трудовой деятельностью в той сфере жизни, отрасли производства, в которой можно суметь принести наибольшую пользу.

Согласитесь, наша служба сервиса еще слишком далека от идеала. Даже в ресторане, не говоря уже о простой столовой обычного типа, нередко можно увидеть на столах скатерть не первой свежести, плохо вымытую посуду; приходится томиться в ожидании, когда подадут обед... А главное – качество пищи далеко не всегда нас удовлетворяет. Девиз же нашего кооператива таков: «Вкусно, быстро, дешево, красиво». Вы спрашиваете, что это означает, «красиво»? Разрешите пока не отвечать на этот вопрос, пусть это будет тайной. Вдруг не получится. Но первые три заповеди девиза гарантирую.

Сам я по профессии радиоинженер, но владею еще несколькими специальностями: могу плотничать и штукатурить, разбираюсь в электротехнике, вожу машину, в студенческие годы прошел хорошую практику в стройотрядах. Люблю природу, увлекаюсь рыбалкой, охотой.

Вы скажете, какое все это имеет отношение к делу, к которому мы приступили? По-моему, самое прямое. Ведь точки, которые мы берем на обслуживание, совершенно запущены и нуждаются в ремонте. Взять хотя бы гриль-киоск в Тарховке. Первое, с чего мы начали, это с его восстановления, с облагораживания близлежащей, сильно захламленной территории. Рядом с гриль-киоском думаем оборудовать платную автостоянку. Места здесь прекрас-

¹² Ленинградская здравница. № 49. 23.04. 1987.

ные: лесопарк, неподалеку залив. Уверены, что от туристов и автотуристов отбоя не будет.

Я тут посмотрел в ведомости: даже в самые жаркие дни точка давала выручку не более двухсот рублей. Полагаю, что ее можно увеличить, по крайней мере, вдесятеро. Нет, не за счет дороговизны блюд, изделий, товаров – цены у нас будут примерно такие же, как и на других – государственных предприятиях общественного питания. Но ассортимент будет шире, качество блюд приближено к домашней кухне, культура обслуживания выше. Наряду с товарами, выпускаемыми промышленностью, станем торговать и собственной продукцией. Из рецептурной книги выберем и будем готовить то, что пользуется особенным спросом. И режим работы установим такой, какой наиболее удобен посетителям.

Кто будет работать в кооперативе? У меня много друзей, единомышленников и энтузиастов, которые всегда готовы помочь в свое свободное время. Один из них, художник, уже приступил к оформлению помещения гриль-киоска и других наших точек.

Однако основная ставка – на студентов и пенсионеров. По совместительству привлекать людей будем чрезвычайно редко – если только это не в ущерб ни основной, ни нашей работе. В данном случае может получиться так: либо человек приходит к нам уставшим, либо будет трудиться кое-как на основном производстве, сберегая силы для второй работы. А в результате настоящей отдачи нет негде...

Кооператив «Сестрорецкий» не из тех предприятий, что берут на семейный подряд. Однако моя жена, которая кстати сказать, отлично готовит, а также наши с ней родители, будут активно помогать. Мы говорим посетителям: «Добро пожаловать в наше заведение. Не пожалеете».

М. Сахновский

А после прозрения¹³

«Зеленый змий» – коварен и опасен. И примеров этому, к сожалению, еще немало. Причина многих житейских бед, искалеченных судеб – пьянство...

Среди пациентов, которые попадают в отделение острой трав-

¹³ Ленинградская здравница. № 50. 25.04. 1987.

мы больницы № 40, в основном люди, пострадавшие в состоянии алкогольного опьянения.

Так, Наталью К-ву (женщину без определенных занятий) доставили сюда с диагнозом: «сотрясение головного мозга, ушиб позвоночника, множество других телесных повреждений» С неким С. Л-вым, недавно вернувшимся из лечебно-трудового профилактория, решила устроить попойку. Закончилась она ссорой, во время которой «друг» пустил в ход кулаки. Дальнейшее известно...

Все было бы благополучно для монтера сестрорецкой зоны Невско-Смольнинского радиоузла В. В-ва, не встретив он «зеленого змия». Поборол он монтера, не устоял тот на ногах, упал. Диагноз: «закрытый перелом большой берцовой кости, ушибы». Свыше месяца провел любитель спиртного на койке...

Не обошлась без вмешательства врачей и буфетчица детского санатория им. Маслова А. Г-ая, которую избил подгулявший супруг...

Две недели лечили И. И-ва (Зеленогорск). Выпил три стакана вина и четыре кружки пива. Потом полез в драку. Исход ее – сотрясением головного мозга, открытый перелом носа...

Воздерживался от спиртного на работе маляр санатория «Репино» Н. К-ин, не выпивал. Зато дома наверстывал упущенное. «Компенсация» закончилась переломом правой голени.

А вот рабочий цеха № 8 завода имени Воскова Э. В-ич до такой степени «набрался», что до сих пор не припомнит при каких обстоятельствах получил тяжелые травмы ног. 26 дней находился он в больнице и сейчас продолжает амбулаторное лечение.

Человек в состоянии опьянения не способен контролировать свои мысли и поступки. Именно по этой причине оказался на больничной койке рабочий магазина № 20 пищеторга А. Б-о.

И еще приведу один пример, свидетельствующий о том, к чему может привести пьянство. З. А-ва жительница поселка Песочный выпила вместе со своим знакомым. И в награду получила... удар по голове только что распитой бутылкой. Печальный случай...

... В больнице, когда врач оказывает помощь пациенту, находящемуся во власти Бахуса, нередко услышишь слово «Больно!». А выздоровев, прозрев, о чем думает пьяница? Произнесет ли он, выходя из медучреждения: «Мне больно доктор. Больно за себя!»?

И. Яковлев

Помешали деревья¹⁴

Уважаемые товарищи! 14 апреля для жильцов дома № 26, что на улице Володарского, произошло неожиданное событие. В утренние часы, когда люди находились на работе, были уничтожены четыре прекрасных больших тополя, росших у нашего дома. И сделали это работники жилищного треста № 1 ОЖК.

Деревья эти бережно охранялись даже во время строительства дома. Строителя закрывали их щитами. Тополя радовали нас 17 лет, во все времена года защищая от пыли, шума и дыма из трубы котельной... Под кронами деревьев всегда можно было укрыться от летнего зноя, организовать игры детей, отдых пенсионеров.

Помнится, года три назад работники треста пытались снести деревья, но жильцы воспротивились. А сейчас, увы, не сумели защитить зеленого друга. Работники треста № 1 и ОЖК остались глухи к нашим просьбам.

Причины же, на которые они ссылались при уничтожении деревьев, кажутся нам неубедительными. Наши деревья росли дальше, чем на 5 метров от дома, были совершенно здоровы и сомнения в их декоративности, которые возникли у инспекторов треста садово-паркового хозяйства, представляются нам, жильцам, неубедительными.

Просим Вас обратить внимание на следующие моменты: снос деревьев происходил в отсутствие ответственного лица, двумя рабочими жилищного треста под руководством дворника; разрешение на спиливание предъявлено не было; по совершенно непонятной причине было уничтожено дерево, стоящее в стороне от дома; при спиливании деревьев погибли две липы, служившие памятью о человеке, их посадившем.

Конечно, уничтоженного не вернешь, а чувство обиды только частично исчезнет после новых посадок. Но мы, коренные сестроречане, беспокоимся, что подобные случаи могут повториться в нашем городе И пусть наше письмо будет учтено депутатской группой при анализе работы треста садово-паркового хозяйства и объединения жилищного хозяйства. Нас также интересует: сколь-

¹⁴ Ленинградская здравница. № 54. 07.05. 1987.

ко деревьев было уничтожено в Сестрорецке и сколько посажено взамен.

*О. Фадеев,
Ветеран труда и другие (всего 19 подписей)*

К этому письму было приложено и другое, в котором говорилось:

Мы, члены санитарной комиссии домового комитета треста № 1 ОЖК, подтверждаем справедливость всего изложенного в письме жильцов дома № 36 по улице Володарского. И хотим от себя добавить, что санитарная комиссия неоднократно ставила перед работниками жилтреста № 1 вопрос о безобразном захламлении близлежащей территории. Здесь много лет существует самая настоящая свалка железного лома: сломанные кровати, трубы, корпуса холодильников, кузова машин и т. п. Весь этот хлам занимает спортплощадку завода имени Воскова. Вокруг котельной, обслуживающей кухню детского питания, постоянно находятся горы угля и всякого строительного мусора, предназначенного для сжигания.

Очень обидно, что работники треста № 1 и ОЖК на протоколы и решения санитарной комиссии никак не реагируют.

*Р. Корпачева,
Т. Выходцева*

Содержание

А. Орфеев, М. Неклюдов. Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта	3
Л.И. Амирханов. Сестрорецкие дюны. Часть первая	24
Г.Н. Хрущева. Аркадий Федотов – герой Первой мировой войны	42
✓ Л.А. Намгаладце-Бургвиц. Лиля Бургвиц и ее семья	59
✓ Н.В. Сайко. Из воспоминаний	85
✓ Ю. Степанов. Краткий репортаж о моей жизни в блокаду и после	91
Ю.Д. Балащенко. Две усадьбы, две судьбы	94
Е.М. Травина. Школы в Терийоках до 1917 года и история Терийокского Реального Училища	123
О чем писала «Ленинградская здравница» в 1987 году	141

Курортный район. Страницы истории.

Выпуск 10

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»

Адрес для писем: zitadel@bk.ru

Составители Л.И. Амирханов, Р.Н. Гараева

Редактор Л.И. Амирханов

Корректор Н.Н. Никифорова

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Тираж 700 экз. Заказ 0780

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»:
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия ВО, 12.

Зимняя мастерская И.Е. Репина в усадьбе «Пенаты». 2012 г.

ЦБС Курортного района № 09 0061710

«Белая гостиная» в усадьбе Э. Сёдерквиста «Харьюла». 1997 г.

26/12/2011 15:53

Парк «Дубки» в Сестрорецке. Наводнение 2011 года

Парк «Дубки» в Сестрорецке. Наводнение 2013 года